

Колдовские Миры

Империя Тигвердов

ПЛАМЯ МЕСТИ

ТЕРЕЗА ТУР

Annotation

Никогда не знаешь, к чему тебя приведет любовь к синим платьям и к журналистике. Никогда не знаешь, кого видишь перед собой. У злодеев тысячи лиц, и надо научиться видеть сердцем. Меня зовут Вероника. С фамилией, как и со статусом в империи Тигвердов, мне еще предстоит определиться, а пока... Пока кое с кем предстоит разобраться, да помогут нам Стихии! И может быть, тогда я наконец-то скажу Ричарду, что... А сейчас под угрозой не только наше чувство, но и само существование тысяч людей под небом Империи, которое перестало быть прекрасным и мирным.

- [Тереза Тур](#)
  - [Пролог](#)
  - [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
  - [Глава 10](#)
  - [Глава 11](#)
  - [Глава 12](#)
  - [Глава 13](#)
  - [Глава 14](#)
  - [Глава 15](#)
  - [Глава 16](#)
  - [Глава 17](#)
  - [Глава 18](#)
  - [Глава 19](#)
  - [Глава 20](#)
  - [Глава 21](#)
  - [Глава 22](#)
  - [Глава 23](#)

- [Глава 24](#)
  - [Глава 25](#)
  - [Глава 26](#)
  - [Глава 27](#)
  - [Глава 28](#)
  - [Глава 29](#)
  - [Глава 30](#)
  - [Глава 31](#)
  - [Глава 32](#)
  - [Эпилог](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
-

Тереза Тур

**ИМПЕРИЯ ТИГВЕРДОВ. ПЛАМЯ
МЕСТИ**

Пролог

Денис стоял и смотрел на женское тело, найденное в подворотне. Станный непривычный гул в голове мешал сосредоточиться и понять, что делать дальше. Хотелось закурить. Он бросил еще до того, как перебрался в империю, а теперь и вовсе не вспоминал — имперцы не выносили запах табака.

До этого момента не тянуло, а сейчас... Он нервно дернул головой, запрещая сотруднику переворачивать убитую лицом к ним... Еще несколько мгновений он может разрешить себе надеяться. Еще чуть-чуть — на пару затяжек. Черт, как же хочется курить. Надо все-таки держать пачку на экстренные случаи, хотя Луиза не одобрит.

Этот район Роттервика был спокойный, респектабельный даже. И жители дома немедленно вызвали сотрудников Уголовной полиции. Да еще и отчитали прибывших следователей за то, что те недостаточно хорошо выполняют свою работу по обеспечению правопорядка в столице.

Бывший командир СОБРа, а ныне — волей императора Фредерика — начальник Уголовной полиции империи, не отрываясь, смотрел на убитую. Длинные рассыпавшиеся по спине медовые волосы, темно-синее платье. И перстень с темно-синим камнем на указательном пальце правой руки. Тело лежало так, чтобы рука и перстень на пальце бросались в глаза.

Денис воспринимал свою способность мысленно связываться с людьми в этом мире как должное. Его психика быстро адаптировалась к местным «чудесам», так как был он натурой не романтической и не впечатлительной. Глубоко вздохнув, он еще раз почувствовал желание затянуться сигаретой, сосредоточился и мысленно позвал:

— Вероника! — Она не отвечала.

Зато Ричард, с которым он связался вторым «звонком», ответил сразу, словно что-то почувствовал.

— Где она? — спросил Денис у сына императора.

— Эта невозможная женщина, — абсолютно счастливым голосом ответил принц Тигверд, — опять оторвалась от охраны. Оставила записку, что ушла по делам, и исчезла.

Сердце начальника Уголовной полиции рухнуло вниз. Он разорвал связь, резко шагнул вперед и, стараясь чтобы никто не заметил, как предательски трясутся руки, перевернул покойницу.

— Ника... — раздался за спиной хрип Ричарда. Имперец почувствовал

неладное и сразу перенесся к Денису.

— Нет, — выдохнул бывший командир СОБРа со смешанным чувством дикого облегчения и нестерпимого стыда, рассматривая лицо. Симпатичное, круглое. С россыпью веснушек. Незнакомое.

— Это не она? — выдохнул Ричард.

— Смотри сам. — Денис поднялся и шагнул назад.

Принц Тигверд сделал над собой явное усилие и опустился на колено рядом с убитой. Долго и внимательно ее осматривал.

— Явно хотели меня задеть. И перстень очень похож...

— Согласен. Синее платье, — кивнул начальник Уголовного розыска. — Необычный оттенок волос. Кто-то захотел с нами поиграть...

— Я вызвал армейских розыскников. Сейчас будут, — ответил ему главнокомандующий в отставке. — Милорд Браун, я позволю себе предложить помощь вашему управлению?

— Я с удовольствием ее приму, — торжественно ответил Денис. — Более того, я буду настаивать на том, чтобы организовать сотрудничество всех силовых ведомств, пока у нас... подобная непонятная ситуация.

Хлопок портала. И перед ними появляются военные. Черная форма, отсутствие знаков различия.

— Командующий Тигверд, — поклонился невысокий крепко сбитый черноволосый мужчина, на вид такого же возраста, как и старший сын императора.

— Полковник Гилмор, — обратился к нему Ричард, — позвольте вам представить нового начальника Уголовной полиции милорда Брауна.

— Очень приятно. — Мужчины коротко поклонились друг другу и обменялись рукопожатиями.

— Я заинтересован, чтобы дело об убийстве этой несчастной, — Ричард кивнул в сторону тела на мостовой, — было раскрыто в кратчайшие сроки. А виновный... Я желаю с ним пообщаться. Надеюсь, господа, вы пойдете навстречу моим желаниям. В связи с этим, полковник Гилмор, объявляйте особое положение, присоединяйтесь к сотрудникам Уголовной полиции. Поднимайте всех. Вы поступаете в распоряжение милорда Брауна. О ходе расследования отчитаетесь мне завтра в семь утра. И, кстати... — В его глазах полыхнули алые всполохи. — Отрядить пятерку нюхачей. Пусть мне доложат, где миледи Вероника. Мне необходимо с ней поговорить.

Глава 1

— Миледи Вероника... — счастливыми улыбками встретили меня три дамы, оставаясь, впрочем, сидеть в креслах.

Как я поняла — мне пытались указать, где мое место. Стратегия этих райских птичек заключалась, видимо, в том, что я, стоя на пороге изящной до зубной боли гостиной, должна была почувствовать себя никчемной неотесанной выскочкой. Впрочем, так оно и было, а потому не задевало нисколько.

Я глубоко вздохнула, улыбнулась хищной улыбкой, скопированной у его величества Фредерика, обвела их всех насмешливым взглядом и неторопливо шагнула вперед, давая женам вельмож фору на пару минут... Надо же им было привыкнуть и одуматься.

Итак, кого я вижу перед собой?

Маркиза Вустер. Ту, что мы с Джулианой — моей помощницей в деле издания журнала — называли «иконкой стиля». Аристократка. Красивая, утонченная. Каждый жест продуман, каждое движение отточено. Каждая мелочь — в облике ли, в одежде — подчеркивает статус и красоту хозяйки... Я обратилась к ней через его величество, она мне была нужна. В идеале я бы хотела, чтобы она лично вела модную колонку в моем журнале. В крайнем случае — консультировала.

Она согласилась встретиться со мной и все обсудить. Но почему-то ждала меня не одна, а в компании еще двух дам.

И кто это? Интересно мне знать...

Молчание затягивалось. Я смотрела на женщин, они смотрели на меня. Хозяйка дома, которая должна была нас представить, молчала.

Вообще-то, если посчитать, то с момента моего появления в доме меня оскорбили уже не один раз.

Мы с маркизой Вустер запланировали встречу, не предполагающую, как я думала, присутствия посторонних, — раз. Неизвестных мне дам не представили — два. Кроме того, я все-таки была членом семьи императора, следовательно, по местному табелю о рангах они должны были приветствовать меня поднявшись. А так... Я перед ними стояла, как служанка при найме на работу. И присесть мне, что характерно, не предложили.

— Я так понимаю, — как-то мне все это надоело, — что разговора не получится... Маркиза, я в восторге от вашего умения оказывать

любезность. Доброго дня, дамы.

И я развернулась, чтобы уйти из этого дома.

Марево портала, и я сталкиваюсь с Ричардом.

— Ника! — Он хватает меня за плечи.

— Ваше высочество... — пытаюсь голосом показать, что он со своими проявлениями чувств слегка не к месту, но любимый меня почему-то не слышит.

— Почему без охраны! — теперь в его голосе слышится злость.

— Принц Тигверд... — поджимаю я губы, раздосадованная этим представлением.

Дамы за спиной старательно молчат.

«Ричард! — мысленно рычу я, — да оглядись и возьми себя в руки! Мы не одни!!!»

Он наконец приходит в себя, смотрит за мою спину. Его лицо принимает обычное для общения с посторонними отстраненно-надменно-насмешливое выражение.

— Маркиза, — чуть склоняет он голову, не выпуская, впрочем, мои плечи.

— Ваше высочество, — нежный женский голосок невинно звенит серебряным колокольчиком.

— Вы уже закончили вашу... беседу? — обращается ко мне Ричард, и насмешка в его голосе становится отчетливее.

— Да, — киваю я.

— Чего-то подобного я и ожидал, — иронично отзывается он. — Маркиза, вы предсказуемы.

Я обернулась, чтобы увидеть, как хозяйка дома поднимается и склоняется в придворном реверансе. При этом ее глаза сверкнули ненавистью, которую ей не удалось скрыть, несмотря на то что она явно старалась это сделать.

— Герцогиня Борнмут... — продолжил сын императора. И герцогиня — сверкая надменной красотой совершенной статуи — тоже была вынуждена подняться и склониться перед нами. — Мне кажется или его величество абсолютно зря высказал предположение о том, что опалу вашей семьи можно снять? Складывается впечатление, будто ни вы, ни ваш муж — бывший генеральный прокурор — не умеете ценить хорошего отношения августейшей семьи. Весьма прискорбно....

— Графиня Тробрайдж... — обернулся принц Тигверд к третьей участнице наших милых посиделок. Дама была бледна, и в ее синих глазах явно читалась растерянность. — Вас я, честно говоря, не ожидал здесь

увидеть.

«Трoubридж... — стала вспоминать я. — Это, получается, мама студента из Академии. Дипломник Ричарда, который у него обедал».

Я старательно отогнала мысль о том, как этот самый юный аристократ пытался меня зажать в коридоре...

«Именно он следил за правилами поведения на дуэли, когда Рэм и Паша сцепились с сыновьями Кромера и Борнмута».

— Общаясь с вашим сыном в стенах Академии, я подразумевал, что и его семья — вполне лояльные к императорской фамилии аристократы, — продолжил между тем принц Тигверд.

— К императорской фамилии — безусловно! — все-таки не выдержала хозяйка дома. — Однако...

— Вы оспариваете решение императора? — Теперь в голосе Ричарда было только веселье. — Вы не согласны с тем, что и я, и миледи Вероника принадлежим к семье повелителя? Да вы просто бунтовщица, миледи!

— Его величество волен в своих решениях, — прошипела маркиза.

— Именно так, — склонил голову сын императора. — А его подданные должны уважать эти решения. Я думаю, на этом мы закончим эту интереснейшую беседу. Дамы... Я разочарован. Миледи Вероника...

Он протянул мне руку, на которую я и оперлась.

Мы сделали шаг в портал.

— Где мы? — спросила я.

— О! Это сюрприз, дорогая! — Что-то было в его голосе такое, что я напряглась.

— Посмотри, Вероника. — Это был Денис.

— Что происходит? — недовольно поинтересовалась я, оглядываясь. Поняла, что нахожусь в какой-то подворотне. А прямо передо мной лежит мертвая женщина.

В голове у меня застучало, ноги подкосились.

Меня поддержал, не давая упасть, Ричард.

— Смотри внимательно, Вероника... Никого не напоминает? — И я понимаю, что если посмотрю ему в глаза, то увижу вместо обычной черноты алое пламя бешенства.

— Пусти меня...

— Нет, — слышу я, к своему удивлению. — Смотри внимательно.

— Не понимаю. — Злость сплетается со страхом.

— Она одета так же, как ты, — шипит мне в ухо принц Тигверд. — У нее твой цвет волос. И — посмотри — похожий перстень на пальце.

— Действительно.

— А ты сбежала от охраны.

— Ее убили, потому что перепутали со мной?

— Вот этого мы не знаем, Вероника, — вмешивается в нашу беседу Денис. — Но когда мы увидели несчастную, то нам показалось...

— Ричард, — поднимаю я глаза на мужчину, который продолжает меня обнимать.

— Ника, больше никаких отлучек без охраны, — приказал мне сын императора. — Мне не хотелось бы тебе угрожать или ругаться с тобой, но... Пожалуйста.

— Хорошо, — тихо пообещала я.

Действительно, что-то я осмелела чересчур. А может, это у меня так выражался протест против того, что моя семья — и я, и Наташа, и мои родители с мальчиками — была вынуждена переселиться в империю.

— Забери меня отсюда, — подняла я глаза на Ричарда.

— Конечно, любимая, — прикоснулся он губами к моим волосам.

В последнее время мы сбегали ото всех в крошечный домик посреди вечного леса. Я все хотела спросить у него, где мы и как он нашел эту избушку... Но стоило оказаться наедине, как все вопросы, мысли и переживания прятались — а появляться снова стеснялись....

Оставалась только наша дикая, какая-то отчаянная страсть. И мы отдавались ей так, будто виделись в последний раз. Ричард не заговаривал ни о свадьбе, ни о будущем. Мы вообще старались не разговаривать, наверное, оба боялись, что любым неосторожным словом можно уничтожить тот хрупкий мир, который установился между нами.

Мы просто делали шаг навстречу друг другу — один маленький, осторожный шагочок... А потом... Потом мы смотрели друг другу в глаза, и время исчезало, а пространство плавилось в затерянной избушке непонятно где.

Мы уже перестали стопами — моими — и рычанием — его — пугать окрестную живность. И теперь просто молчали. Нам было уютно. Обнявшись, мы слушали лес, который, казалось, по-доброму и чуть насмешливо слушал нас.

Я уже начала дремать, когда Ричард тихо проговорил:

— А ты помнишь...

— Танго?

— Да. — Он легонько коснулся меня губами.

— Это было волшебное место... Мы еще будем там?

— Просто побывать там можно, — Ричард гладил мои волосы, но говорил куда-то в пустоту, — но попросить решить твою проблему — нет.

— Почему?

— У мага есть только один шанс за жизнь спросить у Пустоты совета. И попросить совершить чудо.

— И ты потратил этот шанс? — Я посмотрела ему в глаза и не увидела там и тени сожаления. — А вдруг в твоей жизни случится что-то более важное?!

— Самое важное в моей жизни — ты... — И он сменил тему: — Мне понравилось, как ты вчера пришла ко мне на совещание.

Пальцы легонько стали поглаживать мою спину, вспоминая, должно быть, наш обоюдный взрыв страсти, который за этим вытаскиванием с совещания и последовал.

— По-моему, мне все позавидовали. — Он чуть прикусил мне мочку уха, потом стал целовать шею.

— На самом деле я пришла к тебе ругаться. Потому что ты скрываешься от моих журналистов. И нарушаешь все договоренности!

Надо же, у меня хватило сил на такую длинную фразу.

— По-моему, это было эффектное появление. И его запомнят, — довольно сказал Ричард.

— Это ты превратил деловой разговор в... непонятно что!

— А ты не заметила полный кабинет военных и просто стала меня целовать... И такое впечатление, что, если бы я нас сюда не перенес, ты бы меня там, на столе в кабинете, и...

— Ричард!

— Что?!

— Ничего... На столе — это неудобно.

— Почему? — блеснули его глаза.

Думаю, в ближайшее время мы что-то такое будем проверять опытным путем. Я рассмеялась — и тоже стала гладить его. Потом вывернулась — и склонилась над ним. Мои волосы рассыпались по его коже.

— Будешь меня провоцировать — опыты начну прямо сейчас...

— Может, если я заведу руки за голову, вам будет удобнее? — обратился он ко мне, сверкая черными глазами.

— О! Это было бы весьма любезно с вашей стороны, милорд...

Я поцеловала его твердые и вкусные губы. Потом подняла голову. Внимательно посмотрела на него...

— Изумительное сочетание: светлых, почти белых волос, вьющихся на затылке, — мои пальцы запутались в его распущенных волосах, — и черных глаз. Ричард, я схожу от тебя с ума буквально с первого взгляда.

— Я тоже... — прошептал он. Потом насмешливо прищурился и

спросил тоном девочки-отличницы: — Так ты воспользуешься моим беззащитным положением?

— Всенепременно! — кивнула я.

И воспользовалась.

* * *

— Расскажи мне об этом лесе, — неожиданно для себя попросила я.

— О чем тебе рассказать? — изумился и он.

— Это же не просто лес...

— Нет. — Удивление в его глазах никуда не делось, но он с явным облегчением поменял тему разговора. — Это лес погибшего мира.

— Как это?

— На этот мир напали. Только завоевателям не нужны были полезные ископаемые. Им необходимы были земли. Для себя, для своих детей. Их мир погиб — и им некуда было идти.

— А вы помогли тем, кто защищался?

— Да. Только мы не учли степень отчаяния нападавших... Или сумасшествия... Не просчитали.

— И что сделали нападавшие?

— Когда они поняли, что проигрывают, они уничтожили этот мир. Сочетание техники, магии и мощного проклятия, замешанного на жизнях тысяч живых существ.

— Какой ужас.

— Мы спасли кого смогли, вывезли. В этом мире осталось несколько городов, под куполами защиты. И этот лес. И убийственный ядовитый большой мир снаружи. Я сам ставил защиту, чтобы под куполом спасти это место.

— А есть надежда?

— Я верю в это. Когда-нибудь заклятие рассеется. Я уберу щиты. И такой лес будет по всему миру. Он возродится.

Он долго смотрел мне в глаза. И выдохнул:

— Я тебя люблю...

* * *

Когда я перенеслась домой, в загородное поместье Ричарда Тигверда,

то попыталась тихонечко просочиться в свою комнату. Честно говоря, хотелось в душ и подремать. В голове была приятная легкость, а ноги подкашивались. Но меня, к сожалению, уже ждали.

— И как вы прикажете вас понимать, миледи? — споткнулась я о взгляд глаз, отвечающих алым.

О-о-о! Какой родной, наполненный скрежетанием голос... Если закрыть глаза, то можно подумать, что это гневается или император Фредерик, или его старший сын — Ричард. Я умилилась и проговорила:

— Простите, Брэндон. Знаю, что поступила не очень разумно...

— Разумно?! — взвился он окончательно. — Смею вам напомнить, миледи, что я несу за вас ответственность! А еще — в прошлый раз, когда вы так исчезли, то были захвачены сошедшей с ума русалкой!

«Это он еще не знает о том, что нашли убитую женщину, похожую на меня...»

Пока наследник гневался, а я ощущала себя девочкой-первоклассницей, одновременно размышляла о том, что надо бы дать задание нашим журналистам узнать подробности этого дела. Но связываться сама с ними я не умела, а просить об этом... Брэндона, например... не очень хотелось.

— Слушайте, — мне удалось вклиниться в его проникновенно-гневный монолог, — но ведь не было никакой опасности. Я перенеслась в столичный особняк Ричарда. А оттуда дошла пешком до дома маркизы Вустер.

— Так вот где вы были... Как пешком?!

Я посмотрела на него удивленно — моя прогулка, между прочим в соседний дом, тут при чем?

— Вас должны были привезти в карете, — продолжил возмущаться наследник. — Вы же не прислуга, чтобы пешком ходить!

— Брэндон, — взмолилась я, — давайте я отдохну, а вы меня после поругаете.

— Вы хорошо себя чувствуете?

— Отлично. — Так, Вероника. Не краснеть. Ни в коем случае не...

Брэндон посмотрел на меня с насмешкой.

— Простите, что задержал вас в холле.

Покачала головой — вот ведь язва тигвердская...

И прошла в гостиную. Меня встретил радостный Флоризель, всем своим собачьим видом выражая поддержку, но при этом осторожно поглядывая на Брэндона — сердится ли тот или уже нет.

Тут я попала под прицел матушкиных глаз. Судя по поджатым губам,

она была совершенно согласна с каждым словом наследника. Понятно, что сюда долетели все. Странно, что она не выскочила оказать поддержку молодому дарованию, когда он меня воспитывал.

Прошла к своему креслу у камина. Уселась. Погладила подросшего щенка, со счастливым вздохом рухнувшего рядом. Оглядела свое воинство.

Наташа сражалась с имперской печатной машинкой, тыкалась в нее пальцами и тихонько бурчала что-то неприличное. Привычный ей ноутбук зарядить было не с чего, и она пыталась освоить местную технику. Но у нее это не получалось. К тому же буквы были имперские. А думала создательница фэнтези по-русски... В общем, писательница была в печали.

Джулиана что-то сосредоточенно рисовала в альбоме. Всю неделю она была какой-то потерянной. Погруженной в себя. Почти не говорила. Утром писала статьи — и для газеты, и для журнала. Днем металась по городу, общаясь со знакомыми журналистами и собирая новости. Исчезала вечерами.

— Брэндон, — обратилась мама к наследнику, явно продолжая разговор, который был до моего прихода. — Все-таки надо решать вопрос с переездом.

Сын императора Тигверда поморщился.

— Мы не можем издавать нормально газету и журнал, сидя в поместье под охраной.

— Это я понял, но вопросы безопасности — прежде всего!

— Согласна. Но! — Мама подняла указательный палец вверх. — Никого из нас нет в редакции. Новости до поместья доходят с опозданием. Хорошо хоть, что в типографии пока боятся — но это ненадолго. Без присмотра все рухнет!

— Я бы не был в этом так уверен.

— Надо перебираться в город. И ходить на работу, как положено.

— Мы еще толком с теми, кого набрали в штат, не беседовали. Не говоря уже о внештатных сотрудниках, — добавила я. — Кстати, маркиза Вустер не будет вести в журнале колонку о моде.

— Она вам отказала? — изумился Брэндон.

— Можно сказать и так.

— Значит, надо искать еще кого-то, — кивнула мама. — На Луизу мы все это не повесим. У девочки подготовка к свадьбе. И она взяла на себя колонку с рукоделием.

— А меня пока не будет вечерами, — отозвалась Джулиана.

— Можно подумать, для кого-то секрет, что вы вечерами отправляетесь во дворец, к императору Фредерику, — мерзким голосом

проговорил наследник. — Должно быть, вы очень стараетесь показать ему, насколько благодарны за то, что он не отправил вас на рудники!

Мы все обомлели от подобного.

А Джулиана... Она вскочила, уставилась в глаза Брэндона, словно надеясь, что ослышалась. Увидела гнусную усмешку. Побелела. Подошла, изо всех сил залепила наследнику пощечину. Кинула ему под ноги альбом, в котором рисовала, — и выбежала.

— Ты понимаешь, что сделал? — взбеленилась теперь и я. — Ты понимаешь, гаденыш высокородный, как эту девочку жизнь трепала? Ты хоть отдаешь себе отчет в том, что ей пришлось пережить, чтобы на панель не попасть? Или ты думаешь, что она просто так в обносках ходит? Она старается, чтобы ее красоты никто не заметил, — тебе это не приходит в дубовую голову?! А почему — сам догадаешься или тебе подсказать?

Брэндон, не отвечая мне, поднял альбом. Пролистал его.

— Стихии... Милена Рэ... — прошептал он. — Она рисует для отца портрет Милены Рэ...

И наследник исчез.

М-да. День удался.

Глава 2

— Привет, — потянулась я. — А я и не слышала, как ты пришел.

Ричард, уже одетый как обычно — весь в черном, с заплетенными волосами, склонился надо мной, опираясь коленом на кровать.

— Прости, — с досадой проговорил он. — Не хотел тебя будить, но не удержался.

— Погоди пять минут. Я соберусь — и мы хоть позавтракаем вместе.

Я умывалась, наклонившись над раковиной, когда почувствовала его нетерпеливые руки на своем теле.

— Какой вид, — прошептал он, прижимая меня к себе.

— А завтрак?

— Опоздаю, — пообещал он мне. — Но от завтрака не откажусь. И не только от завтрака.

Я поймала в зеркале отражение его улыбки и пропала...

* * *

На завтрак с Ричардом я так и не спустилась, потому как сладко-сладко заснула. Через несколько часов, отдохнувшая, выспавшаяся и в прекрасном настроении, я вышла из своей комнаты.

В этот момент раскрылась дверь в конце коридора, и оттуда выскользнула Джулиана. Я взглянула на нее и искренне расстроилась... Опять — «гордый имперский бомж — лучшие годы». Вздохнув, я не удержалась и спросила:

— Зачем?

Но, внимательно посмотрев в горящие гневом изумрудные глаза, только примирительно подняла ладони вверх. Мы в молчании спустились вниз, зашли в столовую. И обнаружили там Брэндона, который мерил комнату нервными шагами. Джулиана застыла на пороге. Я тоже... застыла...

В руках принц Тигверд держал... чудо! Чудо, которое заставило меня на несколько секунд забыть обо всем. Это был огромный букет совершенно удивительных цветов. Бутоны формой напоминали тюльпаны, но были намного меньше по размеру. В середине каждой чашечки цветка горело пламя огня. Мне хотелось так стоять и любоваться этой красотой

бесконечно, и самое страшное, что так оно и было бы, если бы меня не окликнули слуги.

— А... Мне надо отдать распоряжения. На кухне. Срочно, — объявила я. И сбежала.

— Госпожа Блер, простите меня, — услышала я голос наследника, прикрывая за собой дверь.

На кухне я обнаружила маму и Наташу. Увидев, что я вошла, подтянулись и Оливия с Катариной.

— Ну что там? — блестя глазами, спросила Наташа.

— Наследник и... цветы... — ответила я.

— Это не просто цветы. — Джон Адерли хитро блеснул глазами.

Я окинула взглядом всех собравшихся, и мне стало понятно, что Джон, Катарина и Оливия улыбаются как-то по-особенному. Остальные были скорее в замешательстве.

— Рассказывайте, — потребовала я.

— Это — Огонек Надежды. Цветы влюбленных. Юноша дарит девушке огонь любви в надежде, что тот коснется ее сердца.

— В нашем мире есть два способа проверить, есть ли между влюбленными искренние чувства, — улыбнулась Оливия.

— Только если интерес взаимен — цветы будут гореть. Таким образом юноша может проверить чувства девушки. — Это уже просияла Катарина.

— А если подарить эти цветы мужчине — можно проверить его чувства? — поинтересовалась я, уловив во всем этом некую дискриминацию.

— Женщина ведет мужчину в «Зеленую цаплю», — хором прочитали Оливия и Катарина.

Джон одернул их — и мне показалось, что он не хочет продолжения разговора. Мне, конечно, тут же стало интересно — почему, но тут мама спросила:

— А Джулиана?

— А Джулиана — обрядилась в свое, — ответила я.

Вздых разочарования.

— Ладно, давайте работать, — приказала мама. — Я сегодня намерена побывать в редакции и типографии.

Маму, у которой был огромный опыт редакторской работы, мы единогласно назначили главным редактором. Правда, она ворчала, что никакого отношения к журналистике никогда не имела. Редактировала себе свое любимое фэнтези. А вот ведь как жизнь повернулась.

— И тебе как хозяйке всего этого безобразия не грех трудовому народу

показаться! — заявила сердито мама, увидев улыбку на моем лице.

— Хорошо, — не стала спорить я. — Но потом я уеду. Мне надо переговорить с господином Мирровым.

— По-моему, ты просто хочешь сбежать от всех в свой любимый книжный магазин.

— Не без этого, — ответила я. И обратилась к Наташе: — Составишь мне компанию?

— Давай в другой раз, — улыбнулась она. — У меня книга пошла — не хочу сбивать настроение.

— Его высочество недоумевает, почему его все оставили, — дипломатично намекнул Джон Адерли.

— А Джулиана? — хором спросили мы.

— Госпожа Джулиана с букетом в руках выскочила из дома. Должно быть, на прогулку.

* * *

На самом деле в редакцию и типографию нужно было отправлять одного Брэндона Тигверда. Ни ко мне, ни к маме никто и не думал относиться хоть как-то мало-мальски серьезно. С опаской — это да, как к двум обезьянам с гранатой. Еще представители пишущей братии посматривали на нас с тяжелым недоумением. Две дамы, одну из которых называют невестой ненаследного принца Тигверда, в сопровождении наследника престола... Да еще и после того, как разъяренные военные сожгли их предыдущее место работы, а все начальство император отправил на рудники, «хранить гордое терпение».

Я обозначила свое присутствие, произнесла патетическую речь на тему: «Вейтесь кострами, работникам имперского труда — ура и выше, дальше, сильнее!»

Похоже, никого особо не впечатлила, оставила маму разбираться со всем этим безобразием и удалилась на встречу с господином Мирровым, хозяином самого крупного книжного магазина в Роттервике.

— Вы понимаете, что журнал нужно делать бомбой! — сразу начала я. Мужчины посмотрели на меня удивленно. Я пояснила:

— В смысле, чтобы все о нем только и говорили.

Они кивнули с облегчением.

— Господин Мирров, я бы хотела вам предложить договор о сотруди́честве.

— Моя дорогая миледи Вероника, — прищурился владелец книжного магазина, — кто я в сравнении с теми вельможами, что вас окружают...

— Но мы в любом случае не будем заниматься распространением журнала, — парировал наследник. — А у невесты ненаследного принца Тигверда есть идея, что «Имперская сплетница» должна продаваться не только в столице или в Центральной провинции, но и на всей территории империи.

— То же самое касается и газеты. Надо в каждом регионе делать...

— Остановитесь, миледи, — приказал мне Брэндон. — Перед тем как вы будете что-то рассказывать о своих планах, необходимо, чтобы господин Мирров дал свое согласие, а я взял с него клятву о неразглашении.

Я кивнула — утечки информации не хотелось. Мне было понятно: если сделать издательский дом по аналогии с земными — это золотое дно. И сокровищница. Потому что у Тигвердов все было... как-то по-военному. Прямолинейно. И никаких излишеств. Как и особых развлечений.

И вообще, создавалось ощущение, что идея о том, что пресса формирует общественное мнение и это надо использовать, приходила в голову только мне. И нашему пока еще неведомому противнику. Вот что хотите со мной делайте, но я не поверила в то, что все это затеял и провернул главный маг империи — Удо как-его-там. Мне все казалось, что за ним стоял кто-то более коварный. Более умный. Женщина.

Тут я поняла, что господин Мирров задает мне вопрос, а я и не слышу... Попыталась включиться. Мы обсудили вопросы цены, по которой можно было выставить журнал на продажу — она оказалась чуть выше, чем я планировала.

Мирров обещал познакомить с людьми, которые занимаются поставкой прессы по всей территории империи. Поддержал идею Наташи о том, чтобы в журнале были обзоры новинок литературы. Распорядился прислать по нашему адресу необходимые книги.

— Вы же понимаете, что этот самый обзор не обязательно будет положительным? — смеясь, спросила я. — Вдруг нам не понравится.

— А вот это — совсем не важно. Главное — поднять шум.

— Тогда вопрос: а как поднять шум с нашим журналом? Как бы вы это сделали?

— Сделайте закладки для книг с рекламой вашего журнала. И за неделю перед выходом — раньше не надо — пускай в магазинах вкладывают эти закладки в покупки.

— Замечательно, — улыбнулась я. — А плакаты в магазинах?

— Можно как дополнение. Только вы же понимаете... С вас не

возьмут денег. С вас как с особы, приближенной к императору, попросят услугами.

— А что попросите конкретно вы?

— Рекламу своего магазина. Время от времени. Анонс некоторых книг... И разрешение афишировать тот факт, что я сотрудничаю с вами. Не более того.

— Вы поможете подобрать для сотрудничества таких людей, которые попросят у меня не более этого?

— Да, миледи, — улыбнулся он.

— Скажите, — вдруг поменял тему разговора наследник, — а что нужно, чтобы талантливая художница стала успешной?

— Это вы про картины госпожи Блер, которые я выставляю в своем магазине? — догадался Мирров.

Брэндон кивнул.

— Понимаете, покупатели хотят видеть не только красивые картины, но и волшебное, легкое, воздушное существо, что их пишет. А госпожа Блер, при всем моем восхищении ее творчеством... — Владелец книжного магазина замялся.

— Выглядит не так...

— Художник — это тот, кто вхож в дом. Вот вы, миледи Вероника, что подумали, когда ее увидели?

— Мне захотелось ей помочь, — резко ответила я.

— Вы — необычный человек, миледи, — поклонился он мне.

— Так что надо сделать? — быстро спросил наследник.

— Сделать так, чтобы она чувствовала себя в безопасности. — В моем голосе была злоба, но мужчины не обратили на это никакого внимания.

— Для начала — студия. И что-то приличное, не ее клоповник.

— Это понятно, — кивнул Брэндон.

— И ее статус...

— А что не так с ее статусом? — спросила я.

— Женщина в империи должна быть при мужчине. Или дочь, или сестра, или жена, или...

— Получается, что у госпожи Блер должен появиться знатный покровитель? — быстро спросил наследник.

— Если вы хотите оскорбить девушку, продолжайте в том же духе, — поднялась я. Мужчины были вынуждены прерваться и повторить мой маневр.

На этом мы распрощались с господином Мирровым, который развел руками и пожал плечами так, как делают в нашем мире колоритные

одесситы, и отправились в поместье Ричарда.

— Почему вы разгневались? — спросил у меня наследник.

Только хмуро посмотрела на него. Вот как объяснить имперцу, что зеленое — это не мокрое? И что есть вещи, которые делать не следует?

Когда мы перенеслись в поместье, нас встретил встревоженный Джон Адерли.

— Миледи, — обратился он ко мне, игнорируя наследника. — Госпожа Джулиана... как ушла утром — так еще и не возвращалась.

Глава 3

— Почему мы не обратились к розыскникам? — спросила я у Брэндона, выходя из портала. — И не взяли охрану?

— Зачем? — Наследник изумительным образом игнорировал свои же собственные распоряжения.

Посмотрела на него насмешливо.

— Со мной-то вам ничего не грозит! — возмутился он. — Это вы сами по себе беззащитны.

М-да... Похоже, здесь про то, что правила едины для всех, слыхом не слыхивали... Дикие они. Имперцы.

— Пойдемте скорее, Джулиана где-то неподалеку. Она порталы строит замечательно. Если начнет прыгать, чтобы уйти... — И Брэндон помрачнел.

— Где мы вообще находимся?

— Роттервик, — огляделся наследник. — Бедные кварталы.

Молодой человек произнес это смущенно и тихо, как бы извиняясь за то, что в империи существуют-таки бедные кварталы.

Я огляделась. Низкие, маленькие, но добротно сделанные домики из цельного сруба. Кольца деревьев имели форму не круга, как у нас, а звезды. Смотрелось очень красиво. Сам ствол тоже был ребристым и напоминал шестеренку.

Я не стала ничего уточнять, так как давно уже привыкла к тому, что флора империи удивительна и разнообразна. И только каждый раз вздыхала, ругая себя за то, что так и не добралась до атласов с растениями. А они в императорской библиотеке были, я видела! Лежали на верхней полке — огромные такие свитки. С картинками. И наверняка к каждому растению и магическая составляющая, и легенды, с ними связанные... Эх!..

Удивило также и то, что бревна были явно обугленные — все.

— Дома горели? — спросила я.

— Нет, конечно. Их специально обжигают.

— Зачем?

— Тикуны.

Ну... вот и поговорили. «Тикуны» — что ж тут непонятного-то? Ладно, будем считать, что это что-то вроде вшей, клопов или тараканов — кварталы-то бедные. Мы, не торопясь, шли по узкой улочке. Честно говоря, если уж начистоту, то «край бедности» по имперским меркам отвращения у

меня не вызывал. От обожженной древесины почему-то сладко пахло корицей, весна была в самом разгаре. По обочине росли цветочки, по форме напоминающие наши маргаритки, — розовые и нежно-фиолетовые. Одна маргаритка была синяя — синяя-синяя! Я наклонилась, потрогала мягкие лепестки, и...

— Аааааааааааааааа!!! — Слева из кустов что-то выскочило и... откусило головку синей маргаритки! Глазки-бусинки внимательно смотрели на меня, а челюсти меланхолично жевали... мою маргаритку. Зверек был забавный — очень похож на крысу, только с пушистым хвостиком. А вот мордочка была наоборот, лысая и непривлекательная. Секунда — существо вспыхнуло и исчезло, оставив на траве два ярко-синих лепестка.

— Брэндон! Кто это? И почему оно исчезло?

— Это дагги. Насколько я знаю — нечто подобное есть во всех существующих мирах. Вот, например, в вашем мире есть маленькие зверьки, которые водятся там, где бедность, грязь, отходы и болезни?

— Есть. Крысы. — Я поежилась. — А эти тоже переносят всякие болезни?

— Да, но вам ничего не грозит — я же его сжег!

— Сжег?! — Я вспомнила голубую шерстку с оранжевыми пятнышками. Фиолетовая морщинистая кожа на мордочке, правда, оставила не самое приятное впечатление, но все равно стало как-то не по себе.

И тут мы услышали, как чей-то хриловатый, безжизненный тихий голос проговаривал как заведенный:

— Яся... Такая девочка хорошая. Понимаете... Такая... девочка...

— Простите, что я вас побеспокоила, — раздался голос Джулианы, непривычно мягкий.

Она стояла на пороге какого-то дома — те же обугленные бревна, из щелей треснувших ступенек покосившегося крыльца выбивались пучки серой травы и несколько тех самых цветочков, которые я окрестила «маргаритками». Что-то маленькое и пушистое, на этот раз ярко-оранжевое, шмыгнуло из приоткрытой двери и скрылось под крыльцом.

Женщина, с которой разговаривала журналистка, была уже немолодая. А может, просто выглядела так? Худая, сгорбленная, в шерстяном сером платье, черных перчатках без пальцев и выцветшем платке непонятного оттенка. У ее ног стояла деревянная кадка с огромными лопухами на мясистых стеблях с красноватыми прожилками. Я отметила, что одеты Джулиана и эта женщина были практически одинаково. Смотрелось очень

органично, но мне это не понравилось. И Брэндону, кажется, тоже.

— Старшая моя... музыке училась, у маэстро Зорго Цума. Мой отец еще был жив, дед ее. Дудочку ей на день рождения сделал. Маэстро Цум отца уважал. — В голосе женщины были и гордость, теплота, и... горе... — Понимаете... Нам не положено толком учиться, но моя девочка была настолько талантливой, что... маэстро Цум взялся ее учить, в память о моем отце.

— А... ваш отец? — тихо спросила Джулиана.

— Он делал инструменты. Деревянные. Дудочки, воги, айлы... А прадед, мой дед, был настройщик. Так он рассказывал, будто его дед настраивал рояль у самого императора, во дворце. — Женщина говорила машинально, смотря перед собой мутным взглядом, ни к кому особо не обращаясь. — А Яся... Ясенька... она... простите... простите меня...

Слезы текли беззвучно, а в легких просто не осталось воздуха от судорог, вызванных рыданиями. И от этого беззвучного плача стало жутко и страшно. Я зачем-то вспомнила мальчишек — холод сковал позвоночник, перехватило дыхание и захотелось немедленно вернуться и узнать, где все: мама, отец, мальчишки, Ричард...

— Его найдут, — уверенно и сурово сказала Джулиана, — найдут и убьют.

Женщина отрицательно покачала головой:

— Кто ж искать-то будет? Кому мы нужны?

Тут наследник отмер и решительно направился вперед.

— Я обещаю вам, что виновник будет найден, — склонил он голову перед женщиной...

— Она ведь платья синие никогда не носила... Их же вообще никто не носит...

Похоже, женщина так и не поняла, что перед ней появился еще кто-то. А я... Я позвала Ирвина. Вот с ним у меня получалось связаться всегда. Целитель появился и прогнал нас.

— Вас к этой несчастной зачем понесло? — строго спросил у подавленной Джулианы наследник.

Тут Ирвин посмотрел на нас недовольно — и нам сразу захотелось испариться. Мы, не сговариваясь, зашагали по дороге. Шли довольно долго, в полной тишине — каждый думал о своем. Наконец мы дошли до реки, разрезающей город надвое. Она величественно и неторопливо текла из вчера в завтра, смывая все: и скорбь, и радость. Первой молчание нарушила Джулиана:

— Я дала себе слово. Если соберусь писать о чем-то, то всегда буду

проверять информацию. Лично. Всегда.

Девушка смотрела на воду, крепко обняв себя за плечи, вцепившись пальцами чуть выше локтя так, что побелели костяшки. Ветер с реки развеивал вьющиеся, длинные, неухоженные волосы, трепал подол серого шерстяного платья, которое было ей велико — линия плеча на рукавах съехала, и они почти полностью закрывали кисть. Удивительно, как ей удавалось в таком виде быть совершенно неотразимой! Она была прекрасна: огромные зеленые глаза на бледном лице, медный отлив волос, будто нарисованные брови, длинные пушистые ресницы и маленькая трогательная родинка над верхней губой слева.

Я залюбовалась Джулианой, забыв обо всем, — но тут увидела выражение лица Брэндона и вмиг спустилась с небес на землю. Я говорила, что залюбовалась Джулианой? Можете себе представить, что было с несчастным принцем...

— Зачем вы сбежали? — Брэндон нашел в себе силы очнуться.

— Ничего я не сбегала, — огрызнулась девушка. — Я отправилась работать. Если, конечно, вам известно значение этого слова.

— Не ругайтесь, — попросила я. — Не надо.

И они, разом кивнув, замолчали.

* * *

Когда мы оказались дома, Джон доложил, что миледи Журавлева еще не появлялась, зато нас почтил своим визитом его величество император Тигверд.

— Покормить мы его покормили, — успел шепнуть бывший солдат, — но...

— Я желаю побеседовать со всеми троими, — недовольно процедил Фредерик, появляясь в холле. — В кабинете Ричарда.

Брэндон выглядел раздосадованным, Джулиана испуганной. А мне было любопытно: что стоит за этим выступлением? Тревога за то, что нас понесло куда-то не туда — да еще и без охраны? Или же тревога, что наследнику понравилась совсем уж неподходящая девушка?

— Итак. — Император решительно уселся за огромный стол Ричарда. Мы трое остались стоять, как двоечники на приеме у строгого директора. — Когда я отправлял Брэндона вам помочь, Вероника, я и не думал, что все пойдет так далеко.

Я посмотрела на императора с изумлением. Наследник, конечно же,

промолчать не мог и съязвил:

— Конечно же... Я же вышел из покоев во дворец — и хоть кого-то увидел, кроме стен.

— Миледи Вероника, — проигнорировал высказывание Брэндона отец. — Я требую, чтобы вы навели порядок среди ваших подопечных!

Я вздохнула, но промолчала, надеясь, что сейчас император проворчится и уймется. Ага. Сейчас.

— Я требую, чтобы вы оградили наследника от общения с теми людьми, — и Фредерик злобно уставился на Джулиану, — что не подходят ему по положению!

Кивнула. И нежно попросила, пытаясь не начать фразу со слова «дети»:

— Вы позволите нам поговорить с его величеством наедине?

Молодые люди поклонились и вышли. Не дожидаясь согласия императора.

Фредерик хранил гордо-злое молчание. Я дождалась, пока закроется дверь, дошла до ближайшего кресла и уселась.

— Чем больше вы будете давить, тем сильнее будет сопротивление, — сказала я ему.

Недовольное молчание в ответ.

— А будете обижать девушку, да еще и несправедливо, будет у вас семейный бунт.

Опять молчание.

— И вообще, вот чего вы хотели добиться этим демаршем?

— Вы же понимаете, что все происходящее между этими двумя — нелепо, — горько сказал Фредерик.

— Послушайте, — я посмотрела ему в глаза, — всю неделю у нас было тихо и спокойно. Все занимались делом. Конечно, Брэндон достаточно много времени проводил в обществе Джулианы, ему было интересно. Но не более. Наследник сопровождал ее, когда она собирала материал для статей, они обсуждали то, что девушка собиралась написать. Принес ей что-то написанное. Они шушукались потихоньку, пока она правила и показывала, как лучше. Все.

Император покачал головой.

— А потом случились эти поздние вызовы Джулианы во дворец. Вот зачем? Вам стало легче от того, что вы унизили хорошую, правильную девушку? — Палец сильно обожгло. Так сильно и неожиданно, что я не успела это скрыть — дернулась и посмотрела на перстень. В камне мерцали синие искорки... Император тоже смотрел на камень, но думал

при этом о чем-то своем. А потом проговорил:

— Девчонка так рисует, что мне кажется — она видит Милену, яблони в цвету, замок... Видит, рисует — а этого уже нет. И никогда не будет!

— Фредерик... — беспомощно проговорила я.

— И я не хочу, чтобы у Брэндона судьба сложилась так же. Неподходящая женщина. Неподходящие отношения. И будущее — которого нет. И чем сильнее ты пытаешься обмануть себя, убедить, что все получится...

Он поднялся, отошел к окну, повернулся ко мне спиной.

Что тут скажешь... Пока я пыталась подобрать слова, чтобы хоть как-то утешить его, прекрасно понимая, что таких слов в природе не существует... Он повернулся ко мне — спокойный, уравновешенный.

— Простите мне минутную слабость, — чуть ироничный поклон.

— Ничего...

— Я распорядился, чтобы госпоже Джулиане организовали мастерскую неподалеку от вашего с Ричардом столичного особняка.

— Спасибо.

— У девушки несомненный талант. А мне не стоило ее компрометировать — вы правы.

Склонила голову.

— И передайте вашей воспитаннице...

Я заинтересованно ждала, что его величество выскажет еще.

— ...что ее работу в столичном приюте для брошенных детей никто не отменял. А то она увлеклась и статьями, и картинами, а про долг государству — забыла.

— Я прослежу, ваше величество.

— И еще... Я не желаю, чтобы вы занимались расследованием гибели женщин в синем, — резко сказал император.

— А я не...

— Вероника, для вас этого дела не существует!

— Но новость об этом будет в газетах. И мы в «Имперской правде» не можем обойти ее вниманием! Сегодня среда — ночью четверга у нас должна быть статья об этом!

— Пусть журналистским расследованием занимается кто угодно. Только не вы.

— Хорошо.

— Передайте госпоже Джулиане, что я приду в ее мастерскую в наше обычное время — и мы продолжим. С вашего позволения, я откланяюсь.

И император Фредерик удалился через выстроенный портал.

А я вышла из кабинета и отправилась посмотреть, кто чем занят.

Мама еще не появлялась, отец тоже был на службе. Такое впечатление, что он был там все время. И, кстати, добиться от него, чем он занят, не представлялось возможным.

Наташа ушла гулять с Флоризелем.

Джулиана что-то быстро писала в гостиной, Брэндон тоже строчил в блокноте.

Я сообщила молодым людям новости. Отреагировали они как-то странно: Брэндон разозлился, Джулиана покорно кивнула.

— Радоваться надо! — проворчала я. Потом плотоядно посмотрела на наследника:

— Ваше высочество... Время идет!

— Да, — меланхолично заметил он. — Время — это такая философская категория, которая...

— Я про то, что у нас для журнала ничего не готово, — невежливо перебила наследника.

— Почему же ничего? — поднял на меня глаза молодой человек. — И колонку рукоделия миледи Луиза подготовила. И...

— Пожалуй, что и все. Фотографа нет — а разговор был две недели назад. Вашего интервью — нет. Приближенные его величества скрываются от меня, никто не хочет отвечать на вопросы.

Наследник скривился.

— И самое любопытное — пока объясняешь, что такой журнал необходим: все кивают, соглашаются и прямо жаждут помочь. А потом — скрываются!

— Я вот не скрываюсь! — обиделся Брэндон.

— И мы восхищаемся вашей беззаветной храбростью! — на полном серьезе заявила я. Похоже, перестаралась — Джулиана хихикнула, а принц нахмурился.

— Брэндон, пожалуйста. Я вас умоляю!

— Вы ведь все равно будете выпускать журнал сплетен?

— Буду!

— И на ваши вопросы придется отвечать?

— Ваше высочество, это не больно!

— Но противно.

— Брэндон, но то, что придумывают, — это еще хуже.

— Ладно, — величественно согласился принц. — Задавайте вопросы.

— Джулиана! — скомандовала я.

— Ваше высочество, — тут же отозвалась журналистка, — а чем вы

любите заниматься?

— В каком смысле? — напрягся принц.

— Есть вещи, которые вам делать положено. Например, Военная Академия. Или развитие магии. А что вам нравится как человеку?

— Это уже для статьи? — насмешливо посмотрел на Джулиану принц.

— Именно, — кивнула она и показала, что у нее в руках карандаш и блокнот.

— В большинстве своих предпочтений я зауряден. Люблю вкусно поесть. А больше всего — выпечку.

Я про себя хмыкнула — это у них, видимо, семейное.

— Люблю фехтовать. Особенно с Ричардом, моим старшим братом. Люблю играть в шахматы. Это уже с отцом.

— А что вы любите из необычного?

— Делать фейерверки.

— И вы покажете, как вы это делаете?

— А вам правда это интересно? — нахмурился отчего-то принц.

— Мне вообще интересны люди, — отозвалась Джулиана.

— Особенно в ваших разоблачительных статьях, — не сдержался Брэндон.

— Давайте работать! — остановила их, снова чуть не добавив «дети». Но в последний момент сдержалась. — Ваше высочество, а что бы вы могли рассказать о себе?

— Тоже под запись?

— Мы не опубликуем ничего без вашего одобрения. И без одобрения его величества.

— Я хорошо схожусь с людьми, мне они интересны. — Он насмешливо взглянул на Джулиану. — Мне нравится общаться с теми, кто меня в чем-то превосходит. Кто меня в чем-то сильнее.

— А какая у вас мечта?

— Я всегда хотел путешествовать. Просто без цели. И делать это, пожалуй, так, как делает отец. Он ведь настраивает портал между мирами таким образом, чтобы не знать, где окажется.

«Надо посоветоваться с Крайомом, — вспомнила я про начальника охраны. — Можно давать подобную информацию или нет».

— А у вас в империи есть любимое место? — спросила Джулиана.

— Море. Я всегда любил побережье.

— Ваше высочество, а можно просьбу? — быстро сказала я, прижимая руки к груди.

— Какого рода? — настороженно спросил принц.

— Ну вот, — расстроилась я. — А батюшка ваш обычно отвечает: «Все что в моих силах».

— Мне у императора еще учиться и учиться. Вроде бы по смыслу то же самое, а как звучит!

— Итак, ваше высочество?

— Все что в моих силах! — ответил принц и романтично приложил руки к груди.

— По-моему, вы немного переигрываете, мой принц, — нахмурилась я, а Джулиана хихикнула и кивнула.

— Миледи Вероника! — в шутливом отчаянии возопил принц.

— Понимаете, нам надо много фотографий. Разных. И не только в кабинете.

— А где еще? — с тоской отозвался Брэндон.

— На прогулке, — стала перечислять я, — в Академии, в форме. И на фоне замковых стен. Верхом. Когда вы будете фехтовать. Танцевать.

— С вами? — ехидно заметил принц.

— Э, нет. Это лишнее. Мне хватает тех сплетен, что у нас есть.

— Вы же понимаете, что фотоаппаратов в вашем понимании в империи Тигвердов просто нет.

— Брэндон, — укоризненно сказала я. — Разговор о том, что в журнале нужны хорошего качества изображения, был две недели назад. И я не поверю, что до сих пор никто не сообразил, как их раздобыть. Я могу, конечно, обратиться к милорду Швангау...

Принц скривился, услышав имя верховного мага империи, и сказал:

— Будет вам фотограф.

— И, с вашего позволения, завтра мы и начнем, — строго сказала я, подумав, что иначе мы никогда с места не сдвинемся.

— Миледи, вы — просто суший кошмар! — вырвалось у наследника.

— Посочувствуйте вашему брату, — рассмеялась я. — Завтра — съемки во дворце. И договоритесь, чтобы его величество и ненаследный принц Тигверд присутствовали. А еще члены вашей боевой пятерки.

Тяжелый вздох.

— Не печальтесь, изображения получатся отменными. Завтра бы еще отснять ваше любимое место на побережье. Потом Академия и танцы... Вы — верхом. И... пожалуй, что и все.

— А фейерверки? — вдруг тихо спросила Джулиана.

Глава 4

— Ника, — сказала мама. — Нам надо поговорить.

Папенька, с которым они вместе зашли в дом, важно кивнул.

Вообще после переезда в империю родители стали выглядеть как-то моложе. Энергичнее. Чистый имперский воздух, волшебные общеукрепляющие настойки великого Ирвина, отсутствие финансовых проблем — все это пошло им на пользу. И если мама и раньше была «спортсменка, комсомолка, просто красавица», то папа последнее время стал сдавать — давление, лишний вес. А тут, в империи, он был нужен, полезен, заинтересован в происходящем. Его ценили на службе, маму — в издательстве, и у них открылось второе дыхание. Горели глаза, как в молодости, и мне кажется, вся эта история их заново сблизил. Они столько пережили. Из-за меня...

— Хорошо, — ответила я. — Пойдем в кабинет.

Видимо, день такой. Кабинетный.

— Доченька... Мы попали в этот мир, — начала мама, — и нам тут нравится. Теперь надо подумать, как мы будем устраивать свою жизнь дальше.

— Согласна, — вздохнула я.

— У нас с отцом есть к тебе вопрос... Только постарайся не злиться.

Ну вот что мне остается делать... Только рассмеяться.

— Слушаю. И стараюсь.

— Ника... Вот скажи, а что ты думаешь делать с Ричардом?

Я покачала головой. Действительно, хороший вопрос.

— Замуж я не собираюсь — если вы об этом.

— Но ты живешь с ним в одном доме.

— Спишь с ним в одной кровати, — вмешался папа.

— Ага, ем из одной чашки, — вспомнила я «Трех медведей». — И сижу на его стуле.

— Ника! — хором возмутились родители.

— Вот император Фредерик — умный. Он сам на эти животрепещущие темы со мной говорить не рискнул — вас отправил.

— Ты же историк, — нахмурилась мама. — И должна понимать, что так вызывающе противопоставлять себя обществу не стоит. Тем более такому своеобразному, как империя Тигвердов.

— Это не говоря уже о том, что у Фредерика и так проблемы с

аристократией, — заметил отец.

— Вот и пусть их решает. С твоей помощью, — резко ответила я. — У тебя самого пиетет перед высокородными особями отсутствует как класс. Вот и будет чем заняться, вместо того чтобы лезть в мою личную жизнь!

— Ника, — укоризненно посмотрела на меня мама.

— Мне в столице выделили особняк, — спокойно проговорил отец. — Мы съездили, посмотрели. Он, конечно, поменьше, чем этот дом, но все же... Значительно больше всего того, к чему мы привыкли. Я предлагаю пока перебраться туда. Заодно ты и решишь, чего хочешь.

— А с Наташей что?

— Я ей предложила поселиться пока с нами, там все равно места очень много. Она согласилась.

— А Джулиане подобрали мастерскую в столице. Неподалеку от нас. Родители посмотрели на меня удивленно.

— В смысле, неподалеку от городского дома Ричарда, — поправилась я.

— В любом случае, — заметила мама, — если мы хотим серьезно заниматься газетой, то надо перебираться в город.

— Когда вы будете переезжать?

— Завтра, — ответил отец. — Что тянуть?

— Я дождусь Ричарда. И поговорю с ним, — решила я. — Кроме всего прочего, есть вопросы безопасности.

— Есть, — кивнул отец и внимательно посмотрел на меня.

А мама гневно сказала:

— Прекращай уже со своим подростковым бунтом! Женщину в синем кто-то же убил!

— Мне сказали, что девушка синего отродясь не носила.

— Ее переодели, — подтвердил отец.

Мы с мамой вздрогнули.

— Рит, у нашей дочери хорошая серьезная охрана. Я разговаривал с командиром, он утверждает, что все предусмотрено. Только... Ника, не смей сбегать. Ты можешь передвигаться по городу, но порталами — только в сопровождении охранника. Или кого-нибудь из имперцев. И ставь в известность о своих передвижениях!

— Хорошо.

— И не выматывай нервы службе безопасности! Они тоже люди. Служат.

На этом мамином замечании я и удрала к себе в комнату. Переоделась после душа в джинсы и футболку — хватит с меня синих платьев! И

установилась на картину Джулианы.

Каждый раз, когда я смотрю на эту работу, становится легче дышать. Что-то рождается в районе солнечного сплетения и белой бабочкой летит туда, в окно, едва задевая прозрачным крылышком ярко-синие лепестки полевых цветов.

Свое присутствие в поместье Ричарда я воспринимала во многом как... возвращение домой, что ли... Как само собой разумеющееся. А ведь действительно. Я не экономка. Не хозяйка. И не невеста.

Мда... Безусловно, мама была права. И если нам пришлось остаться в этом мире, то какие-то правила поведения стоило бы соблюсти. Хотя бы внешне. На самом деле, наверное, поздно. После всех тех сплетен обо мне, что я — любовница бастарда его величества, открыто живущая в его доме. Дамы высшего света сегодня откровенно выразили свое отношение. И я не думаю, что оно как-то изменится.

Кстати, а что делать с балом в честь дня рождения наследника, на котором я по воле императора Фредерика должна была присутствовать? А теперь еще и отец служит при дворе. Следовательно, и на него будут коситься... Хотя папенька мой, после опыта выживания в структуре КГБ, а потом и ФСБ, да еще и в не лучшие для страны годы... В общем, я так думаю, он справится, конечно. Но осознавать, что я доставляю родителям неприятности, было горько...

Вздыхнула. Прислушалась. Посмотрела на часы — дом, похоже, спал. Взяла пачку бумаг: статьи, которые мне оставили для согласования, — и пошла в гостиную. Заодно и Ричарда дождусь.

Уселась у камина на полу, разложила бумаги. Всего на секунду отвлеклась взять диванную подушечку, чтоб удобнее было, как две толстые лапы уже подобрались к моим материалам!

— Флоризель! Морда ушастая — фу!

Щенок посмотрел прямо в глаза. Да что там в глаза, прямо в душу заглянул — жалобно, грустно и с укоризной. Мол, надо же мне хоть чем-то играть! Хоть с кем-то. Хоть когда-то...

Всем я сегодня не угодила, все решили меня сегодня стыдить! И за моральным-то обликом наследника не уследила, и о своем не подумала, и с бедной собачкой не поиграла, да?

— А ну иди сюда... Иди сюда, говорю! Морда... — Я сгребла Флоризеля в охапку, прижала к себе. Теплый, милый... мой!

Песик рос не по дням, а по часам, и это немного расстраивало. Он был таким очаровательным щенком! А сейчас вытянулся, стал крупнее. И так как до поведения взрослой, умной, воспитанной собаки было еще ох как

далеко, этот монстр крушил все, что было в поле зрения. Пришлось принести еще бумаги, скрутить несколько «шуршалок» и разбирать статьи, отвлекаясь на мохнатого ребенка.

Так... Что тут у нас? Это — от Луизы. Колонка по рукоделию — вышивка крестиком. Красиво. Ничего в этом не понимаю... Но написано увлекательно. С энтузиазмом. Прямо захотелось взять в руки иголку, нитки и заняться. Замечательно. И картинки красивые. Интересно, она сама их рисовала?

Вообще, чем дольше длилось наше общение с баронессой Кромер, тем большее восхищение она у меня вызывала. Делала она все с удовольствием, хорошо и в срок. Единственная из всех, между прочим. А ведь у нее была еще и подготовка к свадьбе... Я написала в блокнотике, что третий или четвертый номер журнала надо посвятить свадьбам. И красиво, и всем нравится, и... материалы со свадьбы Луизы можно использовать. Интересно, при таком раскладе от меня скоро все скрываться начнут по подвалам?

Отодвинув любопытный собачий нос, взяла следующую папку. Вот эта статья — неизвестно от кого. Наверное, от каких-то новых журналистов, которых, видимо, отобрала мама. Так. Обзор ресторанчиков. Где лучше провести свидание. Интересно, а что у нас с заказными статьями? В смысле, с рекламой? Кто за это деньги брать будет? Скорее всего, работник пера не просто так хвалил одни места, где можно свидание проводить, и ругал другие. Надо поговорить с Джулианой. И без фотографий, на мой взгляд, материал казался мало интересным.

Так... Это опус Наташи. Они с мамой корректировали текст под имперские реалии. Что тут у нас?

— Ты не спишь? — подошел ко мне Ричард.

Я и не услышала, как он вернулся.

— Тебя жду, — улыбнулась я ему. — Ты голодный?

— Нет, военные после того, как ты высказала свое недовольство, следят, чтобы я хорошо питался.

— Когда я высказывала свое недовольство?

— На том самом совещании, которое ты разогнала.

— Не помню.

— Ну, пока офицеры отступали из кабинета, ты не только целовала меня, ты еще и гневалась. И фразу о том, что кто-то же должен следить, чтобы командующий был сытый, слышали.

Он опустился рядом со мной на ковер, не обращая внимания на бумаги. Я поспешно убрала бумаги. Сначала спасла чужой труд, а потом

уже стала целоваться...

— Ты зачем джинсы надела? — проворчал имперец.

— В них на полу валяться удобнее.

— Мне они не нравятся!

— Под платье залезать удобнее?

— Именно.

— Полный дом народу, — проворчала я, когда он потянулся, чтобы расправиться с очередным моим комплектом одежды. Решила для себя, что любимые джинсы на растерзание этому варвару я точно не отдам!

— И что же нам делать? — промурлыкал он.

— Хотя бы отправиться в спальню.

Он рассмеялся, подхватил меня на руки — и понес к себе. Получилось так, что на этой половине дома, которую я называла господской, он был один.

И опять все завертелось перед глазами, словно он поставил себе целью свести меня с ума.

— Я ставлю полог тишины уже на рефлекс, — рассмеялся Ричард, когда я зажала себе рукой рот, чтобы не кричать от наслаждения. — Перестань.

— Я тебя люблю, — потянулась я к нему.

— Ника... — все же начал он серьезный разговор, как только мы чуть пришли в себя. — Со всем этим что-то надо решать.

— Мне об этом сегодня говорила мама. Она предлагает переехать в дом, который предоставил отцу император.

— А чего хочешь ты? — глухо спросил Ричард.

— Я хочу ни о чем не думать. И ничего не решать.

— Ты же понимаешь, что так не получится.

— Хорошо, а что предлагаешь ты? — вырвалось у меня прежде, чем я успела прикусить язык.

И Ричард немедленно ответил — с удивительно довольным видом, словно ждал этого вопроса:

— Я предлагаю тебе руку, сердце и все, чем я владею.

Мне оставалось только посмотреть на него укоризненно.

— Ника, почему?

— Может быть... Я просто боюсь.

— Ты думаешь, мне не удастся тебя защитить?

— Дело не в этом.

— А в чем?

— Все неприятности между нами начинаются с твоей фразы о том, что

нам надо пожениться. А уж если я отвечаю согласием, то и вовсе начинается светопреставление. Ричард, я так больше не могу. Это настолько больно, словно часть меня умирает...

Он нахмурился, но промолчал. Потом сказал:

— У Паши сегодня открылись способности мага огня.

— Что?!! И ты говоришь мне об этом только сейчас, Ричард! — Я вскочила с кровати, зачем-то стала одеваться, раскидывать вещи...

— Любимая, успокойся. Успокойся, пожалуйста, с ним все в порядке, слышишь? — Он усадил меня к себе на колени.

— Ричард... Но... Как же это? Это не опасно?

— Это прежде всего удивительно, — потер лоб Ричард. — Все произошло так, словно он мой сын. По крови, понимаешь? Просто способности проявились не в детстве, а в подростковом возрасте. И... у него сила — вполне сопоставимая с моей.

— «Как вы лодку назовете — так она и поплывет», — процитировала я мультфильм про капитана Врунгеля.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты же назвал его Рэ — с самого начала. И все подумали, что это твой внебрачный сын. Видимо, Вселенная решила пошутить.

— Тогда мне нравится ее чувство юмора.

— Слушай, а с ним правда все в порядке?

— Да. Феликс был рядом. Рэм, Алан и молодой Борнмут. Они помогли — он особо не пострадал.

— Ричард! — вскочила я. — Что значит «особо не пострадал»?!! Обгорел? Или...

— Ника... — Этот невозможный мужчина лениво и как-то плотоядно смотрел на меня. — Пострадала полоса препятствий. Сильно. Точнее, восстановлению она не подлежит. Еще бюджет Академии — ее придется отстраивать заново. Немного — живот Гилмора.

— А с исполняющим обязанности ректора Академии что случилось?

— Смеялся много.

— У вас какие-то странные представления об обучении, технике безопасности... и юморе тоже.

— Просто он помнит, что последний, кто эту самую полосу препятствий извел, — это я.

— Ты?

Ричард гордо кивнул.

— В молодости. Я хотел, чтобы меня отчислили, — решил, что не останусь в империи. И демонстративно все спалил.

— Слушай, а вот какое ты имеешь моральное право строить детей, если сам что только не творил?

— Зато я знаю, что могут натворить кадеты. И догадываюсь, как этого избежать. Ну или как наказать, чтобы прониклись.

Я покачала головой и потребовала:

— Мне надо увидеть сыновей. Немедленно.

— Хорошо, — не стал спорить Ричард. — Один вопрос: ты так отправишься в Академию? Или все-таки накинешь что-нибудь?

Мы заявили, видимо, в достаточно неподходящее время: когда Ричард постучал в дверь, то сначала послышалось сдавленное ругательство — сразу из нескольких глоток. Бывший кадет этой самой Академии понимающе усмехнулся, внимательно посмотрел на меня и негромко сказал:

— Павел, мама пришла.

За дверью что-то громыкнуло.

Принц Тигверд под моим суровым взглядом подавил усмешку. Я хотела ему сказать, что...

Но тут дверь открылась.

Пашка был... такой милый, такой сонный... Алкоголем вроде не пахло, сигаретами тоже, чужими духами — я повела носом, как заправская собака... тоже нет.

— Мама! — жизнерадостно поприветствовал меня сын. — А мы... скучали!

Тут из-за его плеча выглянули Рэм и Феликс. С исключительно радостными физиономиями.

— Мамочка! — хором сказали они.

Ричард уже не мог сдержаться и всхрюкивал у меня за плечом.

— Я... — проямлила, чувствуя себя... глупо. — Беспокоилась. Ричард сказал, Паш, что у тебя открылись способности огненного мага.

— Да, как у отца, — выпалил Паша. И смущенно посмотрел на меня и на Ричарда.

Я хотела обнять его, но не решилась. Еще открою дверь — и узнаю что-то, что порушит мой сон на многие-многие месяцы вперед.

— Ждем на выходных. Спокойной ночи, — сказал Ричард, утаскивая меня в портал.

Глава 5

Оливия помогала мне собираться во дворец, но посматривала на меня при этом как-то странно.

— Что? — Я оглядела себя в зеркало.

Платье цвета грозových сумерек чуть измененного покроя — талия на месте, рукава не присборены. Все это делало меня стройнее, что очень радовало. К тому же этот оттенок прекрасно сочетался и с кожей, и с цветом волос. Последние я разрешила Оливии уложить по последней имперской моде — со всеми вытекающими.

— Что-то не так, Оливия?

— Миледи... — решила служанка. — Вы же здесь хозяйка. И милорд — он же пылинки с вас сдувать готов. И свадебное платье... Его же сшили. И...

— Стоп! Ты, Оливия, тоже агент императора Фредерика? Операция «свадьба»? Так это у вас называется?!

— Служу империи Тигвердов! — бодро отрапортовала она.

— Сговорились вы все, что ли...

— Но мы ж от души!

— Вот не было бы этой зимы, — вздохнула я, — конечно, я была бы здесь хозяйкой. А так... Прости, Оливия. Я спешу.

— Но ведь милорд пострадал от чужого, злого колдовства! Он не виноват, и... что ж теперь?..

— Не знаю, — ответила я.

Карета везла нас в столицу. Джулиана сидела напротив и выглядела сногшибательно.

Вместо того чтобы в сотый раз попытаться объяснить девушке, что ее страсть выглядеть как бомж — следствие душевной травмы в тяжелые годы, мы с Луизой решили поменять стратегию. И у нас получилось! Вечером мы собрались и как бы между прочим затеяли разговор об имидже, который каждая из нас будет сохранять во имя популярности. Я ношу синие платья, Луиза — верх совершенства, и Джулиане тоже нужно выбрать что-то свое.

Слово «свое» было ключевым, и это сработало. Художница сделала несколько набросков, съездили к моей любимой портнихе, и пару недель спустя девушка обзавелась несколькими платьями по собственным эскизам — для работы и на выход. Выглядело это строго, целомудренно (на мой

взгляд, даже слишком), но при этом невероятно элегантно и стильно. Воротник-стойка, длинные, лишь чуть-чуть присборенные у самого плеча узкие рукава неизменно доходили до середины пальцев. Торжественные выходы, вот как сейчас, дополнялись тонкими перчатками в тон платья. Цвета были преимущественно темными.

Что касается прически — тут журналистка выступила настоящим новатором, с претензией на свержение принятых в обществе стереотипов. Свои роскошные с медным отливом волосы девушка уговорила Оливию убрать назад и уложить в замысловатую композицию из кос разных размеров и плетений. Оливия была известная мастерица по плетению, и только эта ее страсть помогла Джулиане добиться своего.

Так что сейчас, мерно покачиваясь в уютной карете, передо мной сидела роскошная красавица. Платье винного оттенка, с тонкой полоской кружев в тон по стойке и внизу рукава, изящные кисти затянуты в перчатки, из украшений — рубиновый гребень в волосах. Но самое главное — было видно, что молодая женщина чувствует себя спокойно, комфортно и уверенно. И именно этот факт делал ее образ удивительным — ярким, запоминающимся, немного холодноватым и в меру таинственным. Художница о чем-то напряженно думала и вдруг выдала:

— Вы ведь не сказали правды о том вечере, когда принц Брэндон был у вас в покоях, не так ли?

— Не сказала, — подтвердила я.

— И как вы можете, — отвернулась она.

— Ситуация была... очень неоднозначная.

— Я не буду писать откровенную ложь, — нахмурилась любительница правды и страдалница за нее же.

Мне стало смешно. Какая она, в сущности, девчонка... Удивительно талантливая — в ее статьи, как и в ее картины, веришь. Удивительно правильная. И что же ей такое сказать? Подумала и решилась рассказать правду. Хотя до этого всячески собиралась эту самую правду скрывать.

— Он был под заклятием. И должен был по замыслу того, кто устроил все это светопреставление, меня изнасиловать.

— Зачем? — блеснули ее глаза. — Чтобы ненаследный принц Тигверд его убил?

— Возможно. Или чтобы обвинить его в таком преступлении, от которого не отмоешься.

— Получается, что принц... — Джулиана с надеждой посмотрела на меня.

— Тоже пострадал. Кто-то решил дискредитировать самую, пожалуй,

популярную фигуру империи Тигвердов.

Наша журналистка размышляла над полученной информацией. А потом спросила — светло и радостно:

— То есть кто-то настолько серьезно противостоит императору Фредерику?

— Именно так.

— С ума сойти... — в ее голосе не было ужаса или смирения жертвы, которая вляпалась во что-то грандиозно-неприятное. Только ненормальный восторг журналистки, которая почуяла сенсацию. — Так это действительно попытка государственного переворота!!!

— Джулиана...

— Да понимаю я! И не напишешь же...

— Не напишешь, — согласилась я, радуясь, что она хоть это понимает. — И никому не расскажешь...

— Так он... — В лице ее вдруг мелькнуло отвращение.

— Нет. Он очнулся. Дал мне возможность убежать и позвать на помощь. А потом смог преодолеть заклятие.

— Но все равно тяжело. Вам. И ему.

— Мы постарались забыть. И перенести нашу ненависть на того, кто в этом действительно виноват. Вот только кто он — мы не знаем. Знаем одно — кем бы он ни был, чтобы навредить империи, для него все средства хороши. Ни морали, ни жалости.

Мы вошли во дворец, где нас встретил мой любимый распорядитель — господин Хормс. Хмурый, но на этот раз почтительный. Видимо, проняло высказывание императора о том, что малейшее неуважение ко мне — и рудники слуге обеспечены. Или моя угроза нарядить всех в оранжевые комбинезоны и отправить улицы мести подействовала.

— Добро пожаловать, миледи Вероника, — поклонился он. И, исчерпав все свое количество вежливости, мазнул недовольным взглядом по Джулиане.

— Здравствуйте, — улыбнулась я ему.

— Вас ожидает... — Он задумался, подбирая слово.

— Фотограф? — попыталась помочь я ему.

— Посланец от милорда Милфорда, — сурово ответил старик.

— Пригласите его.

Молодой человек со штативом в руках, обвешанный кофрами, но в традиционной имперской одежде, и так производил сильное впечатление, а уж недовольным выражением лица и вовсе мог соперничать с самим распорядителем Хормсом.

— Господин Фикс, — представился он мне. И тут же добавил: — Миледи, я надеюсь, это разовая акция? И дальше я смогу вернуться к своим обязанностям. Я служу в контрразведке.

И это все так обиженно.

«Ну Милфорд, ну спасибо!» — подумала я. А вслух проговорила:

— А где вы научились фотографировать?

— В Петербурге, — сурово отвечал мне молодой человек. — Это, конечно, не входит в мои обязанности. Это увлечение. Ваш мир изобилует техническими чудесами. В каждом есть магия, просто слепцы ее и не видят, и не признают.

— Слепцы?

— Так мы называем ваших соотечественников. — Фотограф смутился. — Вы точно так же, как и мы, так же, как жители других миров, живете среди магии. Она вокруг, она в вас самих. Вы с ней сталкиваетесь, вы ей владеете — но почему-то именно в вашем мире большинство людей изо всех сил стараются этого не замечать... Упорно. Но если чья-то душа чуть более восприимчива — эти создания, как правило, попадают к нам или в какой-либо иной мир. Часто — во сне. Это уникальная особенность, миледи Вероника. — Господин Фикс улыбнулся.

Всего на секунду, очень быстро и немного грустно, но улыбка получилась настолько светлой, искренней, она так неожиданно изменила весь образ.

— Господин Фикс, все это очень интересно, и мне бы хотелось когда-нибудь вернуться к этой беседе в менее формальной обстановке. А сейчас необходимо, чтобы вы понимали: обеспечить газету и журнал фотографиями тоже очень важно, — ответила ему я.

И обернулась к распорядителю:

— Господин Хормс, проводите нас к его высочеству.

В недовольном молчании мы стали подниматься по парадной лестнице. Потом шли бесконечными пышными коридорами и залами. Такое ощущение, что распорядитель не к наследнику нас вел, а устраивал экскурсию по дворцу. Чтобы мы прониклись. И знали свое место.

— Миледи Вероника, — окликнул меня знакомый голос.

Широкими шагами к нам подходил начальник безопасности империи Тигвердов.

— Граф Крайом! — искренне улыбнулась я. — Рада вас видеть!

— И я вас, миледи. Рад, очень рад видеть вас в добром здравии, — язвительно отозвался он.

— Позвольте представить вам мою новую помощницу — талантливую

художницу и очень профессиональную журналистку — госпожу Блер, — быстро сказала я.

— Очень приятно. — Граф как-то иронично поклонился девушке, она присела в реверансе, просто неприлично пожирая его огромными темно-зелеными глазами.

— Гм... — издала я звук, пытаясь не смеяться в голос.

— Госпожа Блер, если бы я не был безнадежно стар и давно женат, я бы даже смел на что-то надеяться, — серьезно проговорил начальник охраны его величества.

— Что? Я!!! Нет. Простите. — Девочка стала просто багровой.

— Граф! Это профессиональный интерес, — все-таки расхохоталась я. — Джулиана, не переживайте, один из номеров будет посвящен этой загадочнейшей фигуре империи. Вы тогда и оторветесь!

— Оторветесь?! — хором переспросили они и посмотрели на меня удивленно.

— Ну... Отвяжетесь... — попробовала я пояснить, но, кажется, запутала их еще больше.

— Что-то в любом случае мне не нравится, как это звучит, — пробормотал граф.

— А мне так наоборот, — хищно взглянула на него юная журналистка.

— Миледи Вероника! Я буду просить защиты у его величества!

— Он дал мне карт-бланш, — сурово взглянула я на начальника охраны. — Сейчас мы идем к наследнику. Кроме того, интервью и с вами, и с ненаследным принцем Тигвердом будут после того, как выйдет журнал, посвященный его величеству. Вы думаете, он вас станет защищать, сам пройдя через это?

— Вы страшная женщина, миледи Вероника! Я в восхищении! — Граф Крайом взял мою руку и поцеловал кончики пальцев.

— Я польщена, милорд.

— Кстати, я вас встречаю не просто так.

— Не разрывайте мне сердце, граф! Я думала, вы хотели меня видеть.

— Конечно же, я скучал. Когда вы жили во дворце, миледи, здесь было... как-то уютнее.

Я посмотрела на него с укоризной. Джулиана — с таким любопытством, что, казалось, зашевелились кончики ушей.

— Так зачем вы меня встречали? — улыбнулась я. — Ну, кроме того, чтобы повеселиться.

— Может, попенять на ваше поведение, — стал серьезным граф.

— Я... исправилась, — опустила голову.

— Мне доложили, поэтому и ждал вас, не затем, чтобы ругаться. Рад, искренне рад, что вы поняли, насколько серьезно положение. У вас неплохая охрана, миледи Вероника, но все усилия будут напрасными, если вы будете сбегать.

— И сколько же человек вокруг меня?

— Мои гвардейцы, военные главнокомандующего. И, со времени покушения, еще и представители от клана наемных убийц вертятся. На самом деле такое количество охраны излишне. Военные и клановики только путаются под ногами. Но это приказ его величества.

— А военные откуда? — поразила я.

— Так главнокомандующий Тигверд со вчерашнего дня еще и их приставил.

Я печально покачала головой.

— Зря вы так, миледи, — сообщил мне мой собеседник.

— Понимаю, что зря... Только это все... Как-то...

— Непривычно?

— Душит.

— По-моему, вы преувеличиваете, — отрезал Крайом. — Мои люди работают так, что их и не видно даже.

— Но я-то знаю, что за мной наблюдают.

— Лучше уж они, чем те, кто убил ту бедную девушку...

— В этом вы, безусловно, правы.

— Запомните. Я и мои люди — просто тени. Готовые, если придется, закрыть вас собой. Вероника, не надо сбегать. Вы умудряетесь исчезать таким образом, что нам не удастся вас отследить. Может, это представляется вам забавным или вы так боретесь за свою свободу... Только в этом глупом порыве вы можете потерять жизнь. Простите, миледи, за откровенность.

— Спасибо. Я только сегодня поняла, насколько все серьезно. И почему это необходимо.

— Рад это слышать.

— Скажите, а если я хочу погулять с собакой... Или переехать? Или пройтись по магазинам?

— Делайте все, что считаете нужным. Охрана подстрахует. Только не исчезайте с помощью вашего артефакта. Или — если это необходимо — вызовите гвардейцев, чтобы они отправились с вами. Можете мне поверить — они не злоупотребят вашим доверием.

— Договорились. — А про себя все же подумала, что будет очень забавно, когда в нашу с Ричардом избушку попадут и охранники...

— Если вы отправляетесь куда-то с наследником или с командующим Тигвердом, — словно прочитав мои мысли, проговорил Крайом, — то вопросы вашей безопасности решают они сами. Охрану предупреждают в таком случае тоже они.

— Убийцу не поймали?

— К нашему удивлению — нет. Поэтому я заклинаю вас! Будьте осторожнее!

На этом мы распрощались, прошли еще несколько поворотов и оказались в крыле дворца, где обитает наследник.

— Я бы попросил вас поторопиться, — недовольно протянул распорядитель, как будто до этого сам не водил нас кругами. — У вас аудиенция у наследника престола. Негоже на нее опаздывать!

Открылись белоснежные высокие, с позолоченными украшениями двери, являя взору мрамор, красное дерево, алый бархат, серебро канделябров и головокружительную перспективу огромных зеркал, в которых все это великолепие отражалось и множилось: алый бархат, красное дерево, золото, серебро, канделябры... принц.

— Миледи Вероника, — изящно поцеловал мне руку его высочество, — очень рад вас видеть!

— Я вас тоже, ваше высочество, — склонилась в положенном реверансе.

— Мы же с вами договорились! Без церемоний, — улыбнулся он мне, сверкнув семейными черными глазами.

— Это дворец на меня так действует, — улыбнулась я. А на лицо наследника набежала тень.

— В смысле приверженности к этикету, — уточнила.

— Спасибо вам. — Брэндон поцеловал мне руку. — А теперь позвольте представить вам мою боевую пятерку.

Он развернулся к построившимся аристократам, которых было почему-то трое.

— Миледи Вероника, вы их знаете и даже один раз спасли от голода...

Джулиана, которая уже забилась в уголок и что-то рисовала в альбоме, вскинулась, услышав нечто любопытное.

— Его величество посчитал, что голод и труд — два наиболее действенных средства, чтобы молодое поколение осознало: драться с друзьями нельзя, — улыбнулся девушке наследник. И добавил: — А миледи Вероника организовала нам ужин.

— И мне бы хотелось, — поспешила добавить я, — чтобы его величество никогда не узнал о порывах моего доброго сердца.

Молодые люди, включая Джулиану, рассмеялись. Фотограф, выглядевший совсем несчастным, нахмурился.

— Итак, дамы и... господа, позвольте вам представить моих друзей. Герцог Гирвас, виконт Крайом и милорд Меграс. Граф Тробриндж, к сожалению, отсутствует.

Я хмыкнула. Бедный граф всегда так хмурился, когда видел меня, что создавалось ощущение, что это я его зажимала в коридоре, а не он — меня.

— Какие у вас будут вопросы? — спросил наследник у Джулианы.

— Вы все — одногодки? — начала журналистка, у которой горели глаза.

Аристократы дружно склонили головы.

— И как вас воспитывали?

— Строго, — ответил наследник. — У его величества целая теория о том, как надо воспитывать наследника и его ближайшее окружение. И наказаний в этой системе гораздо больше, чем поощрений.

— И за что вас могут наказать?

— За драку между своими. За самовольную отлучку. За грубость к женщине, особенно если она ниже по социальному положению.

— А за что могут наградить?

— За хорошо выполненное задание, — разом ответили все.

— А как наградить тех, у кого есть все? — вдруг спросила Джулиана.

— Нам дают кусочек того, чего у нас никогда не было, — тихо и серьезно ответил Брэндон.

— И что же это?

— Свобода.

Глава 6

— Да все, что вы запланировали, снимать еще неделю! — дружно возмутились и Брэндон, и фотограф. Аристократы из ближайшего окружения принца молчали — должно быть, рабство у нагов вспомнили. И тем не менее, судя по выражению на породистых физиономиях, были всецело на стороне наследника.

— Ваше высочество! А вы быстренько, — стала уговаривать я. — Поверьте, мы в долгу не останемся! Пирожочков напечем! Блинчиков...

И получилось у меня так льстиво-льстиво. Ну чистый подхалимаж. Джулиана смотрела на меня удивленно. Наверное, в ее картине мира пирожками соблазнять наследника престола было... как-то неправильно. Но я-то прекрасно знала, что это подействует. И добавила соблазна:

— А пирожочки будут с разными начинками. Горяченькие...

— Ладно. — Брэндон кивнул как замороженный.

— Завтра будем снимать танцы — я и принесу!

— Мы тоже придем! — решительно шагнули аристократы.

С мыслью о том, что Каталина меня убьет, я подхватила Джулиану под руку и удалилась. Сообщив, правда, молодым людям, что сейчас снимем верховую прогулку — и на сегодня все. Репортаж с побережья можно сделать и завтра-послезавтра. Я ж не зверь какой!

— И тогда у нас остаются снимки в кругу семьи, в Академии и что-нибудь интересное, с фейерверком, — радостно шепнула я Джулиане.

Пока мы не ушли из дворца, я записалась в приемной императора на аудиенцию завтрашним утром.

— Надо предупредить, что нам нужны также снимки с участием его величества.

А дальше нас ждала редакция — сегодня был четверг, следовательно, ночью второй выпуск газеты «Имперская правда» должен отправиться в типографию.

— Вот объясните мне — это что? — гневалась мама.

И мы поспешили в кабинет, где она общалась с подчиненными.

Мама была прекрасна. Со вздернутым вверх подбородком, аккуратно убранными серебристыми волосами, в белоснежной накрахмаленной блузке и длинной темно-синей юбке по фигуре, чуть расклешенной книзу, с высокой талией. Мама осторожно, потихоньку, но все-таки осваивала имперскую моду — и ей невероятно шло.

— У меня два десятка статей! И все про одно и то же: мужчина спрыгнул с моста, спасти его не удалось. В окрестностях Роттервика обнаружили банду — есть пострадавшие. Банк «Имперский Золотой», возможно, стоит на грани банкротства. Целители не смогли спасти ребенка, упавшего в ущелье в Западной провинции. И так далее, и тому подобное!

— Но это же все правда, — попытался ей возразить мужчина постарше, предварительно оглядев своих коллег и осознав, что всеобщая поддержка на его стороне.

Наивный!

— Правда?! — рассердилась мама. — Членов банды уже схватили охраняющие тот участок дороги ветераны. Бандиты дожидаются суда — где это? Про мужчину, что бросился с моста, не знаю. А вот про то, что пьяных подростков, упавших в ущелье, было девять человек. Из них спасли восьмерых — это даже мне известно. Почему такой странный подход к подаче информации? И каким образом он относится к правде, за которую вы все так ратуете?!

— И как быть? — спросил другой журналист, помоложе.

— Переписывайте, — голосом строгой учительницы, дающей двоечникам последний шанс, сказала мама. — И на будущее: если хотите работать в газете миледи Вероники, дважды проверяйте предоставляемую вами информацию!

— Но половина материала — это тексты внештатников!

— Кто у нас с ними работает? — рыкнула мама на незнакомого мне пожилого дядечку.

— Понимаете, новости про разбой, грабеж и убийства продаются лучше.

— Конечно, — не стала спорить с очевидным мама. — А еще новости про покушения и заговоры. Но если силовые ведомства справляются с ситуацией, почему мы должны делать вид, что они не работают? Такого не будет.

Повисло молчание.

— У кого-нибудь ко мне есть вопросы? — поинтересовалась маменька.

— Миледи Журавлева, — спросил у нее журналист постарше. — Вы говорили, что возможно будет взять интервью у высокопоставленных вельмож.

— Будет возможно, — кивнула величественно мама. — Миледи Вероника этим вопросом как раз занимается.

— За пирожки, господа, — сказала я многозначительно, — в империи Тигвердов возможно все.

На этом мужчины вышли из матушкиного кабинета.

— А я взяла Вилли работать в редакцию посыльным, — похвасталась мама уже своим, не учительским голосом.

— Спасибо, — искренне поблагодарила я. Мне стало немного стыдно. Как же за всеми этими событиями я не подумала о работе для своего маленького друга. — Надо только, чтобы он учебу не забросил. Джон пристроил его в ту же школу, где у его друзей сыновья учатся.

— Как-нибудь выкрутимся, — улыбнулась мама. — А мальчишка хороший.

Я кивнула.

— Слушай, дочь! — взглянула на меня строго-строго главный редактор. — А где кроссворд для последней страницы?

— Ой! Забыла! — ахнула я.

— Ты народ посадила — ты и разбирайся! А то что ж получается — какая хозяйка, такие и работники? Неорганизованные! Все! Только Джулиана и Луиза умнички. И я молодец! А вот остальные!

Мы расхохотались, и я понеслась трудиться.

Отловила Вилли, сунула ему деньги и велела бежать в книжный магазин за энциклопедиями. Затем принялась расчерчивать квадратики на листе бумаги. Это мне развлечение на полдня точно. С другой стороны, сама виновата, не надо было тянуть.

К вечеру меня из-за стола вытянул Ричард.

— Пойдем домой, неугомонная ты моя! — распорядился он.

— Сейчас, — кивнула я. — Еще два слова — на «Т» и «С».

— «Тигверды» и «солдаты».

— Очень смешно.

— А тебе из какой области надо?

— Из мирной.

— Цветочки-бантики?

— Драгоценные камни, книги, города...

И тут я кое-что вспомнила:

— Ричард, кто такие тикуну?

— Что?! Где ты этого набралась? Ты где была? С кем?! — началось...

Допрос с пристрастием, рычанием и огненными искорками в черных очах! Красота!!! Пришлось рассказывать все как есть. И про разноцветных пушистых даггов, и про синюю маргаритку, и про ребристые обожженные деревья. Отчитываться, оправдываться, успокаивать, прикрываться наследником, обещать блины и... много чего обещать...

Как я и предполагала, тикуну — это клопы. Живут в коре не особо

ценных древесных пород, из которых и строят свои жилища бедняки. Сам по себе тикун не опасен, и даже деревья он не ест — просто там селится. Но людей кусает — от страха, впрыскивая под кожу мизерную дозу яда. Яд для жизни не опасен, но зуд и покраснения вызывает.

Ричард пытался меня отговорить, намекая на то, что упоминание об этом насекомом не совсем принято в светском обществе, но я решительно отвергла подобный снобизм. Представила, как Вилли радостно вписывает в колонку знакомое слово, и решила, что все делаю правильно.

— А на «с»? — Я подняла глаза на Ричарда. Ох... Как же хитро он улыбается...

— Сойки — подойдут? Добьем местную аристократию сельской экзотикой! — Принц хохотал.

— Сойка — это птичка? — Я обрадовалась, услышав знакомое слово.

— Сойки — это цветы, Ника! И я думал, они твои любимые, раз тебе так понравилась та картина. Я даже букет приготовил, но потом пришлось искать подснежники.

Я вспомнила любимую картину, что написала Джулиана, и ярко-синие маленькие цветочки на ней. Годится!

— Все! — захлопала я в ладоши. — Ричард, а где ты нашел подснежники, ведь не сезон был?

— Для влюбленного мужчины нет ничего невозможного, — очень серьезно ответили мне.

— Пойдем, — попросила я.

Мы вместе отнесли кроссворд маме. Она кивнула, улыбнувшись, поглядела на Ричарда. И отпустила меня домой.

— А вы? — удивленно посмотрел на нее ненаследный принц Тигверд.

— Ну нет! Пока все сделано не будет как надо — я отсюда ни ногой!

Я хотела сказать, что тоже не пойду. В конце концов, кто всех взгоношил! Но споткнулась о матушкин взгляд и удалилась.

— У тебя удивительная мама, — тихо проговорил Ричард. — Чем-то похожа на мою. С ней рядом тоже тепло.

— Расскажи о своей маме, — попросила я. А сама вспомнила наброски, что видела в альбоме у Джулианы. Надо попросить, чтобы она и для нас портрет Милены Рэ написала. Интересно, я бы понравилась маме Ричарда?

— Ты бы ей понравилась, — эхом отозвался на мои мысли Ричард. — Она ценила искренность. Мама и сама была такой — прямолинейной, честной. Говорила всегда только то, что думала. Все как есть. Вот только говорила редко и мало. Она была тихая, молчаливая. Часто — грустная.

Он потер лоб и вдруг неожиданно светло улыбнулся:

— Мама учила меня... без слов. Либо показывала что-то, либо просто клала ладонь на лоб — и я знал, что она хочет сказать. Или видел сон, в котором чему-то учился...

Мне вдруг стало очень грустно. Что-то заныло в груди, больно сжало в висках и очень-очень сильно обожгло палец с перстнем. Буквально секунда — и все прошло. Так же внезапно, как и началось.

Мы шли пешком по вечернему Роттервику. Людей было мало, в воздухе сладко пахло цветущими деревьями. Запах был свежий, весенний. Так пахнет, когда цветут те самые деревья, в парке у дворца.

Под этим деревом мы встретились когда-то. Осенью. Интересно, как они называются, эти деревья? Надо все-таки добраться до атласа в библиотеке.

— Пойдем поужинаем? — прервал мои мысли Ричард. Я и не заметила, что мы подошли к ресторану «Зеленая Цапля».

— Может, дома? — Я поежилась, вспоминая помпезность этого роскошного места. — Дома как-то... уютнее.

— Ника, — меня нежно, но крепко обняли за плечи, развернули к себе, — ну неужели ты думаешь, что я за это время тебя не выучил?! Мы не пойдем в этот ресторан. То есть пойдем, но не совсем туда, куда ты ожидаешь. Во-первых — это сюрприз, который, я надеюсь, тебе понравится.

— А во-вторых? — Я совсем напряглась.

— А во-вторых — дома нет ни еды, ни слуг... никого.

— Даже Флоризеля?

— Он в поместье с Джоном — с ним все будет в порядке, не волнуйся. Просто я хочу, чтобы мы были только вдвоем.

— Я тоже...

После долгого поцелуя я мало что соображала — просто семенила за Ричардом, который, крепко сжимая мою ладонь, тащил меня за собой. День был тяжелый, вечер поздний. Я украдкой зевала и, честно говоря, предстоящим романтическим ужином интересовалась мало. Тем более что есть не хотелось. Совсем. А хотелось... Домой хотелось.

Мы прошли огромную залу того самого ресторана, где уже были когда-то. Ричард о чем-то пошептался с метродотелем, и мы стали спускаться вниз по винтовой лестнице. Лестница была очень красивая — ажурные воздушные перила с изображениями цветов и птиц, белоснежный мрамор с розоватыми прожилками. Спускались довольно долго. Наконец мы вошли в маленькое полуподвальное помещение. Там были изящные кованые

столики, выкрашенные мятным цветом стены и огромное количество птичьих клеток! Клетки были разных форм и размеров — от совсем маленьких, плетеных до больших и очень красивых. Клетки были и золотые, и серебряные, кованые, плетеные, но в каждой из них сидели маленькие ярко-зеленые птички. Их было так много, что, если бы они разом стали петь или чирикать, услышать друг друга было бы невозможно. Но, к счастью, птички молчали. Больше всего они были похожи на ярко-зеленых воробьев. Ну или на растолстевших канареек. И тут я догадалась, кто это:

— Ричард! Это... Зеленые цапли?

— Да, любимая. — Ричард смотрел на меня очень вдохновенно и романтично, а я... Я хохотала до слез, настолько зеленый воробей был не похож на цаплю. Наверное, я сильно испортила красоту и торжественность момента, но ничего не могла с собой поделать. Ричард терпеливо ждал... Я успокоилась, но дала себе слово как-нибудь показать Ричарду, как выглядит в моем мире цапля, — тогда он меня поймет. И простит. Я хихикнула последний раз, когда к нам подошел сам хозяин.

— На сегодня вы закрыты — я хочу, чтобы мы с миледи остались вдвоем. Бутылку «Зеленой цапли», любику для птиц, какой-нибудь легкий десерт для нас.

— Открыть клетки? — Мужчина улыбнулся. На мгновение показалось, что он мне подмигнул. Хотя, наверное, это от того, что я смеялась до слез — вот и показалось.

— Да. И оставьте нас вдвоем.

— Конечно, милорд.

— Ричард... А почему они не поют? И зачем ты приказал открыть клетки? Мы их будем кормить? А они не улетят? Это что, какой-то имперский обычай, да?

Ричард смотрел на меня и улыбался. И от этого взгляда стало так тепло, так радостно. Перстень снова обжег палец — но совсем не больно, чуть-чуть.

— Интересно, сколько вопросов подряд ты способна задать? Надо будет как-нибудь посчитать...

— Интересно еще и то, что ты так и не ответил ни на один! — Я требовательно уставилась в черные глаза.

Тем временем нам принесли маленький пузатый пузырек с чем-то густым и ядовито-зеленым, две вазочки с нежно-розовым кремом, два очень красивых бокала и небольшую корзиночку с ягодами, напоминающими плоды боярышника. Крышка с легким хлопком

открылась, и густое зелье разлили по бокалам. Честно говоря, выглядело немного жутковато. Я сразу вспомнила сказки про то, как злые колдуньи варят в котлах всякие нехорошие зелья, кидая туда сушеных мышей и прочую пакость. И вот это самое зелье в моем мире изображалось чаще всего именно так — нечто густое и зеленое. С другой стороны, в моем мире и цапли выглядят по-другому, так что не будем торопиться и делать поспешных выводов. Ричард тем временем уже поднял свой бокал, приглашая и меня сделать то же самое.

Я поднесла бокал к лицу, вдохнула аромат — и пропала... Что бы это ни было, но пахло оно восхитительно! Чем-то сладким, свежим, дурманящим. Что-то свернулось пушистой кошкой в области живота и рассыпалось бабочками в голове. Я уже хотела попробовать, но Ричард мягко коснулся щеки, чем вернул меня в этот мир.

— Подожди, любимая. Ника — ты любишь меня?

Ну вот, приехали. Видимо, у имперцев так принято делать предложение руки и сердца.

— Так не делают предложения руки и сердца — так проверяют любовь!

Нет, все-таки он читал мои мысли! Второй раз за вечер — это уже не совпадение, это уже закономерность.

— Ты решил меня проверить?

— Нет-нет, успокойся. Я не хочу тебя проверять. Я уверен, и именно поэтому привел тебя сюда, чтобы кое-что тебе показать. Но чтобы волшебство случилось и порадовало женщину, которая мне дороже всего на свете, эта женщина должна ответить на вопрос. Ника, ты меня любишь?

Я задумалась, расслабилась и заглянула внутрь себя — как тогда, в пустоте между мирами. Были моменты, когда я не верила в происходящее, когда я не позволяла себе даже думать об этом серьезно. Были — когда я решила, что все кончено, и старалась забыть. Были злость, обида, боль. Страсть. Желание. Но — да. Я любила. Все это время и с первой секунды нашей встречи — я любила его. А посему ответила с улыбкой и легким сердцем:

— Да!

— Я тоже тебя люблю, Ника. Я люблю тебя! А теперь — пей! До дна! — Ричард подмигнул мне и зажмурился, делая большой глоток.

Поскольку зажмурился он явно от удовольствия, я не стала долго себя уговаривать и залпом выпила... божественный нектар. По-другому не скажешь — настолько это было вкусно!

И в ту же секунду птицы запели. Они пели, а их грудки постепенно

становились ярко-алыми. В тот же миг клетки распахнулись, птицы стали вылетать, кружить над нами и угощаться ягодами из корзинки. Ричард насыпал любiku мне на ладонь, и я кормила их с руки.

Мы смотрели друг на друга, кормили зеленых птичек и были абсолютно счастливы.

Постепенно все стихло — зеленые воробьи замолчали, расселись по клеткам, которые захлопнулись сами собой, и алые перышки стали гаснуть, будто пламя свечи. Через какое-то время имперские цапли снова стали зелеными. Я не отрывала от них глаз, не могла прийти в себя от увиденного и пережитого.

Ричард вложил в мои пальцы маленькую ложечку, помог зачерпнуть из вазочки и отправить в рот что-то легкое, розовое и воздушное. Мусс был очень вкусный — нежный, с кислинкой.

— Вкусно! Ричард... спасибо. Это незабываемо! Эти птички — они...

— Вкусно, согласен, но с твоими блинчиками не сравнить! — вздохнул милорд Тигверд. — А зеленая цапля — птица, которую еще называют «спящая красавица».

— Почему?

— Не заметила? Посмотри на них внимательно.

Я присмотрелась — птицы спали! А Ричард продолжал рассказывать:

— Птицы реагируют на магию любви. Если двое искренне любят друг друга — случится чудо. Зеленые цапли проснутся, запоют, и их грудки станут алыми. Если же нет — будут спать. Поскольку в империи браки в основном заключают по расчету, в этом ресторане редко такое увидишь. Вон — сбежался весь персонал.

Ричард кивнул в сторону открытой двери. Там и правда стояли, наверное, все работники ресторана и даже посетители верхней залы. Лица у них были такими восторженными, что они даже не отреагировали на то, что их заметили. Мы с Ричардом рассмеялись.

Пока мы шли домой — обнимались, как школьники, не обращая внимания на малочисленных прохожих. А что? Требования имперцев к приличиям соблюдены: я в шляпке и в перчатках. А что обнимаюсь с любимым мужчиной — так не их дело!

Перед самым порогом дома Ричард меня поцеловал. Подхватил на руки. Дверь распахнулась — дом словно приветствовал нас, соскучившись.

— Это в вашем мире есть традиция перенести жену через порог своего дома? — прошептал мне на ухо Ричард.

Он донес меня до спальни. Уложил на кровать. Нежно коснулся пальцами щеки — я потянулась за лаской, как котенок. Он кончиками

пальцев поднял подбородок, заставляя смотреть в глаза, — лично я такое терпеть не могла, но сегодня ему и это было можно. Ричард чуть улыбнулся — и медленно склонился к моим губам.

Я задрожала в предвкушении. Ну же... Давай... Поцелуй меня, а я выгнусь тебе навстречу и сойду с ума в любимых руках. Запущу руки под одежду, пройдусь вверх по мышцам спины, оглажу плечи, сожму ключицы — тебе ведь это нравится. Потом запутаюсь в светлых жестких волосах...

Услышу свой стон... И вторящий, как эхо, — твой!

И во Вселенной останемся только мы с тобой. Да еще, может быть, этот старый дом, который радуется за нас.

Глава 7

Утром я проснулась в состоянии блаженства. Умиротворенная. Счастливая. Ричарда уже не было. Мне показалось — или он тихонько ушел под утро? Вечером спрошу. Я быстро собралась, благо моей одежды в гардеробной этого дома было предостаточно, и отправилась в редакцию. Надо же узнать, что там у нас со вторым выпуском «Имперской правды».

Меня встретила расстроенная мама, которая выложила передо мной газеты конкурентов. Я посмотрела на строчки, которые тут же запрыгали у меня перед глазами.

— Так вот куда его вызвали...

— Ника! — всплеснула руками мама. — Да как же так! Да что за сволочь объявилась на нашу голову!

«Кто защитит наших жен и дочерей?»

«Золото волос как приговор»

«Второе убийство во втором городе страны»

«Еще одно убийство золотоволосой женщины в синем. Власти бездействуют»

«По крупным городам империи прокатилась череда убийств молодых женщин. Убийства начались в столице и продолжаются до сих пор. Каждый третий день в нашей империи гибнет красивая молодая женщина. Накануне в Норверде — столице Северной провинции — была убита еще одна женщина — третья жертва неизвестного убийцы!»

Что же предпринимают власти? Реформированный Уголовный розыск? Конкретно его начальник, ставленник ненаследного принца Тигверда — бастарда императора? Получается, что НИЧЕГО. Защитники правопорядка лишь констатируют очередную смерть.

Сейчас идет подготовка к торжествам, посвященным дню рождения наследника, и, видимо, все силы брошены на то, чтобы обеспечить безопасность этого мероприятия».

— Судя по статьям, второе убийство было не в столице, а в главном городе Северной провинции — Норверде.

— Северная провинция... — повторила я задумчиво. — Земли рода Рэ...

— Жена мелкого чиновника. Пропала из парка, где гуляла с детьми. Никто ничего не заметил.

— Тварь... Какая тварь!

— И, как пишут газеты, никто из них не был во время похищения в синем... И вообще синего не носил.

— Получается, что платье на них надел убийца. — У меня пропал голос. — Надо сказать Наташе, чтобы гулять одна не ходила. Она, конечно, не золотоволосая блондинка, но...

— И Джулиану предупреди, — нахмурилась мама. — И вот что за идея переселиться в студию эту?! Лучше бы оставались все в куче.

— А что папа говорит? — спросила я.

— Вот вечером он придет с работы — и узнаем. А то папа твой, как обычно, молчит себе. Будто это нас и не касается.

— Наверное, они хотели схватить этого гада быстро, по-тихому. Чтобы избежать всей этой шумихи.

— Но не получилось...

— Значит, надо давать газетчикам свою версию событий, — протянула я. — Дадим сегодня специальный номер. А то имперские умельцы такого напишут, что выяснится под конец, что это Ричард лично всех жертв перебил, а Денис на подхвате был.

— Ага... И наш журнал через несколько недель выйдет. А там... — скривилась мама.

— А там биография наследника. И подготовка к балу.

— И получается, что мы — только что прибывшие в империю чужаки — равнодушны к ее бедам.

— Да уж, — печально кивнула я головой. — Надо поговорить с Денисом.

— Может, не трогать его пока?

— Ага. А его, между прочим, все это напрямую касается. Я сейчас же отправлюсь к нему — пускай делится информацией.

— Ника, а Ричард?

— Ш-ш-ш-ш... Не спугни. Но, с другой стороны, он ушел и ничего мне не сказал! И я злюсь.

— Ника, — насмешливо посмотрела на меня мама. — Ну представь себе — над тобой склоняется любимый мужчина. Ночью. И говорит

проникновенно: «Там женщину убили. Пойдем со мной!»

— Все равно он не прав.

— И до чего вы договорились?

— Ма-а-ам, — укоризненно протянула я.

— Ника... Вы так и будете прятаться по углам и закоулкам?

Через час я уже подъезжала к мрачному зданию Уголовного розыска.

По крупной дрожи, что вдруг начала меня бить изнутри, я поняла, что зря все это затеяла.

— Что с тобой? — связался со мной Ричард.

— Все хорошо.

— А почему такой внезапный приступ паники? — обеспокоенно спросил он.

— К Уголовному розыску подъезжаю.

— И что ты там забыла?!

— Если меня не ставят в известность об информации, которая для меня важна, то я буду добывать ее сама!

— Ника.

— Всего доброго.

— Вероника Евгеньевна! — поприветствовал меня по-русски новый хозяин старого кабинета.

— Денис Юрьевич! — постаралась я улыбнуться и дала себе распоряжение смотреть только на бывшего студента, а ныне — начальника Уголовного розыска империи.

— Присаживайся, — любезно предложил мне старый знакомый и подал руку, чтобы проводить к стулу.

К тому самому стулу. Надо же, сколько всего поменялось, а мебель все та же. Крепкая... Привинтили, интересно, стул к полу или нет?

— Ника... Ника... Да что с тобой? Доктора вызвать?! — голос доносился как через несколько слоев ваты.

Вспомнила, что доктора в этом заведении уже мои практически останки соскребали. И хихикнула.

— Ты бы еще палача местного пригласил, — сами сложились губы.

Да... Идею посетить это учреждение можно охарактеризовать как идиотскую...

— Госпожа Лиззард... — звал меня незнакомый голос. — Госпожа Лиззард... Ну что же вы нас пугаете?

Я лежала на диванчике. Мне под нос сунули какой-то отвратно пахнущий флакончик. Глаза заслезились, дыхание стало частым и прерывистым. Перед глазами упорно стояла пелена, не желая никуда

исчезать.

— Ника! — раздался голос Ричарда. Теплые руки обняли меня. — Вот какая ты... неугомонная!

— Все уже хорошо, — продолжил некто, говорящий с теми же интонациями, что и целитель Ирвин. — Надеюсь, вас на этот раз не начальник Уголовного розыска обидел? А то он у нас человек новый, всех сотрудников устраивает... Не надо бы его на каторгу — как вы считаете?

— Зачем на каторгу?! — изумился Денис.

— Так нас предыдущий начальник покинул после того, как мы госпожу Лиззард из этого кабинета полумертвой выносили.

Ричард так прижал меня к себе, что я подумала — задохнусь.

— А что случилось с миледи Вероникой? — осторожно поинтересовался мой бывший студент.

— Допрашивали.

— Что? — в голосе Дениса было какое-то бешеное изумление.

— А наш начальник... вспылil.

— Я признательные показания подписывать не хотела, — прошептала я.

— Как вы, госпожа Лиззард? — спросил доктор.

— Спасибо, лучше, — ответила я. — И простите за представление.

— Давайте еще успокоительное выпьем, и будет совсем хорошо. — Мне под нос подсунали другую мензурку, из которой я и выпила.

— Вот скажи мне, Ника, если ты так на все остро реагируешь, ты зачем сюда приехала? — раздался голос Дениса, в котором была целая гамма эмоций. Я услышала и раздражение, и заботу, и тревогу...

— Не рассчитала просто.

— Не рассчитала, — пророкотал у меня над ухом Ричард. — А мы здание готовились штурмовать!

— Вот ведь...

— Слушай, если надо было тебе со мной поговорить, — возмутился Денис, — ну встретились бы в ресторанчике. Или дождалась бы меня у Луизы, в моем доме. Сказала бы, я б к тебе заехал. Чего тебя на подвиги понесло?

— Я по работе.

— Миледи Вероника хотела, чтобы вы выдали ей секретную информацию по расследованиям смертей женщин в синем, — заметил Ричард.

Я скинула с себя его руки и поднялась. Обнаружила разрезанную шнуровку на спине, ощутила голыми лопатками холодный воздух.

Ненаследный принц Тигверд с шумом втянул в себя воздух.

— Вероника... — простонал Денис, обозревая беспорядок в моей одежде. — Ты смерти моей хочешь?

— Да ладно, — усмехнулась я. — В прошлый раз меня вообще голой отсюда уносили. Милорд Милфорд, спасибо ему, плащом поделился.

— Я слышал, что предыдущий начальник превысил свои полномочия во время допроса, но никак не думал, что это связано с тобой.

— Увы... — вздрогнула я.

— Так, хватит. У меня свадьба скоро. Мне в глубину имперских руд никак нельзя. Ричард, заberi, пожалуйста, свою невесту. И доставь домой.

— И желательно, чтобы никто не видел, в каком я виде.

Марево портала — и мы дома. В нашей спальне.

— Ника, — прижал меня к себе Ричард. — Зачем ты так?

— У меня газета — и мне нужна информация.

— Ника, ты должна понять... Женщин убивают не просто так — их убивают, маскируя под тебя. Понимаешь ты или нет?! Под тебя!

— Ричард... — я прижалась к нему, взяла его лицо в свои руки, развернула к себе и заговорила быстро-быстро, боясь, что он вспылит, не выдержит, не дослушает меня, не поймет...

— Это бессердечно и низко, я чувствую, как много ненависти в том существе, которое все это затеяло. У меня язык не поворачивается назвать его человеком! Но ты же понимаешь, газета — мой единственный способ бороться? Помогать вам, быть нужной, полезной. И потом — я же не одна! Мама, Наташа, Джулиана, сотрудники... Я повела их за собой, и теперь я за них в ответе. Весь проект провалится, если мы не будем вовремя освещать события. Общество опять погрязнет во взаимных обвинениях, вместо того чтобы сообща делать одно дело.

— Ника... — Глаза немного потемнели, но всполохов огня на дне не было. Была какая-то обреченность.

— Ричард, это не мой каприз. Я осторожна, не бегаю от охраны, соблюдаю все, что предписано. Но скрывать от меня информацию, зная, что мы выпускаем газету и журнал, — это...

— Я понял. — Палец лег на мои губы прежде, чем с них сорвалось что-нибудь безапелляционное.

Затем последовал легкий, примирительный поцелуй, и Ричард произнес:

— Миледи Вероника, я обещаю не скрывать от вас важную информацию. Вы же обязуетесь вести себя осторожно. Мир?

— Мир...

Ричард доставил меня в поместье, приказал никуда больше не выходить. Напомнил, что завтра суббота — придут в увольнительную мальчишки — и удобнее будет разместиться за городом. Я только успела кивнуть — он исчез.

Едва переоделась, как меня известили, что в гостиной ожидает его величество Тигверд. В гневе.

— Вот что еще? — ворчала я, спускаясь вниз.

— И как это прикажете понимать, миледи Вероника? — проскрежетал император, не хуже, чем при нашей первой встрече, когда Ричард был при смерти, а Фредерик пытался решить, причастна я к этому или нет.

— Что именно, ваше величество? — спросила я кротко.

— Я требую объяснить мне, почему под вашим чутким руководством наследник... стал заниматься непонятно чем? Вместо того чтобы танцевать и делать снимки для журнала, он сбежал в Норверд вместе с этой... журналисткой. И... оказывает там помощь!

— Какого рода? — На самом деле я порадовалась за Брэндона. Наконец-то парень при деле. Глядишь, и дурных мыслей поубавится.

Похоже, мне не удалось скрыть радость от императора, потому что он нахмурился еще больше.

— Миледи Вероника!

— Ваше величество, я не понимаю, чего вы хотите от наследника... Послушную собачонку, сидящую на привязи во дворце в попытке понять, не принести ли вам тапочки? Так этого не будет — не тот генофонд. Брэндон вам никого не напоминает?

Похоже, с Фредериком так еще не разговаривали — он просто онемел.

— Вы хотите, чтобы у вас с ним были какие-то взаимоотношения, кроме горечи с его стороны и недовольства с вашей? — продолжила я. — Так дайте ему быть собой. Дайте ему дело, в котором он почувствует себя нужным! Пусть он учится и набивает шишки.

— Но эта журналистка...

— Они чем занимаются в Норверде?

— Со слов охраны — разговаривают с людьми. Объясняют, какие действия предпринимает власть, чтобы разобраться с убийцей. Опрашивают знакомых погибшей — спрашивают, какая она была...

— И что в этом плохого? Что не так?

Фредерик замолчал.

— Мне Ричард все время выговаривал, что я излишне опекаю мальчиков, что они мужчины и должны принимать решения сами. И отвечать за них. Так им по четырнадцать. А вашему — скоро двадцать пять.

— Я против его взаимоотношений с этой девушкой.

— Фредерик, — впервые за этот разговор назвала его по имени, — взаимоотношения либо будут, либо нет. И наше с вами мнение будет молодым людям... без разницы.

— Дочь мелкопоместного барона из Южной провинции, изгнанная из рода. Художница и журналистка, арестованная по обвинению в оскорблении императорской семьи. Вы думаете, им кто-то позволит забыть эти факты ее биографии?

— На самом деле — как поработать с общественным мнением. Любви аристократов, конечно, ей не видать. Так и Джулиану колотит при одном упоминании об элите общества. А вот остальные граждане империи... К тому же — еще ничего не понятно, что вы завелись?

— Это вам не понятно. И, может быть, Джулиане. А вот Брэндон уже все решил, — вздохнул Фредерик. — Но в любом случае мне не следовало врываться к вам и гневаться.

— Ничего. Вы беспокоитесь, и это естественно.

— Давайте отложим с танцами до понедельника. Но через два дня я вас жду во дворце. Будем фотографироваться для журнала.

— Слушаюсь, ваше величество!

Фредерик поморщился — и исчез. А вскоре принесся Вилли с сообщением от моей мамы. Наш главный редактор ругала меня за то, что я совсем не берегу свое здоровье. И информировала о том, что документы о ходе расследования передали и от главнокомандующего Тигверда, и от начальника Уголовного розыска империи, милорда Брауна.

Глава 8

— Шшшшш... Дзинь-дзинь-дзинь! Пшпшпшшшш... Лязг-лязг-лязг! Пшшшшшшш... Ррррррр... Мммммм... Ауууууу!

Вот так выглядит мое субботнее утро. Не догадались? Ладно. Расшифрую, так и быть!

— Шшшшшшшш... Пшшшшшшшш... Пшпшпшшшшшшш...

Я пеку блины на всю ораву, с учетом того, что Фредерик может заявиться без предупреждения. Судя по тому, как его величество частенько является в гости аккуратно в тот самый момент, когда я, мама или Каталина достаем следующий противень или кладем кусочек масла на горку горячих оладьев, — думаю, есть у него информаторы среди нашей незримой охраны... Ох есть!

— Шшшшшшшшш... Пшшшшшшшшш... Пшпшпшшшшшшшш...

Мальчишки прибыли на выходные. Феликс что-то переписывает в тетрадку из огромной энциклопедии по местной медицине. Он очень увлечен целительством. На факультете его хвалят, отметки хорошие. Ирвин так и вовсе возлагает большие надежды — хочет потом взять мальчика на практику лично к себе. И дело тут не в наших хороших отношениях, а в способностях и трудолюбии Феликса. Я улыбнулась про себя. Гордость и радость за сына потоптались в душе милым розовым слоном — потоптались, похлопали ушами и полетели дальше.

— Дзинь-дзинь-дзинь, лязг-лязг-лязг! — Пашка, Рэм и Ричард фехтуют во дворе.

— Ммммммммм! Ауауаууууу! — это Флоризель...

Если Вселенная решила, что раз Пашка теперь Рэ и маг огня, то по всему выходило, что Флоризель как истинный Тигверд — без ума от выпечки...

Вот такое субботнее утро — богатое на запахи и звуки. Я выпекла последний блин, из остатков теста соорудила три оладушка Флоризелю, дала распоряжения Каталине и пошла вверх, в гостиную, посмотреть, что там творится.

Мама с папой склонились над какими-то бумагами — два серебристоволосых трудоголика. Феликс священнодействовал над энциклопедией. Мальчик настолько ушел в себя, что даже щенок не решился ему мешать — уселся рядом и терпеливо ждал.

Ричард с мальчишками ввалились в гостиную возбужденные,

раскрасневшиеся и голодные.

— Вероника, надо накрывать на стол! — решительно встала мама.

Завтракали с аппетитом — мужчины, включая Флоризеля, налегали на блины, и только папа предпочел овсянку и бутерброд с сыром. В этом плане он себе не изменял, сколько я себя помню. Ричард смотрел на отца как на настоящего героя, — с искренним и нескрываемым восторгом. В его понимании овсянка каждое утро — верх воинской дисциплины.

Казалось, все было хорошо. Но что-то беспокоило. После завтрака я настояла на том, чтобы родители пошли прогуляться — все-таки это был выходной, который оба заслужили. Ричард с Пашкой куда-то исчезли, Флоризель увязался за Каталиной на кухню, Рэм... Рэм! Вот оно — то, что не укладывалось в общую картину полного и безоблачного благополучия — неземной красоты глаза под до неприличия отросшей челкой, в коих плескалось море вселенской тоски и неизбывной печали.

— Рэм, помоги мне, пожалуйста, — кивнула я на посуду. Мы вошли на кухню, я сделала страшные глаза Каталине, мотнув головой в неопределенном направлении. Как же хорошо съесть не один пуд соли вместе: пара жестов, совершенно не поддающихся никакой здравомыслящей идентификации, — и тебя понимают!

Как только мы остались одни, я не стала ходить вокруг да около:

— Рэм... Что случилось?

Удивительно, но в этот раз сын не стал ни увиливать, ни придумывать, ни делать вид, что все в порядке, — он просто поделился тем, что его волновало. Совсем взрослый стал...

— Матушка связалась со мной. Ей удалось вернуть себе престол и победить заговорщиков. Часть из них казнены. Часть бежали. Мой долг — быть с ней. И... она вернется, чтобы забрать меня домой. Я знаю, что это необходимо, и готов исполнить свой долг.

Рэм говорил и говорил. Что-то патетическое и гордое, но... плечи напряглись, а голова опускалась все ниже.

Я не выдержала:

— Давай приедет герцогиня, и мы все обсудим, хорошо?

— Мама уже здесь... — Рэм поднял на меня печальные глаза. — Миледи Вероника, пожалуйста, пойдемте. Она ждет вас.

Ничего не понимая, я пошла за юным герцогом. В нашей гостиной, перед камином, спиной стояла женщина в длинном плаще с капюшоном, полностью скрывающим лицо. В первый момент я вздрогнула — вспомнила гильдию убийц: плащ был похож по покрою, только не дымно-серый, как у членов гильдии, а черный.

Женщина резко обернулась, откинула капюшон, скинула плащ и улыбнулась. Герцогиня Рэймская смотрела только на сына.

— Матушка...

— Геральд...

Рэм подошел и поцеловал герцогине руку, она же быстро провела ладонью по его волосам и поцеловала в лоб. У меня перехватило дыхание. Да, это было сдержанно — они не кинулись друг к другу, не стали рыдать в голос, как наверняка сделали бы мы с Пашкой, случись нам расстаться надолго. Но в этом «приличествующем положении» поведении матери и сына было столько любви, взаимопонимания и боли, что я расплакалась...

Потом наши взгляды встретились. Кончилось все тем, что мы все трое крепко обнялись и расцеловались. И все же я заметила, что оба — мать и сын — с тревогой поглядывают по сторонам. Видимо, я — единственный человек, с которым они позволили себе подобную минутную слабость.

Мы едва успели прийти в себя, когда вошли Феликс, Паша и Ричард. Мальчишки переглянулись встревоженно и очень красноречиво.

Пашка явно был в курсе. «Это хорошо. Значит, они доверяют друг другу», — подумала я. Дальше мои мысли мне совсем не понравились. Герцогиня и Ричард изучающе смотрели друг на друга. Между ними было что-то общее, что-то такое... недоступное мне. Внутри немного похолодело и слегка закололо. Перстень обжег палец...

Я с интересом, восхищением и, к сожалению, не без ревности рассматривала Дарину Гадэ Рэймскую. Она была удивительно хороша собой — тонкая, гибкая, точно струна. С золотисто-смуглой кожей и крупными локонами, рассыпанными по плечам. Но больше всего меня удивил ее наряд. Под плащом оказались очень узкие обтягивающие брюки с высокой талией, длинные ботфорты из мягкой кожи и что-то вроде камзола с широким поясом.

Я ни разу не видела, чтобы женщины в империи одевались подобным образом, и, зная, как Ричард относится к брюкам на женщине, откровенно ревновала. Корила себя, стыдила, но... ничего не могла поделать! Я так увлеклась невеселыми мыслями, что почти не слышала, о чем говорили Ричард и герцогиня:

— Рэм невероятно вырос в магическом смысле, и мое мнение — во многом благодаря Академии. Я обещаю вам, герцогиня, что при первых признаках появления Анук-Чи я сообщу вам лично.

Смуглое лицо женщины стало белым. Герцогиня наклонила голову, подошла к креслу. Села. Глубоко вздохнула. Очень внимательно посмотрела на сына. Рэм глаз не опустил — в его взгляде были просьба и

покорность любому ее решению одновременно. Это длилось так долго, что я уже подумала, что надо, наверное, что-то сказать, разрядить обстановку. Наконец Дарина заговорила, и было видно, с каким трудом и болью дается ей каждое слово:

— Я благодарна вам, милорд Верд. Надеюсь, когда-нибудь судьба предоставит мне возможность хоть чем-нибудь вам отплатить за заботу о сыне. Но вы же понимаете, Ричард... Анук-Чи юного мага до сих пор не проявляется, потому что рядом нет чкори.

— Ну почему же нет, герцогиня? При всем моем уважении... — Ричард сделал легкий полупоклон и лукаво улыбнулся.

Перстень опять нагрелся. Мне даже показалось, что он зашипел. Я украдкой кинула взгляд на камень — синие искорки плясали и подмигивали. Их поведение не выглядело тревожным, и я успокоилась.

— Хорошо... Но мне необходимо дать некоторые наставления... — Герцогиня выглядела растерянной.

— Давайте прогуляемся — вы не против? За помещьем — лес, совсем неподалеку — небольшая поляна. Как вы смотрите на то, чтобы размяться, герцогиня?

— С удовольствием, милорд... — Герцогиня улыбнулась. Робко, но искренне.

Я расстроилась совсем — какие-то лукавые улыбки, недомолвки... Что происходит, в конце-то концов! Неожиданно мне на помощь пришел Рэм, который все это время молчал.

— Герцогиня Рэймская и... милорд Верд — оба чкори, — тихо сказал он. — Чкори — в далеком прошлом кочевой, но уже много лет осевший на территории империи народ, имеющий свою собственную историю, традиции и магию. Анук-Чи — стихия в образе лошади или змеи, в зависимости от клана. Моей матери стихия явила себя, когда ей было семь. Ее Анук-Чи может принимать разные формы — это не совсем обычно для чкори и связано с тем, что она — так же как и я — полукровка.

Тут он грустно замолчал, но продолжил:

— В Академии у меня не было проблем на занятиях по магии, но Анук-Чи так и не появился, а мне уже пятнадцать...

— Рэм — маг земли. Он самый сильный в этой стихии из всех параллельных потоков — ему просто равных нет! — Мой сын своим звонким голосом и попыткой поддержать товарища разогнал таинственность мягкого голоса юного герцога. Мне даже стало немного обидно, зато герцогиня Рэймская посмотрела на Пашку тепло и нежно. Пауль Рэ — и ее сын тоже...

Мы оделись и вышли. Ричард обнял меня и шепнул:

— Ничему не удивляйся и ничего не бойся — тебе должно понравиться...

Мне понравилось! Огромный огненный конь Ричарда мчался по кругу небольшой поляны, за ним летела песчаная птица галстук, похожая на ястреба. Время от времени песок осыпал гриву скакуна золотым дождем, — и вот уже огромная змея вьется меж копыт... Миг — и птица села Дарине на плечо, а языки пламени заплясали под ладонью Ричарда...

Как я поняла, конь и змея — два духа, воплощающие в себе все стихии природы. Образ змеи или лошади не означают землю или огонь, они лишь означают принадлежность к клану. Магия огня, воды, земли и воздуха — это у имперцев. Конь и змея у чкори — это скорее мать-природа, а огненный конь и песчаная змея — это просто память предков. Ричард как-то рассказывал мне, что дух не для всех выглядит одинаково, а также не все его видят...

Сложно, конечно, но в принципе разобраться можно. В птицу галстук Анук-Чи превращается только у Рэймской, так как в ней по крови — две магии. У Ричарда — тоже, но его Анук-Чи — огненный конь, и он не трансформируется.

Прогулка получилась незабываемой, но слегка напряженной из-за настороженно-требовательных взглядов герцогини в сторону смущенного Рэма.

Я продолжала анализировать полученную информацию и сделала вывод: герцогиня ждет, что у сына тоже появится Анук-Чи, и не знает, как тот будет выглядеть! Я собой гордилась — и пусть этого никто не замечал...

Все уже подходили к поместью, когда навстречу с громким лаем выскочил Флоризель Тигверд. Щенок лаял, расставив толстые лапы, изо всех сил изображая злого сторожевого пса. Наверное, он решил, что герцогиня Рэймская — это «чужой» и нас срочно нужно спасать! Странно — никто его этому не учил... Может быть, он вырос? Гены? Интересно, он вообще сторожевой пес? Надо будет прочитать про породу гончих святого Губерта. Я подошла к щенку, попыталась его успокоить, но не тут-то было — Флоризель и не думал успокаиваться, и тут я наконец увидела почему!

Щенок лаял не на Дарину, — он рычал на существо, которое безмолвно стояло рядом с юным герцогом — золотисто-песчаную копию Флоризеля...

Анук-Чи герцога был не таким четким и крупным, как у старших, но очень... живым! Золотисто-песчаный вихрь вился у ног юного мага, чем

вызвал непередаваемый восторг у мальчишек. Минуту так же, как и все мы, они стояли молча. Но минута пролетела быстро, и вот уже было совершенно не разобрать — где чей сын и кто чей дух.

Когда все наконец успокоились, я отправила мальчиков в дом, чтобы Ричард и герцогиня могли поговорить. Сама я тоже осталась. А что? Это и мой сын тоже, и сейчас решается его судьба.

— Герцогиня, вы можете побыть с Рэмом несколько дней — это необходимо, но я бы очень просил вас дать герцогу возможность окончить Академию в империи. Со своей стороны смею предложить свою помощь в наставничестве. Я — маг огня, Рэм — земли, но Анук-Чи вместе с магией стихий есть и у меня. Я смогу позаботиться о его развитии. Обещаю информировать вас более чем подробно.

Ричард говорил все это герцогине, украдкой поглядывая на мальчишек, которые никуда не ушли — просто отошли в сторонку... Сговорились!

Дарина улыбалась и обнимала сына. Было видно, что случилось наконец то, чего она ждала, и теперь ей стало намного легче. Она приняла решение, которое далось нелегко, но герцогиня своих решений не меняла.

Я смотрела на эту хрупкую женщину и каждой клеточкой ощущала исходившую от нее силу — силу, с которой не так-то просто справиться. Я понимала, почему именно она — правительница своей страны. А еще чувствовала, что у Рэма тоже есть эта сила. Сколько же ему предстоит пройти... И когда придет его время — он возьмет на себя ответственность по праву рождения. Его преследует судьба, которую он не выбирал и от которой он никогда не сможет отказаться. «Нам дают то, чего у нас никогда не было. Свободу», — вспомнила я...

— Я не против. Но Рэм должен быть в эти дни в герцогстве. Мне очень жаль, что я не могу вас пригласить... При моем еще не прочном положении это может вызвать недовольство, но Рэм обязан быть — торжество запланировано в его честь... — Женщина развернула мальчика к себе и произнесла:

— С днем рождения, сынок...

Дальше мы загудели все разом! У сына день рождения — а мы не знали, да как же так, надо же торт, и подарки, и... В итоге решили, что семейный праздник переносится на вечер.

Герцогиня, Рэм и Ричард отошли в сторону, что-то заботормотали не на имперском, и щенок из золотого песка исчез, к бурному разочарованию мальчишек и относительной радости его живой копии. Флоризель Тигверд конкуренции не выносил.

Решили, что праздновать будем в тихом семейном кругу, так как Рэму с герцогиней сегодня же надо было отбыть во дворец. В герцогстве Рэймском с завтрашнего дня начинались торжественные приемы в честь именин наследника.

Я рассказала Ричарду о нашем обычае задувать свечи на торте и загадывать желание, но маг огня, к сожалению, отверг подобное святотатство категорически.

Огонь — проявление стихии огня. Он — ее дыхание. Обращаясь с просьбой, огонь зажигают, а не гасят. Тем более что Рэм — маг земли и обращаться с просьбой к другой стихии не должен. В общем — все сложно...

Спорить я не стала, но настояла на том, чтобы Дарина организовала любимый десерт именинника, и его нам доставили из герцогства. А вообще, что с рэймцами, что с имперцами — сложно с ними. День рождения воспринимается как... политическое событие. О том, чтобы порадовать ребенка, никто вообще не думает!

А вот Пашка про друга не забыл. Мы пошептались и решили ехать в город за подарком. Хорошо, что сын точно знал, что нужно. Ричард сообщил, что ему необходимо во дворец, подмигнул Пашке и исчез в портале. Я приказала подавать карету, оставила все организационные хлопоты на родителей, в тысячный раз заверив, что подарок, за которым мы с сыном едем в город, будет от нас всех. Феликс с Флоризелем тоже без дела не сидели — в поте лица своего отвлекали герцога Рэма, чтобы тот не заметил всеобщей суеты — все-таки это сюрприз!

Джон привез нас с Пашей к магазину, в котором я никогда не была. На витрине чего только нет Шпаги, кинжалы, шляпы, перчатки, сапоги... Магазины назывались «Оден Идан». Насколько я поняла из Пашкиных сбивчиво-восторженных комментариев, Оден Идан — великий имперский фехтовальщик, известный практик и теоретик. В полутемном подвальчике невероятно вкусно пахло кожей и чем-то еще... Это был какой-то авантюрный запах приключений бесстрашных мушкетеров! Продавец — коренастый мужчина небольшого роста, непонятного возраста и со шрамом во все лицо. Шрам этот хоть и был глубоким, каким-то удивительным образом совершенно не выглядел устрашающе.

Я с удивлением отметила, что эти двое — хозяин магазинчика и мой сын — прекрасно друг друга знают. Пауль сказал пару фраз, из которых я не поняла практически ничего, и нам вынесли наш подарок. Это был плащ. Ничем особо не примечательный, из какого-то очень прочного, но невероятно легкого материала, цвета потертой кожи. Я не очень поняла все

нюансы, но смысл был в том, что это — плащ специального кроя, который использовался во время боя на шпагах. Там был скрытый карман для метательных ножей, какая-то специальная петля для чего-то еще и некий магический ресурс, отвлекающий противника.

Пока упаковывали покупку, я с интересом рассматривала все, что меня окружало. Фантазия уже рисовала статью про это волшебное место — с интервью и фотографиями, и тут мое внимание привлекли гравюры, развешанные на стенах вместе с прочими трофеями. В основном это были зарисовки фехтовальщиков, но на одной картинке была изображена женщина. Выглядела она точь-в-точь как герцогиня Рэймская, посетившая нас сегодня.

Оказалось, что это женский костюм для фехтования. Но так как в империи женщинам фехтовать запретили, подобная мода канула в Лету. Встретить прекрасную амазонку в узких брюках и высоких ботфортах теперь можно только в местах, на которые власть империи не распространялась. Например, в герцогстве Рэймском.

Я вспомнила Пашину знакомую — девушку, которая читала стихи и занималась фехтованием. Она в подобном костюме выглядела бы сногсшибательно — под стать самой Дарине Гадэ. И Джулиане бы тоже пошло — красиво и... удобно, в конце концов! И вообще — надо что-то делать с этой чудовищной имперской дискриминацией, разорви меня Стихии! Об этом непременно стоит написать — небольшой познавательный экскурс в историю, но с подтекстом... Пока я мысленно возмущалась, мы вернулись в поместье, где все уже было готово к скромному семейному торжеству.

Праздник получился чудесным — Ричард принес фамильный клинок рода Рэ и не просто подарил его Рэму, а совершил какой-то ритуал, мне не понятный, но очень красивый. У Ричарда с Рэмом при этом были такие серьезные лица... Нет-нет, я не смеялась, вы что! Я тоже поддерживала торжественность момента и улыбалась исключительно про себя. Видимо, этот жест со стороны Ричарда действительно означал очень многое, потому что герцогиня с сыном побледнели и потеряли дар речи на несколько минут.

А потом были «Грезы на закате» — традиционный десерт Рэймского герцогства и любимое лакомство Рэма. Даже розовый крем в «Зеленой Цапле» не был таким вкусным! Торт был похож на шоколадное мороженое, которое чудесным образом не таяло. Внутри — нечто воздушное и хрустящее, а сверху — алые сладко-кисленькие зернышки, напоминающие зерна граната. Выяснилось, что Флоризель не только истинный Тигверд, но

еще и немножечко коренной житель герцогства Рэймского... Удивительный пес!

Подарок, выбранный Пашкой, дополнил подаренный Ричардом клинок — так вот почему они переглядывались и перемигивались! Разошлись уже глубоко за полночь. Абсолютно счастливые Рэм и герцогиня исчезли в мареве портала, Пашка, Феликс и Флоризель заснули практически мгновенно — устали за насыщенный впечатлениями день.

Уже в спальне я расчесывала волосы перед зеркалом — перстень на пальце в отражении ярко вспыхнул синим. Ричард подошел сзади, отодвинул волосы, чуть коснулся губами плеча.

— Что с тобой? Что-то не так?

— Нет, что ты! Все так... Все просто замечательно, — улыбнулась я ему. А про себя подумала: «Это-то и страшно...»

Глава 9

Ричард открыл портал, и мы снова оказались в городском доме, где никого не было.

А я вдруг подумала, что хочу дочку. С такими же глазами, как у любимого мужчины. Ну и с моим ангельским характером. После таких страстных, сладких ночей дети и должны появляться на свет.

О чем я и сообщила Ричарду, как только смогла разговаривать. И, как выяснялось, зря...

Он странно на меня посмотрел и сказал осторожно:

— После свадьбы — со всем возможным прилежанием...

— Что это значит?

И тут на меня словно ушат холодной воды вылили:

— Ника, ты что, правда не понимаешь, что быть незаконнорожденной — это клеймо?

— И что же ты делаешь, чтобы не было нежелательной беременности?!

— Как что? — удивился Ричард. — Плету заклинание, конечно.

— Значит, все эти месяцы, когда я надеялась, радовалась каждому дню задержки — ты просто делал так, чтобы ничего не было?

— Да, — спокойно ответил он.

— Ничего не сказав мне, не спросив о том, что я думаю по этому поводу?

— Ника, мы же не женаты!

— Это что — рычаг воздействия?

— Нет. Это забота. Ника, это правда. И я не понимаю, почему от тебя разливается такая горечь, такая тоска.

— Мне надо побыть одной, — поднялась я.

— Конечно, — вскочил он с кровати. — Но, Ника, объясни. Пожалуйста.

— Потом.

И я пошла к двери. Перед тем как выйти, обернулась и спросила:

— А как же тогда на свет появился ты?

— В магии имеет значение желание сильнейшего. Я так понимаю, что мама настолько сильно любила отца, что решила — пусть останется хотя бы ребенок. Раз уж им не быть вместе.

— Но император — сильнейший маг. По крайней мере, мне так

говорили.

— Среди стихийцев — безусловно. Но Милена Рэ была чкори.

— А ты, я так понимаю, — и чкори, и стихиец?

— Да, так же как Рэймская и Рэм. — Ричард отвечал деловито и искренне, совершенно не замечая моего сарказма, и от этого почему-то было еще больнее.

— Понятно. Значит, у меня никаких шансов...

Тихо закрыла за собой дверь. И отправилась бродить по дому. Наверное, еще месяц назад, услышав такое, я бы хлопнула дверью. Но после того, как мы побывали сначала у русалки, потом в Пустоте, я стала бережней относиться к нашей любви. К тому же умом я понимала: Ричард абсолютно прав. Нам не до ребенка — подосланные убийцы, заговор. Заклятие, которое на Ричарда наложили. Потом — всю зиму — вообще не пойми что, да и сейчас, если честно, не лучше. Кто-то же убивает женщин, похожих на меня, переодевая их в синие платья!

Но, наперекор всем здравым мыслям, было горько. Я открыла дверь в первую попавшуюся комнату — городского дома я совсем не знала. Добрела до кровати и без сил упала на нее.

— Ника, — Ричард очутился рядом со мной. С цветами — маленькими, синенькими... — Прости, я понимаю, что поступаю невежливо... Что так делать не положено... Если жена аристократа сказала, что хочет побыть одна, — верх бестактности ее тревожить... Но я не могу.

Он вложил мне в руки букетик и тихо сказал:

— Пожалуйста... Прости меня.

Мы обнялись и заснули.

Утром он перенес меня обратно в поместье, нежно поцеловал и исчез.

Когда я открыла глаза, первое, что увидела, — синий букетик в стакане с водой. Над ним на стене висел точно такой же, только нарисованный на холсте. И я простила...

То, что меня обидело, было даже не результатом воспитания, нет. Это было... следствием другого сознания. А то, что в стакане стоял букетик тех самых цветов, что нарисовала когда-то Джулиана... Это во всех существующих мирах называется и воспринимается одинаково. И ради этого стоит жить, понимать и терпеть.

Я вздохнула, умылась и побежала к мальчишкам с предложением отправиться гулять по Роттервику.

Рэм с герцогиней уже перенеслись в свое герцогство, Пашка и Феликс уже скучали, поэтому на мое предложение согласились.

— И к бабушке зайдем, посмотрим, как она обустроилась.

Парни согласились и на это — и мы пошли.

* * *

Дом родителей был прекрасен. Большой, уютный. Из серого камня с розоватым отливом. Высокие потолки, много места. Много света. Я поняла, почему и мама, и Наташа в него сразу влюбились.

— Посмотрите, какая замечательная гостиная! — Женщины проводили нам экскурсию по дому, а мальчишки бросали на меня недовольные взгляды — исподтишка, чтобы бабушка ни в коем случае не увидела. Но тем не менее взгляды были очень выразительные. Страдальческие. Пришлось их отпустить — пусть занимаются своими делами.

— Слушайте, — предложила я. — Погода замечательная! Пойдемте лучше гулять!

— А тебе можно? — строго спросила мама.

— Да, только охрану надо предупредить. Мы с Наташей хотели в книжный магазин зайти. И пироженок съесть в любимой кофейне.

Услышав слово «пироженки», Наташа метнулась в комнату за перчатками и шляпкой со скоростью, на которую обычно не способны женщины на сносках! Писательница, в отличие от меня, с удовольствием наряжалась в платья-ночнушки, они ей очень нравились. При этом она предпочитала исключительно сочные желтые цвета разных оттенков. Похоже, синие и желтые оттенки тканей во всей империи заказывали исключительно ради нас...

— Бегемот в стиле Джейн Остин готов! — спустилась вниз Наташа.

Мама все-таки предпочла остаться дома, а мы отправились.

— Ощущаю себя дирижаблем! — смеялась Наташа.

Я улыбнулась, но получилось, видимо, грустно. Наташа посмотрела внимательно, но промолчала. И мы вышли на улицу.

Яркое солнце делало ядовито-лимонное платье Наташи еще ярче, чем оно было на самом деле. На нас косились проходящие мимо строгие дамы в бежевых и нежно-персиковых платьях, шляпках и перчатках в тон, безмолвно намекая, что это просто... переходит все границы! Наташе сии границы были явно неведомы, ибо она гордо вышагивала по центральной улице, широко улыбаясь солнцу, небу, мне, показавшейся за углом любимой кофейне, ну... и встречным дамам заодно.

Мы зашли внутрь уютного помещения, заказали пирожных, кофе и

апельсиновый сок.

— Вы знаете, я как автор фэнтезийных романов очень люблю хеппи-энды, — сказала вдруг Наташа. — И, посмотрев на вас с принцем Тигвердом издалека, не будучи даже посвященной во все перипетии вашей истории... очень хочу этого самого хеппи-энда!

— Этот мир наполнен волшебством, — улыбнулась я уже искренне. — Может, он вас и услышит...

— Надеюсь.

— А что вы хотите для себя? — спросила я отчасти потому, что мне действительно было интересно, отчасти чтобы сменить тему.

— Не знаю, — вздохнула она. — Пожалуй, что и ничего.

— Э, нет, — погрозила я ей пальцем. — Мы решили, что этот мир — волшебный. Значит, надо срочно захотеть для себя что-то хорошее. И оно исполнится.

— Хочу, чтобы ребенок родился здоровым. Чтобы все как-то устроилось, — задумчиво проговорила она.

— А себе?

Она скривилась.

— Одно время я хотела семью. Чтобы дом. Чтобы я ждала мужа, приходящего с работы. Чтобы дети. А потом... Как-то не получилось... Потом начались книги. Но... Это же просто сказки. Так, поразвлечь себя в минуту душевной невзгоды.

Наташа махнула рукой:

— Все эти годы я работала в школе, где вдруг стало очень тяжело. Очень. Наверное, дело во мне. С детьми надо работать на запале, на адреналине. Единственное, чего мне по-настоящему хотелось, — поменять свою жизнь. Полностью.

— Вы хотите сказать, что рады оказаться в империи?

— Конечно, я не думала, что все поменяется настолько глобально. Но пока все, что происходит, меня не огорчает. А вас?

— Мне надо увлечься чем-то интересным. Чтобы времени в сутках не хватало. Чтобы метаться и ничего не успевать. Чтобы спать без сновидений. Тогда я чувствую себя хорошо.

Я видела, как у Наташи на языке вертелся вопрос: «А как же Ричард?» — и была ей очень и очень признательна, что она мне его задавать не стала.

— После книжного магазина зайдём к Джулиане? Узнаем, как она устроилась, — предложила я. — Если вы хорошо себя чувствуете.

— Конечно зайдём, — улыбнулась писательница. — Хорошая девочка. И я от ее картин без ума.

— Миледи Вероника? — вдруг послышался женский голос. Такое впечатление, что здешних аристократок специально приучают говорить словно петь. Так чтобы каждая нотка голоса была прекрасна. Чтобы звучала нежность, а слушающий проникался той мыслью, что это счастье — когда с тобой заговорила герцогиня или маркиза. Меня лично это раздражало. Слишком нарочито.

— Герцогиня Борнмут? — посмотрела я на даму, что к нам подошла. Пришлось подняться. — Чем обязана?

— Ах, неужели вы, разгневавшись на нашу любезную маркизу Вустер за ее эпатажный прием, перенесли ваше недовольство и на нас с графиней Трубридж?

— Ни в коем случае, — широко и максимально искренне улыбнулась я ей. — Просто я несколько занята.

— Ах как интересно! Может быть, я смогу вам помочь?

— Каким образом?

— Вы позволите? — вдруг кивнула герцогиня на стул и заговорила нормальным голосом. Чуть надломленным и очень усталым.

— Прошу вас. — Теперь мне стало любопытно.

— Вы позволите говорить откровенно?

— Конечно.

— А ваша спутница?

— Я могу за нее ручаться.

Наташа кивнула:

— Могу, в свою очередь, гарантировать свою скромность.

— Мне придется вам довериться, — тихо проговорила герцогиня. — Дело в том, что наша семья в опале. Гнев его величества... он всеобъемлющ. Мой супруг — в отставке и под домашним арестом в нашем поместье. Сын — в Академии, без права ее покидать. Не только герцогу, но и мне не разрешается его посещать... Мы оказались в изоляции — как вы понимаете, императорский двор без жалости относится к тем, кто потерял расположение императора. Особенно если до этого пресмыкался перед моим супругом как перед одним из самых влиятельных аристократов империи.

— И что же вы хотите от меня?

— Я так поняла, что вы хотели от маркизы Вустер содействия в каком-то деле.

— Именно так.

— Могу предложить вам свою помощь. Не думаю, что окажусь менее компетентна в каком-либо вопросе, чем маркиза Вустер.

— И вы хотите мне помогать, потому что...

— Я хочу вернуть расположение его величества. Лично себе. Мой супруг ведет свою игру, и, кажется, он заигрался. Я не хочу оставаться в поместье один на один с отчаявшимся человеком. Я хочу видеть сына.

— Если я приму вашу помощь... у меня будут проблемы с родом Борнмутов? И с вашим мужем? Как вы понимаете, мы с ним и так недолюбливаем друг друга.

— Они примут мое решение. — В голосе герцогини послышались стальные нотки.

— Вы сможете работать вместе с баронессой Кромер?

— Смогу. В отличие от наших мужей, мы особо не общались, но и вражды как таковой между нами нет.

Я задумалась. Насколько мне надо видеть герцогиню перед собой и, говоря откровенно, впускать ее в ближний круг? Да еще и своим участием служить причиной того, что император Фредерик как вариант развития событий снимет с их семьи опалу? Насколько я помню, ареста для ее мужа добивался лично Ричард, и я категорически не желала хоть как-то мешать ему в его планах.

— Мне не принять этого решения, не проконсультировавшись с его величеством и ненаследным принцем Тигвердом. Простите.

— То есть если его величество будет возражать...

— Я буду вынуждена вам отказать. Это же относится и к возражениям со стороны ненаследного принца Тигверда.

— Они не очень-то дружны с моим супругом, — печально заметила герцогиня.

— Этот проект курирует его величество, поэтому без его дозволения я ничего делать не буду. А против желаний моего жениха я в любом случае не пойду.

— Я понимаю.

— Где мы можем встретиться, чтобы я смогла вам дать ответ?

— Давайте в этой кофейне.

— Завтра в это же время?

— Договорились.

Мы с ней поднялись одновременно.

Слегка склонили головы и распрощались.

— И как она вам? — спросила я у Наташи.

— Мне ее жаль. Ей правда не разрешают видеться с сыном?

— Скорее всего. Наследник рода выведен из подчинения Борнмутов и находится под личной опекой его величества.

— А что случилось?

— Это связано с Луизой и ее сыном Аланом. Ее покойный муж, барон Кромер, согласился подставить свою жену, обвинив в преступлении, которого та не совершала. Их сын, Алан, взбунтовался и организовал побег матери. Ну и свой заодно. А юный маркиз ему в этом помогал. Чтобы узнать, куда они сбежали, было совершено нападение на Военную Академию. Герцог сам допрашивал своего сына. Но тот, как я понимаю, друга не выдал.

— Мутная история.

— Согласна. И ведь до сих пор не ясно, кого они прикрывали. Барон Кромер погиб.

— Даже так...

— Ладно, давайте оставим эти печальные рассуждения и отправимся к Джулиане.

* * *

Мы подошли к высокому красивому дому в самом центре города. В нем снимали квартиры и мастерские художники, портнихи, ювелиры, шляпники.

Тут же, внизу, у некоторых из них располагались и небольшие салоны. Надо поговорить с Джулианой — может, ей тоже открыть небольшой выставочный салон? Найдем кого-нибудь продавать.

Дом был светлый и радостный — блестел до блеска вымытыми окнами, кокетничал цветами у крыльца и на подоконниках. На крыше — несколько застекленных башенок. Это как раз и были места под мастерские для художников. Одну из таких башенок сняли для Джулианы. И я восхитилась Фредериком: несмотря на свое недовольство самим фактом существования художницы, он сделал все, чтобы девушке было хорошо. Я попыталась представить, как выглядит небольшое помещение с огромными окнами по всему периметру от пола до потолка. Наверное, очень красиво... Захотелось как можно скорее это увидеть, и мы вошли в холл.

Просторное уютное помещение чем-то напоминало кафе: столики, стойка, откуда вышла маленькая кругленькая пожилая дама в ярко-розовом платье и шляпке в кремовых розочках. Мы с Наташей переглянулись и поняли: наш человек! И таким сине-лимонно-розовым цветником ууселись пить чай, ответив согласиём на радушное приглашение госпожи Стилл.

Кроме убийственного ярко-розового оттенка платья и неприлично

большого количества розочек на довольно маленькой шляпке (и как они там все уместились?), в облике пожилой дамы ничего экстравагантного не было. Рыжеватые волосы, веснушки, курносый носик, голубые глаза и круглые румяные щечки. Госпожа Паша Стилл была смотрительницей этого дома — следила за порядком, оплатой аренды и, конечно же, знала обо всех своих постояльцах огромное количество пикантных сплетен. Узнав, что мы пришли к Джулиане, она только что не подпрыгивала от удовольствия и желания расспросить нас обо всем.

Мы с Наташей улыбнулись — настолько прозрачным было ее поведение. Еще бы, наша Джулиана — темная лошадка, о ней так просто ничего не узнаешь. Мы и сами-то знаем далеко не все...

Оказалось тем не менее, что художница успела подружиться с госпожой Стилл и даже подарить ей свою работу, которую нам с гордостью и продемонстрировали. Натюрморт висел тут же, над столиками.

Мы с Наташей ахнули — и когда она все успевает? Ведь наша журналистка занята практически с утра до вечера — статьи, интервью... Я постаралась представить, когда же художница написала эти розы, — ничего не получилось. Джулиана, Джулиана... Ты вообще спишь, девочка?

В том, что картина была написана специально для новой знакомой, не было никаких сомнений. Удивительно, но этот натюрморт был точной копией курносой старушки! Это был... портрет-натюрморт.

В небольшой вазочке стояло так много кремовых роз, что казалось, если смотреть на картину подольше, то станешь свидетелем того, как букет падает под собственной тяжестью. Вокруг цветов стояли блюдечки с воздушными пирожными, чашечки с ароматным чаем и даже взбитые сливки в прозрачных бокалах. Все это было написано настолько искусно, что не принять приглашение выпить чайку, а заодно и выложить все-все сплетни разом было ну просто невозможно! Магия....

— Джулианочка подарила, — улыбнулась женщина искренней и доброй улыбкой, не теряя при этом хищного блеска в любопытных глазках. И как ей это удается?

— Да... Удивительно! Чувствуется аромат свежесваренного чая, цветов. Джулиана очень, очень талантливая художница! — восхищенно выдохнула Наташа.

А я подумала, что надо бы напечь лимонных плюшек и попросить Джулиану их написать. Поставим букетик каких-нибудь ярко-лимонных цветочков — и получится натюрморт для писательницы. Кстати, о цветочках:

— Скажите... А это — розы? — поинтересовалась я.

— Конечно, розы! Я их очень люблю! И розовый цвет!

— Мы заметили, — улыбнулась Наташа.

Пока мы все смеялись, я думала о цветах... Есть, оказывается, в империи совершенно обычные розы, ничем не отличающиеся от наших, только, может быть, не такие крупные. А есть — золотые лилии, огоньки надежды, синие-синие сойки... как же так?

— А где сама Джулиана? — спросила Наташа.

— Убежала, за красками! Джулиана всегда сама оттенки выбирает — не доверяет никому. А вот господин Рей — так тот все заказывает, ему посыльный приносит. А посыльный, мальчишка, говорит, дела у художника не очень — заказов мало, задолжал он им сильно за краски...

— А можно мы посмотрим ее мастерскую? — Поток сплетен необходимо было прервать, и я привстала, давая понять, что чаепитие пора заканчивать.

— Конечно — на самый верх и прямо. Джулиана никогда не запирает — я всегда здесь, я слежу. А один раз, зимой это было...

— Спасибо огромное! Пирожные просто восхитительны! Мы вернемся, и вы дадите мне адрес кондитерской — я неисправимая сладкоежка... — это уже Наташа попыталась исправить ситуацию, пока мы не скрылись, торопливо поднимаясь по лестнице наверх.

Я вошла в мастерскую... Да, это красиво — очень! Свет... Свет бил отовсюду, заливая собой мольберты, холсты, кисти, кувшины с цветами... Два натюрморта стояли в разных концах мастерской — корзина зеленых яблок с букетом из веток с набухшими почками, из которых кое-где уже начинали разворачиваться листочки, и прозрачный кувшин с вином рядом с какими-то незнакомыми мне фруктами. Разрезанный вытянутый плод внутри сверкал рубиновыми бусинами — вот что было в «Грезах на закате»!

Выставленные в качестве натюрмортов композиции радовали глаз, потому что все мольберты с холстами были закрыты белой тканью. От такого количества белых полотен было немного жутковато. Захотелось их сорвать.

— Как ты думаешь, если я только одним глазком взгляну на тот зеленый натюрморт с яблоками — ведь Джулиана не обидится? — И ярко-желтый бегемот решительно двинулся к своей цели. Протискиваясь между двумя мольбертами, Наташа даже не заметила, как случайно задела ткань...

Та легко и бесшумно скользнула на пол, и я вздрогнула, настолько игра света оживила ту, что была изображена на открывшемся портрете... Это была она — женщина, которая переворачивала ноты императору за роялем,

та, что играла у костра с маленьким черноволосым мальчиком и огненной лошадкой. Это была Милена Рэ — возлюбленная Фредерика, хозяйка мрачного замка и удивительно красивого яблоневого сада.

Женщина на портрете была старше той, с кем я встречалась в сновидениях. Но это была она — смуглая кожа, огромные карие глаза, удивительной красоты тонкие длинные пальцы... перстень! На ее правой руке было кольцо с сапфиром — фамильная драгоценность рода Рэ.

Перстень на моей руке нагрелся и обжег так сильно, что хотелось кричать. Синие всполохи устроили в камне целый фейерверк. Я смотрела на портрет и не верила своим глазам — написанный на холсте камень искрился! Я поморгала и попыталась взять себя в руки. Это игра света или магия. Джулиана просто очень, очень талантливый живописец, она смогла это передать, вот и все...

Милена Рэ и Дарина Рэймская были очень похожи. Обе смуглые, с миндалевидным разрезом глаз... Но черты лица женщины на портрете были мягче, круглее, чем у герцогини. А глаза... В глазах были не решительность и бесстрашие, как у правительницы, а мудрость, печаль и... магия.

Ричард был прав... Если такая женщина захочет — ни один маг во Вселенной, какой бы он ни был могущественный, ни одно заклинание, каким бы сильным оно ни было, не помешают ей иметь ребенка от мужчины, которого она полюбила...

Глава 10

В понедельник мы явились во дворец, фотографировать танцующих наследника, отца-императора и старшего брата-командующего. С пирожками, как я и обещала.

А в ночь выйдет специальный выпуск газеты «Имперская правда», посвященный погибшим женщинам и поискам убийцы. Все материалы были уже у мамы. Кроме того, мы решили начать подписку по сбору денег среди граждан империи для того, чтобы помочь семье первой погибшей девушки. У ее матери-вдовы еще пятеро детей.

— Миледи Вероника! — поцеловал мне руку принц Брэндон, изящно склоняясь передо мной. — Рад вас видеть!

— Я вас тоже, принц, — склонилась я в реверансе.

— Мы же с вами договорились! Без церемоний, — улыбнулся он мне, сверкнув семейными черными глазами. И перевел взгляд на насупившуюся Джулиану. — Доброе утро, госпожа Блер.

— Доброе утро. — Джулиана присела в положенном реверансе и направилась в уголок танцевальной залы.

Господин Хикс настраивал аппаратуру. Выглядел он еще более несчастным, чем при нашей первой встрече. Но я видела его фотографии. Они были прекрасны — яркие, живые, очень информативные, с хорошим светом и ракурсами. Господин Хикс знал свое дело, и ради этого я была готова терпеть его бесконечные страдания! Тем более что он больше кокетничал, нежели был недоволен сложившейся ситуацией по-настоящему. Имперский разведчик был фотографом в душе и работу свою делал с удовольствием. Об этом говорили его снимки — и те, на которых был принц и его друзья, и другие, где были имперцы — жители Роттервика и Норверда, что пришли почтить память погибших девушек...

— А я вот решил составить вам компанию. — Тут все обратили внимание, что за роялем сидел император Фредерик. И поклонились.

Я подошла к нему поздороваться, обрадовавшись, что он не обижается на мои резкие слова, которые прозвучали в нашу последнюю встречу.

— Рада вас видеть, — улыбнулась я ему. — Помню, что вы как-то говорили, что если бы не были императором, то стали бы музыкантом.

— Не отказываюсь от своих слов! Кстати, я распорядился, чтобы и Ричард присоединился к нам.

— Думаю, он занят.

— Ничего, на час-полтора оторвется.

— Я уже здесь, — раздался от двери родной голос. — Доброе утро всем. Можно начинать.

— Еще несколько минут, — сказал, улыбаясь, император. — Я решил, что нам надо воспользоваться случаем и показать миледи Веронике имперские танцы.

Я посмотрела на императора с укоризной: ну вот что за человек! И тут перевела взгляд на наследника, который успел ко мне вперед старшего брата. И уже протягивал руку.

* * *

— Брэндон! И вот что вы затеяли?

— Позвольте, миледи!

По зале поплыли звуки вальса. Император нежно коснулся клавиш, и я не устояла перед искушением.

Мой реверанс, поклон наследника — и мы заскользили.

Брэндон был прекрасным партнером, и вальсировать с ним было одно удовольствие. Двигался легко, вел уверенно, но не подавлял, подстраиваясь так, чтобы мне было удобно.

— У моего брата глаза горят алым, — прошептал принц, чуть склонив голову. — Очень занятный оттенок.

Я улыбнулась.

— И вы, и ваш отец — бессовестные интриганы, — сообщила я наследнику.

— Нам положено.

Больше мы не говорили — только вальсировали. В сотый раз поздравила себя с тем, что занималась танцами, — если бы не это мое увлечение, туго мне сейчас бы пришлось. Когда у меня будет дочка — обязательно отправлю ее на танцы! Так, на всякий случай... Раз-два-три, раз-два-три, поворот, раз-два-три, раз-два-три — реверанс.

Брэндон подвел меня к роялю.

— Вы смотрелись прекрасно, — улыбнулся Фредерик. — Только, Брэндон, не стоит пока фехтовать с Ричардом.

— Отчего же? — раздался рядом скрипучий голос командующего. — Это будет... занятно.

Ричард подошел не один, он любезно подвел к нам Джулиану. Брэндон характерно, по-тигвердски, сжал челюсти. И теперь уже его глаза на

мгновение полыхнули алым. Но заговорил он спокойно:

— С миледи Вероникой танцевать прекрасно. Не то что со стулом, как в Академии, когда нас по ночам наказывали.

— Да, сыновья мне рассказывали, — кивнула я, вспомнив рассказы Пашки об Академии.

— А можно вас со стулом запечатлеть? — жадно спросила Джулиана.

— Это еще зачем? — нахмурился принц, а Фредерик и Ричард посмотрели на журналистку с удивлением.

— Вы правда не понимаете? — Джулиана посмотрела на Брэндона сочувственно. — В империи у многих матерей сыновья учатся в Академиях, в том числе и военных. И, конечно же, они рассказывают об этом эпизоде со стулом. Всем будет и интересно прочитать о том, что наследника не миновала эта участь, и... умирительно, что ли.

— Госпожа Блер! А ведь вы правы! — не переставая наигрывать на рояле что-то тягуче-нежное, задумчиво сказал император. — А то могут сказать, что я определил своего сына в Академию под присмотр старшего брата. И пока все... со стулом танцевали и полосы препятствий проходили, он непонятно чем занимался. Или ничем.

— Да уж, ничем, — фыркнул Брэндон. — Это уж совсем надо Ричарда не знать. Да меня и мою пятерку больше всего напрягали в Академии.

— Всех одинаково, — меланхолично отозвался Ричард, крутя родовое кольцо на пальце. — Не выдумывай.

— Вот это надо в журнал! — хором сказали мы с Джулианой.

— Что? — настороженно спросил Брэндон.

— И этот спор... И полосу препятствий. И характеристику ваших преподавателей и сокурсников.

— Надо собрать материал на командующего Тигверда как на ректора Военной Академии, — добавила я. — А потом — с точки зрения сослуживцев. И хорошо бы интервью и фотографии с жителями какой-нибудь деревни, которых он спас.

— Не вздумайте! — возмутился Ричард. — Это совершенно лишнее!

— Страна должна знать своих героев, — отрезала я. — И параллельно то же самое делаем с его величеством.

— Как это? — Император перестал ехидно улыбаться, слушая возмущения сыновей, и уставился на меня. Возмущенно.

— Ваше величество, — начала я, и взгляд его стал гневным. — Фредерик. Вы, ваши сыновья и ваши сподвижники должны быть для империи положительными героями.

— А вот и те, кого мы ждали, — улыбнулся император, явно

обрадовавшись возможности сменить тему. — Дамы для наших кавалеров.

К нам подошли четыре прехорошенькие девушки — ну просто райские птички. Нежные, воздушные. Джулиана сразу стушевалась и вернулась обратно в свой угол.

— Брэндон, — приказал император. — Приглашайте девушек. Ричард, покажи Веронике танец, с которого начнется бал. Вы же, как я понимаю, будете в паре.

— Да, ваше величество, — поклонились мы все разом. Только Ричард проворчал:

— Вот почему как вальс — так Брэндон, а как хороводы водить с приседаниями — так я?

— Не ворчи. — Император был безжалостен.

— Да и не помню я все фигуры. Их же обычно распорядитель показывает. Что покажет — то мы и танцуем.

— А помните, — встрял принц Брэндон, — как однажды прежний распорядитель напился перед балом и вместо одной из фигур привстал на колено, стянул со своей спутницы туфельку, позвал лакея, налил в туфельку шампанского и выпил?

— И мы все на рефлексе повторили то же самое, — рассмеялся император. — Хорошо, давайте пригласим еще и распорядителей.

В скором времени на пороге танцевальной залы появились еще двое.

— Милорд Горн, миледи Горн, — обратился к ним император. — Я вас прошу нам помочь. Мой сын желает показать невесте, как танцуется грандис.

— Да, мой император, мы счастливы! Счастливы вам помочь! Господа! Господа! — И милорд Горн вышел на середину залы, захлопав в ладоши и захлебываясь от восторга.

Милорд Горн был высоким, худым, подпрыгивающим и воздушным — как и положено распорядителю-танцмейстеру. Его спутница была ему под стать — гибкая, летящая и приторно-счастливая.

— Танец несложный, — пропел милорд Горн, подходя ко мне. — Главное, шагните с левой ноги — прекрасно, миледи, прекрасно! И чуть отведите левую ручку в сторону. Вот так — неподражаемо! Чуть выше, миледи — о, неподражаемо! Все встали?

Он обвел взглядом всех собравшихся:

— Прекрасно! Прекрасно! Бесподобно, господа, бесподобно! Мой император, музыку! Музыку! Грандис, господа, грандис! И раз, два, три!

И он показал, что от нас требуется.

Шесть пар, включая нашу, построились: дамы напротив кавалеров.

Зазвучала музыка, потом поклоны. И мы неспешно и торжественно отправились. После первого круга я освоилась настолько, что стала получать от этого хождения удовольствие.

— И как вам? — спросил Ричард.

— Все просто. Это же не танго, — улыбнулась я ему. — А танцевать я люблю. Только практики давно не было.

— По тому, как вы кружились с Брэндоном, не скажешь.

— Он — хороший партнер.

— А я? — Он посмотрел мне в глаза.

— И вы тоже. Только давайте попробуем станцевать потом что-то более... танцевальное.

— Мазурку?

— Вы хотите подкинуть меня в воздух? — улыбнулась я.

— Именно, — не стал спорить Ричард.

— Согласна. Или вальс.

— Там хоть обниматься можно.

— А ты со мной еще не наобнимался, — шепнула я ему.

— Хорошо. Давай дотанцуем это длинное парадное занудство. Кстати, мы с тобой на балу пойдем четвертой парой, — тихо сказал Ричард. — Первым — распорядитель с супругой, потом император с дамой. За ним — Брэндон с какой-нибудь красавицей.

Я посмотрела на девицу, которая что-то щебетала вежливо-скучающему наследнику, на мрачную, остервенело рисующую в альбоме Джулиану и нахмурилась. Фррредеррик!!!

— Кстати, на этом балу император впервые за год будет не с маркизой Вустер, — поспешил отвлечь меня Ричард.

— А что с ней случилось?

— Срочно уехала в поместье поправлять здоровье. С приказом как минимум год не появляться в столице. Его величество не выносит таких манифестаций, которые посмела устроить маркиза. Кстати, его величество высказал и мне свое неудовольствие. Я должен был доложить о том самом первом происшествии, которое было в модном доме, где к тебе посмели отнестись неподобающе.

— То есть маркизу сослали из-за меня?

— Нет. И не вздумай переживать. Это случилось оттого, что маркиза осмелилась не выполнить пожелание императора.

Я тяжело вздохнула.

— И что — маркизе никак уже нельзя помочь? — спросила я у него.

— Вероника, вы слишком добры, но, в конце концов, ее не на рудники

отправили. Как я люблю вас, — ...тихий голос его стал бархатным. — Как мне убедить вас выйти за меня замуж?

— Ричард. Не время и не место... — тихо сказала я.

Аккорды звучали, пары двигались, а мы стояли и разговаривали, не замечая никого вокруг.

— Ника, — схватил он меня за руку и развернул к себе, не обращая внимания на взгляды окружающих. И говорил он в полный голос, так что все это выяснение отношений не только видели, но и слышали. — Да пойми же ты... Я смогу нас защитить! Я убью того, кто это все затеял! Найду — и убью. Мы ведь должны были уже около четырех месяцев как быть женаты...

— Да, Ричард, — не стала спорить я с очевидным. — Этого не случилось — и не только ты об этом сожалеешь. Но это не повод устраивать публичные выступления!

— Я все сделаю для того, чтобы мы были вместе.

— Раз-два-три, раз-два-три — прекрасно! Очень хорошо, господа, очень хорошо! — попытался исправить ситуацию распорядитель, совершенно искренне кидая в нашу сторону сочувственно-встревоженные взгляды. — Прекрасно, прекрасно! Грандис! И раз-два-три...

— Милорд Горн, миледи Горн — благодарю вас, вы свободны. А теперь танцуем вальс! — прозвучал голос Фредерика. И мы с Ричардом пришли в себя. Коротко поклонились императору.

И вдруг услышали, как наследник обращается к Джулиане:

— Госпожа Блер, а вы танцуете?

И в ответ ее растерянный голос:

— Конечно, ваше высочество.

— Позвольте пригласить вас на тур вальса.

Пока мы танцевали, я просто наслаждалась преувеличенно-спокойным выражением лица Фредерика, вальс у которого на этот раз получился каким-то быстрым. И бравурным. Словно это был замаскированный военный марш.

Когда танец закончился, император подозвал нас:

— Госпожа Джулиана, — обратился он к мгновенно побледневшей девушке. — Мне нравится, как вы работаете в газете. И рисуете вы отменно. Надеюсь, портрет, который я заказал, в скором времени будет готов. Но! Я хочу вам напомнить, что за оскорбление императорской фамилии вы должны год отработать в приюте. Я не настаиваю, чтобы это был полный день, однако...

Я только поджала губы. И очень постаралась не сказать императору

при всех, что он — чурбан. Имперский. Да еще и неумный. Судя по тому, как заблистали глаза наследника, а Ричард покачал головой — Фредерик рисковал услышать что-то очень неприятное. Но никто не рискнул, понимая, что наши слова могут навредить Джулиане. Не то чтобы я считала, что император может отправить ее в тюрьму или на рудники... Но...

— Слушаюсь, ваше величество, — низко поклонилась художница.

— Фредерик, — не выдержала я, — можно мне с вами поговорить?

Он рассмеялся, поднялся и приказал:

— Ричард, поиграйте молодым людям, пусть потанцуют. Миледи Вероника...

Мы с ним в молчании дошли до его кабинета.

— Да ничего я вашей девчонке не сделаю, — проворчал он, закрывая за собой дверь.

— Вы окончательно рассоритесь с Брэндоном — только и всего.

— Я забочусь о нем.

— И что вы для него хотите? Какую жену? Что-то наподобие графини Олмри — подходящей по положению и магическому потенциалу?

— Я хочу, чтобы мой сын был счастлив, — тихо проговорил Фредерик.

— Так дайте ему быть счастливым. Не изображайте из себя императора Максимилиана. Просто будьте собой.

Глава 11

Когда мы с Фредериком вернулись к остальной компании, то выяснили, что Ричард предложил отправиться в Академию и покончить со всеми съемками за один день.

— Просто у всех есть чем еще заняться, — ворчал он.

В результате мы бодро и резво выступили порталами вперед, заре навстречу. Что характерно, воздушно-зефирные девицы были оставлены во дворце. А в Академии нас встречал полковник Гилмор, тот самый, что позволил мне поговорить с Рэмом, когда тот затеял побег.

— Добрый день! — радостно поприветствовала я его. И, вспомнив о хороших манерах, сказала: — Госпожа Блер, позвольте вам представить милорда Гилмора, ныне исполняющего должность начальника Имперской Военной Академии. Это замечательный человек и очень добрый.

— Только не говорите кадетам, — добродушно усмехнулся военный. — Это приведет к хаосу. Госпожа Блер, очень приятно.

— Мне тоже, — искренне улыбнулась ему художница.

Следом за нами в Академии оказались и принц с друзьями. Троубридж по-прежнему отсутствовал.

— Его величество просил передать, что появится чуть позже, — сообщил нам Брэндон.

— Тогда мы можем пока пообедать, — предложил милорд Гилмор.

И все требовательно посмотрели в мою сторону, ожидая, что именно я дам отмашку.

— Это было бы замечательно, — не стала я обманывать ожидания окружающих. — А почему в Академии так тихо? Где все?

— Отбыли на сборы, — ответил мне милорд Гилмор. — Палатки, костер, свежий воздух.

— Задания по командам. Предгорья Южной провинции, — мечтательно протянул командующий Тигверд. А его бывшие кадеты скривились.

— Как на сборы? — поразилась я. — Как палатки? Дети же простудятся!

— Миледи Вероника, — насмешливо протянул Ричард. — Не дети — молодые мужчины. И мы с вами это уже несколько раз обсуждали.

Я посмотрела на него с негодованием.

— К тому же их отправили на юг империи, — поспешил успокоить

меня милорд Гилмор. — Там днем до плюс шестнадцати. Ночью, правда, до плюс одного. Но с ними целители и вся необходимая походная амуниция. Все в отличном состоянии — палатки, обмундирование. Вы можете не волноваться, мое слово!

— Благодарю, милорд. Вы меня успокоили. — И я постаралась улыбнуться полковнику как можно обворожительнее. Пусть Ричард видит и учится! Можно же успокоить женщину, заверить ее, что все в порядке, а не рычать, воспитывая, как своих кадетов! Да еще и при всех...

Мы прошли в небольшую уютную столовую — явно для преподавательского состава. Все было накрыто, из чего можно было сделать вывод, что нас ждали. Надеюсь, во взоре, которым я одарила Ричарда, он прочитал свой приговор, который немедленно будет приведен в исполнение, если мальчишки вернутся с насморком или простудой.

После обеда принца Брэндона и группу, с которой он заканчивал Академию, отправили разминаться на полосу препятствий. Вестовой доложил, что фотограф прибыл и уже приступил к работе.

Джулиана крутилась на стуле, всем своим видом показывая, что так дело не пойдет: там, на неведомой полосе препятствий, что-то происходит... с кем-то, а она чинной барышней пьет чай с пирожными. Возмутительно!

— Надо же работать! — гордо сказала она.

— Император Фредерик просил дождаться, — нейтрально ответил ей Ричард.

— Но мы же не можем...

— Увы, госпожа Блер, — абсолютно серьезно проговорил Ричард. — Приказ есть приказ.

Художница, она же журналистка, на минуту насупилась, потом что-то сообразила. И перевела прояснившийся взгляд на заместителя ректора.

— Милорд Гилмор, — задумчиво протянула она, а в глазах загорелся огонек азарта. — Герой, организовавший блестящую оборону степного вала в прошлую кампанию против Османской империи. А можно будет взять у вас интервью?

— Зачем? — У героя обороны получилось как-то испуганно.

— Страна должна знать своих героев! — решительно ответила девушка. Видимо, ей понравилась фраза моего школьного детства, которую я использовала накануне.

Ричард беззвучно смеялся.

— Вы представляете, Гилмор, как нас: и меня, и Брэндона, и даже императора — измучили эти дамы. Теперь и до вас добрались! — сказал он

печально. — И ничего не поделать — приказ.

— А отдельный номер журнала мы посвятим учебным заведениям, — мстительно сказала я. — Надо объехать все, сфотографировать красоты.

— Вот так, Гилмор, — пожаловался командующий Тигверд другу.

— Гражданам надо все время повторять, что жизнь в империи — замечательная, армия — образцово-показательная, защитники и герои. Дети — прилежные ученики и вообще красавцы. Император, его сыновья и вельможи — просто прелесть, ночи не спят, радеют за родное государство...

— Понятно, — вздохнул военный. — Надо значит надо.

— Так-то лучше! — рассмеялась я.

— Я свяжусь с императором и попрошу разрешения начать без него, — поднялся Ричард, который, видимо, решил, что нас с Джулианой надо занять чем-то полезным, пока мы не выдумали еще что-нибудь.

Таким образом, буквально через несколько минут мы отправились к группе выпускников Академии.

Джулиана рванула вперед, как породистая гончая, взявшая след. Милорд Гилмор только успевал показывать ей дорогу. А меня задержал Ричард.

— Миледи Вероника, можно вас?

— Да? — обернулась я. Ричард отвел меня чуть в сторону и вдруг резко распахнул какую-то дверь.

— Прошу.

— Надеюсь, это ненадолго, — проворчала я. — Мне работать надо.

Мы шли темным коридором, потом куда-то свернули, прошли сквозную аудиторию и так шли, пока Ричард наконец не распахнул передо мной дверь. И получилось у него это как-то... торжественно-воровато.

Я захожу и понимаю, что попала в лекционную аудиторию. Парты, расположенные одна над другой, стол преподавателя. На стенах — портреты, с которых строго смотрели мужчины в парадных мундирах. Наверное, великие полководцы империи. За преподавательским столом висела — доска! Кто-то не стер до конца какую-то схему. Доска была черная, круглой формы, немного выпуклая — как полусфера. В тяжелой резной раме и с изящной полочкой для мела. Это было красиво и очень необычно, но все-таки это была самая настоящая грифельная доска, что почему-то привело меня в неопишуемый восторг. А еще я сразу почувствовала себя, что называется, в своей тарелке. Вспомнила о любимой работе...

— И что мы здесь делаем? — Я наконец вспомнила, что не одна и что

мне как можно скорее необходимо вернуться обратно.

— Как что? — серьезно, даже как-то надменно ответил он мне. — Будем отбывать долги по нашим занятиям.

— Какие долги? — Я даже зажмурилась, а потом и помотала головой. Может, у меня глюки от бессонной ночи?

— Как это какие, Вероника? — Ричард обошел меня и двинулся к столу преподавателя. — Все, что были за эту учебную неделю.

Он уселся. Строго и недовольно поглядел на меня.

— Что вы там застыли? Идите сюда.

...О! Так милорд изволит заняться ролевыми играми? Как-то во мне все запело... Сейчас-сейчас...

И я нерешительно, даже робко, едва переставляя ноги, направилась к властному преподавателю.

— И что же я должна вам отвечать, милорд? — испуганно спросила я.

— К чему вы готовились? — требовательно спросил ректор.

— К такому точно не готовилась, — усмехнулась я, но тут же включилась в игру.

Снесло крышу у нас одновременно. А потом он сорвал с меня жакет и платье. Обнаружил вместо парашютных панталон с кружавчиками вполне себе земные трусики. Весьма развратного свойства — не то чтобы я что-то эдакое планировала... Так, на всякий случай.

Даже если у кого-то в какой-то момент и были остатки совести и здравого смысла — все рухнуло...

Но стол устоял.

Появились мы на полосе препятствий не скоро. С радостью обнаружили, что всем не до нас. Император наблюдал за наследником и его группой. Молодые люди беседовали с Джулианой. Что мне понравилось — без высокомерия или кокетства. Журналистка улыбалась всем сразу и никому конкретно — и строчила, строчила, строчила. Пчелка!

— Мне только что доложили, что завтра с утра выйдет специальный выпуск об убийствах женщин в синем, — недовольно посмотрел на меня император.

Обычно спокойный, ироничный владыка империи был сегодня какой-то дерганый. Словно что-то грызло его изнутри. Что-то, с чем он никак не мог справиться.

«Да что же с ним происходит?!» — подумала я, но вслух сказала:

— Я же не вмешиваюсь в расследование, ваше величество.

Ричард хмыкнул, его отец злобно дернул головой.

— А ты о чем думал, когда передавал материалы дела? Секретные! —

рявкнул на него император.

— Я думал о том, что этой женщине безопаснее сидеть дома с папками, чем носиться по империи, пытаясь отыскать тех, кто это сделал.

— А вот позволь задать тебе вопрос: почему до сих пор никто не арестован?

— Мы можем поговорить наедине? — спросил Ричард императора.

Зря он это сделал, зря... Во мне поднялось... не описать словами! Этот... ректор военной Академии решил поделиться секретной информацией так, чтобы я этого не слышала? Нет, ну может быть, мне только так показалось, может быть, вовсе дело и не в этом... Да нет, не показалось! Меня, знаете ли, не проведешь. И это после всего, что было между нами в аудитории?! Весь этот внутренний монолог я выдала возлюбленному одним лишь взглядом. Ну, во всяком случае, постаралась. Видимо, получилось неплохо, потому что Ричард вздохнул, бросил на меня сочувственно-виноватый взгляд и тихо заговорил:

— Для убийств наняли двух наркоманов из мира Вероники. Опустившиеся, отчаявшиеся люди. Последняя стадия, когда за дозу этого зелья человек готов на все. На все, лишь бы получить желаемое.

— Что им мешает его получить? — уточнил император.

— Деньги. Эта жидкость, которую вводят через иглу прямо в вену, стоит очень дорого. На этих одержимых было наложено заклятие — странное, с отсроченным действием. Сделано не просто профессионально, сделано искусно, с поразительной временной точностью. Как только мы приближались — получали труп. За вторым мы ходили следом десять часов — я, Швангау и Милфорд. Пытались сделать так, чтобы убийца достался нам живым.

Я замерла, стараясь даже дышать через раз. Впитывала информацию, стараясь все запомнить, до зуда в пальцах жалея, что у меня нет блокнота и карандаша, как у Джулианы.

— И что в результате? — снова заговорил император.

— Мужчина обезумел, напал еще на одну женщину. Пришлось вмешаться — он погиб.

— Замечательно! Три самых сильных мага десять часов бродили за каким-то отбросом. И ничего!

Командующий Тигверд склонил голову.

— Миледи Вероника, даже не думайте, что сможете опубликовать хоть что-то из того, что услышали, — вспомнил обо мне император.

— Странно, — посмотрела я на него повнимательнее, — я вас в таком настроении еще не видела. Я могу вам помочь?

Он рассмеялся. Невесело, но рассмеялся.

— Что? — обиженно посмотрела я на него.

— Этот вопрос обычно задаю я. Но никак не мне...

— Вас это оскорбляет?

— Нет. Нисколько. Просто... Необычно. Но приятно. Тем не менее это не отменяет моего решения — информация секретная.

— Вот и зря! — не промолчала я.

— Почему?

— Потому что ваш народ пытаются убедить в том, что власти бездействуют. Что справедливость никому не нужна. Что за простых людей никто не вступится!

— И что же мне — тирану и сатрапу — делать? — язвительно откликнулся император.

— Поговорите с людьми.

— По площадям пройтись?

— Можно, конечно. Но проще — собрать журналистов. И дать им аккуратную, отредактированную версию того, что происходит.

Император замолчал, раздумывая.

— И кто будет давать эту... «версию»?

— Ну хотя бы Ричард.

Любимый скривился.

— И Денис, — сдала я бывшего студента.

— И тогда основные вопросы будут вертеться вокруг того, почему на пост начальника Уголовного розыска был назначен пришлый. Из другого мира. Не аристократ, — проговорил, особенно ни к кому не обращаясь, Фредерик.

— Да еще и мой знакомый, — опечалилась я.

— Пусть скажет, что убийства произошли потому, что кто-то хочет дискредитировать службу, которую он пытается сделать образцово-показательной, — предложил Ричард.

Теперь поморщилась я.

— Что вас смущает в подобном варианте? — быстро спросил император.

— Денис — не оратор. И я не знаю, как он поведет себя, если начнут задавать провокационные вопросы.

Император рассмеялся:

— Вы не представляете еще, насколько в таких ситуациях Ричард — не оратор!

— Я просто скажу правду, — отрезал его старший сын. — И о том, что

военные порвут этих тварей на кусочки, когда найдут. И о том, что я распорядился провести совместную операцию с Уголовным розыском. Скажу, что если газеты продолжают печатать чушь, то разделят судьбу редакции, пострадавшей от возмущенной общественности.

Император расхохотался.

— Назвать военных, которые отправились громить редакцию и типографию, возмущенной общественностью... М-да, сын мой, у вас отменное чувство юмора.

— Какое есть!

— Жаль, миледи Вероника, что нельзя выставить отвечать на вопросы журналистов вас — я бы даже не волновался. Разве что за них, слегка.

— Вот спасибо...

— Не в том плане. Просто Ричард наверняка бы вел список неудачных вопросов и особенно отмечал бы не понравившихся ему деятелей. Кто-нибудь бы пострадал наверняка.

— А давайте отрепетируем? Послезавтра. Натравим на Ричарда и Дениса наших — Джулиану, Наташу, госпожу Журавлеву...

— На женщин они так неотреагируют. Воспитание... Надо мужчину. Причем такого, кто будет их провоцировать.

— Тогда журналистов «Имперской правды» подтянем.

— А почему послезавтра? — спросил Ричард.

— Потому что завтра Джулиана пойдет в приют, а я составлю ей компанию.

— У миледи Вероники, — язвительно сказал Фредерик, — газета печатается в четверг ночью. И рано утром в пятницу продается. Вот она и будет...

— Впереди планеты всей! — гордо сказала я.

На самом деле я забыла про этот нюанс. Но если его величество убежден в моем изысканном коварстве — кто я такая, чтобы с ним спорить?

Глава 12

В приют в конечном итоге мы отправились расширенным составом. К нам присоединилась еще и моя мама.

— Засиделась я в редакции, — сказала она. — Надо прогуляться, тем более что я сегодня своим указом объявила в издательстве выходной.

Вот так мы и шли по улицам столицы империи, любуясь утопающими в пене цветущих садов роскошными особняками, расположенными по соседству.

Правда, перейдя через мост, мы обнаружили, что на той стороне реки дома стали больше многоэтажными, а сады уже примыкали не к каждому дому. Но все равно — зелени было много, а в архитектуре господствовал ампир.

Свернув в переулок Волшебных кошек, где нынче жила Джулиана, мы обнаружили, что художница уже сама идет нам навстречу.

Получасовая прогулка, и мы достигли нашей цели — храма Четырех стихий, при котором размещался городской приют.

Надо отметить, что народ в империи — в большинстве своем — был весьма не религиозный. Как я поняла, о вере вспоминали или по большим праздникам, или по большой нужде. И, конечно, чтобы зарегистрировать гражданское состояние. Рождение, смерть, брак...

Еще при храмах были приюты и богадельни.

— Только не думайте, — говорила нам жена настоятеля храма матушка Гриммс, которая и выполняла функции начальницы приюта, — у нас очень редко отказываются от детей. Если гибнут родители, практически всегда ребенка забирают родственники. Или сослуживцы — когда речь идет о военных. У нас оказываются... незаконнорожденные.

И это слово прозвучало в ее устах как-то... с извинением, что ли. Словно она, в высшей степени приличная дама, вынуждена была грязно выругаться. В присутствии таких же точно приличных дам.

Вообще матушка Гриммс — доброжелательная, кругленькая, уютная, излишне суетливая, в кружевном чепце и фартуке какого-то истово-белого цвета — производила самое благоприятное впечатление. Глядя на нее сразу становилось понятно: все что можно для детей сделано.

— А какое будущее ждет подкидышей? — спросила мама.

— Они становятся прислугой, — гордо сказала матушка Гриммс. — Мы стараемся подобрать им приличные дома. Вы же понимаете, не в

любой дом возьмут такого слугу. А тем более служанку.

— А если у ребенка есть какие-то таланты? — спросила я. — Рисовать у него получается... Или петь? Или мальчик хочет служить в армии?

— Все это возможно, — ответила женщина спокойно. — Но лишь для следующего поколения. Если дети этих... детей будут рождены в законном браке.

— И что — есть специальные законы, регламентирующие все это? — спросила я.

— Так было сколько я себя помню, — удивленно посмотрела на нас матушка.

Я, кажется, начала понимать, почему Ричард так настаивал на свадьбе. И фраза «у меня ублюдков не будет» обрела совершенно иной смысл. Кроме того, я отдала должное его матери. И самому ненаследному принцу Тигверду, который высокомерно заявлял всем при представлении, что он бастард императора.

«Надо поговорить с Фредериком. Что-то же делать с этой ситуацией нужно!» — подумала я, а вслух поинтересовалась:

— Чем мы можем вам помочь?

— Не знаю даже, — с сомнением оглядела нас троих матушка Гриммс. — Еды у детей достаточно. Недостатка в одежде или в игрушках мы не испытываем. Прихожане нашего храма заботятся о детях.

— Покажите мне, пожалуйста, где я буду работать, — вмешалась до этого молчавшая Джулиана. — Его величество распорядился, чтобы я отработала свой проступок, заботясь о детях. И я готова на любую работу.

— Конечно, — склонила голову матушка. — Прошу вас следовать за мной.

И они удалились, оставив нас с мамой в кабинете. Мы переглянулись.

— Значит, только в прислугу... — протянула мама.

— Слушай, перед тем как устраивать революцию в отдельно взятой империи, надо хотя бы поговорить с Ричардом.

— И с Фредериком. Обязательно.

У мамы получилось кровожадно.

— Мы, конечно, что-нибудь придумаем, — постаралась я успокоить маму, хотя сама была подавлена.

— Нет, каков молодец! — Маменька никак не могла успокоиться. — Своего сына в прислугу не записал.

— От него мать не отказалась, — тихо проговорила я. — И отец тоже.

— А представляешь себе, если какую-нибудь бедную девочку изнасиловали? Или соблазнили и бросили? А она с пузом. И что ей

остается?!

— Она может не отказываться от ребенка, а остаться у нас, — услышали мы от порога голос госпожи Гриммс. — Конечно, ей придется нелегко. Но ее ребенок не будет считаться брошенным.

— Значит, все зависит от родителей? — спросила мама.

— Именно так, миледи, — склонила голову матушка. — Это может казаться жестоким, но, с другой стороны, люди должны понимать, что за все приходится платить. И не столько им, сколько их детям.

— Бывают ситуации, когда и родители могут оказаться беззащитны.

— Мы по мере сил стараемся помочь, — кивнула руководительница приюта. — Вот, например, у нас живет молодая девушка, ее зовут Вероника.

Мы с мамой синхронно вздрогнули.

— Бедная девочка работала экономкой в каком-то богатом доме. Она молчит, в каком именно. Я так понимаю — ее оттуда выставили, когда узнали, что она в положении.

— И было это в конце лета или в начале осени? — что-то голос у меня задрожал.

— Именно так, миледи, — ответила матушка и очень внимательно на меня посмотрела. — Она появилась у нас в последние дни лета.

— Ника? — удивленно посмотрела на меня мама. — Что с тобой? Ты хорошо себя чувствуешь?

— Все хорошо, — отмахнулась я. — Можно с ней поговорить?

— Пойдемте, — тяжело вздохнула женщина после долгого молчания. — Она сейчас с самыми маленькими. Я провожу вас.

Госпожа Гриммс не задала мне ни одного вопроса. Слишком часто, видимо, матушка провожает кого-то, показывает и... не вмешивается. При этом она удивительно проницательно молчала.

Мы отправились коридором — мрачным, как мое настроение. Так вот где оказалась бывшая экономка милорда Верда. Девушка Вероника, что работала в доме до меня и исчезла после скандала. Скандала с хозяином.

Мысль о том, что я сейчас увижу на младенческом лице знакомые черные глаза, характерные для рода Тигвердов, заставила меня замереть, а перстень нагреться. Тело знобило, руку жгло, а сердце колотилось так сильно, что стало неловко перед матушкой — вдруг услышит? Я глубоко вздохнула, пытаюсь задержать дыхание и успокоиться. Очень хотелось верить, что Ричард не имеет к этому никакого отношения. Очень...

«Значит, переспал — и выставил. И все равно, что будет с девочкой. Еще неизвестно, сама ли она пришла к нему. Как говорят. Или же...»

Злость, ревность, недоверие разъедали меня изнутри, как кислота. Больно. Омерзительно. Медленно...

— Мы пришли. Миледи?..

Как я поняла по обеспокоенному взгляду, матушка Гриммс произнесла эту фразу как минимум раза три перед тем, как я ее услышала.

— Вы позволите мне поговорить с Вероникой наедине? — Я старалась не смотреть в ее печальные, полные немного сочувствия глаза. И без того было тошно.

— Хорошо, миледи, — поклонилась матушка Гриммс, а моя родительница посмотрела на меня с тревогой. И, спасибо Стихиям, ничего не спросила.

Я отворила дверь и замерла.

Солнечный свет, нежно льющийся из узких окон, похожих на бойницы, ласкал молоденькую мамочку, что кормила свое дитя. Нежность и легкая мечтательность во взгляде женщины. Почти детские черты ее милого лица. Мадонна с младенцем...

— Добрый день, — светло улыбнулась она мне, когда заметила. — Чем могу служить?

— Добрый, — решила я заговорить. — Меня зовут Вероника, я... невеста милорда Верда. И я бы хотела вам помочь.

Молодая женщина напряглась, услышав имя своего бывшего хозяина, и горько усмехнулась, услышав о моем желании.

— Это не его ребенок, — посмотрела она на меня.

Я на мгновение закрыла глаза. Пошатнулась. Но взяла себя в руки и распрямилась. Девочка смотрела на меня сочувственно. Вот уж не ожидала... Я подошла к стулу. Села. И заявила:

— Давайте решим, что мне все равно, чей это ребенок. Вы были в доме милорда Верда, следовательно, под его защитой. И то, что произошло с вами...

— Меня не изнасиловали. Не принудили, — тихо, но решительно перебила меня девушка. — Это было глупое, сводящее с ума чувство... И я готова отвечать за него.

— Вы готовы... А отец ребенка?

— Миледи... — устало выдохнула она. — Кто я, а кто он. Я виновата сама. Я забылась.

Я покачала головой.

— Единственно, что меня гнетет... Я не должна была так поступать с милордом Вердом. Но когда я узнала, что беременна, меня вдруг охватило такое отчаяние. И я решила...

Девушка мучительно покраснела.

— Завести покровителя, — закончила она спустя какое-то время. — Милорд был одинок, и я подумала... Это была глупость. Он разгневался.

— Он ведь чувствует и ложь, и то, как люди на самом деле к нему относятся, — прошептала я.

— Я испугалась и убежала. Вы знаете, он страшен в гневе.

— Знаю, — кивнула я.

Мда... Вот что за люди! Просто обратиться за помощью — не вариант. Рассказать правду и попросить оставить за ней место — тоже не вариант. А вот соорудить такую многоходовку от отчаяния... Это запросто!

— Вы презираете меня? — Моя тетка подняла на меня глаза, полные слез.

— Нет. Я хочу вам помочь, только не знаю как. — И тут меня осенило, потом затрясло, и я спросила: — Это ведь один из кадетов его милости? Один из тех, кто обедал в поместье по вторникам?

— Прошу вас. Не надо.

— Вы так и планируете оставаться здесь, в приюте?

— Мою работу ценят. И пусть она не оплачивается так, как работа экономки. И пусть здесь, с детьми, намного тяжелее... Но я всем довольна. И дочку я никому не отдам.

— Скажите, а в империи предрешена судьба только тех детей, от кого отказываются родители? Или любого незаконнорожденного?

— Будь она мальчиком — было бы проще. Можно было бы просить о том, чтобы сыну разрешили пойти в армию. Или получить какую-нибудь профессию, к которой у него бы была склонность. Но девочка... — Вероника нахмурилась, покачала головой, но когда перевела взгляд на ребенка, ее лицо снова засветилось от счастья...

— Погодите. Она ведь дочь аристократа. Следовательно, если повезет, она наследует магический дар...

— Опять же, если это мальчик, он может учиться. И пробиваться талантом. А девочки... В империи девочки получают только домашнее образование. И ровно такое, какое посчитала нужным дать им семья.

— Хорошо. Предположим, я найду семью, которая проследит, чтобы образование у вашей девочки было самое лучшее из домашних. Что потом?

— Потом... Замуж ее никто не возьмет.

— А кем еще может работать молодая образованная девушка?

— Гувернанткой. Компаньонкой.

На этом фантазия моей тетки иссякла.

— Ладно, — улыбнулась я. — Это проблема не этого десятилетия.

Посмотрим, к чему у девочки будет склонность, а потом решим.

— Миледи... Я благодарна вам за сочувствие, но у вас и... у милорда могут быть проблемы.

— Какого рода? — удивилась я.

— Сплетни... Если вы возьметесь опекать этого ребенка, то скажут — это ребенок милорда.

— Как только узнают, что экономка из поместья милорда Верда родила ребенка — а рано или поздно об этом всем станет известно, — так и скажут. В любом случае.

— Милорд разгневается, что я причинила ему... неудобства.

— Переживет, — усмехнулась я. — И вы не беспокойтесь. Если вы будете вести себя благоразумно, то вас гнев милорда никаким образом не коснется.

— Благоразумно — это как? — Девушка смотрела прямо, не отводя и не опуская глаз. Счастливых глаз молодой матери, упрямых глаз сильной женщины, печальных глаз человека, осознавшего свое положение и смирившегося с ним...

— Ну не кинитесь к журналистам, жаждущим вывалить в грязи бастарда императора.

— Что вы, миледи! Такая мысль мне даже в голову не приходила! — испуганно проговорила девочка.

— Я могу задать вам вопрос?

— Да, миледи. — В глазах Вероники появилось недоверие.

— Как я понимаю, экономками берут женщин постарше. Сколько вам? Восемнадцать? Деятнадцать?

— Мне двадцать один. И да, в экономки берут женщин постарше. Только к милорду Верду в дом никто не хотел идти. Мне очень нужна была работа. А ему самому было все равно.

— Понятно... А ваша семья? Есть надежда, что они вам помогут?

— Я сирота. Мама умерла, а отец... Он женился во второй раз. Мне некуда возвращаться. Если только порадовать мачеху тем, что я так низко пала...

— Низко пала — это если бы стала продавать себя за деньги и отдала девочку, не заботясь о том, что же с нею станет. Но это не так, вы боретесь! И это вызывает только уважение. Огромное уважение.

— Спасибо, миледи.

— Не за что. Это правда. Единственно, должна вас предупредить... Я не буду ничего скрывать от своего жениха.

Девушка хотела запротестовать, но я продолжила прежде, чем она

успела это сделать:

— Прежде всего потому, что он лучше меня сможет придумать, как вам помочь.

Глава 13

Из мрачного здания приюта, расположенного рядом с величественным собором, я вынеслась как ведьма на помеле. Очень хотелось заполучить топор в руки и пройтись по представителям аристократических родов. И начала бы я даже не с вырубки надменных голов. А уделила бы внимание выступающим частям тела... пониже.

— Ника, — поспешила за мной мама. — Дочка! Да что с тобой?!

— Позже, мам, — голос был у меня глухой.

— Что тебе сказала эта девочка? Кто она?

— Она работала экономкой у Ричарда до меня.

— И этот ребенок...

— Нет, мам. Глаза у малышки синие-синие. Неестественно яркие. А в нашем случае они были бы...

— Черные, — закончила за меня мама.

— Или алые.

— И ты взвилась, потому что...

— Кто-то соблазнил девочку в моем доме! Кто-то даже не счел необходимым сплести противозачаточное заклинание! Найду гаденыша... Урою! А Ричард! Хорош тоже. В доме черт знает что творится. То соблазняют, то по углам зажимают...

— Кого зажимают?! И противозачаточное... что?!

— Потом, мама, все потом!

У меня было предположение, кто это мог быть. Образ милейшего графа Трубриджа появился передо мной во всей своей красе. Только вот незадача — я совершенно не помню, какого цвета у него глаза. И если они синие... Если только они... синие!

Прогулка была слишком короткая, чтобы я успокоилась. Как же мне не хватало бассейна и физических нагрузок. Или выматывающей пробежки. Пока мы шли, хорошая идея пришла мне в голову.

— Мам, я исчезну до утра, — предупредила я. — Завтра вернусь перед тем, как ехать в Академию на репетицию пресс-конференции.

Беседу с Денисом и Ричардом, прорабатывая то, как им необходимо вести себя в понедельник, решено было провести именно там. И я вдруг пожалела о прошедшей осени, когда все было, в общем-то, просто.

— Ника, меня беспокоит твое состояние, — начала мама.

— Я просто уйду туда, где никого нет. Прости, мне надо...

— Поплакать?

— Не без этого, — усмехнулась я.

Предупредила охрану, забрала любимый саквояж, заскочила в поместье Ричарда за щенком и отправилась на остров. Давно я здесь не была. Надела купальник, натянула сверху футболку, тренировочные штаны. Где мои любимые кроссовочки?

Обняла Флоризеля. Погладила его чудесные уши. Вытерла слезы и отправилась бегать. Мы обнаружили второй спуск к воде, что вился замысловато изогнутой тропинкой с горы, на которой стоял дом. Идти было дольше, но зато без ступенек.

Щенок радостно носился вокруг меня, умудряясь и среди серпантина наматывать круги.

Так мы с ним и прибежали к океану.

Я опустилась на белоснежный песок. И задумалась о реальном положении дел в мире империи, куда я попала. Нищеты как таковой там ведь нет. По крайней мере, явно в глаза она не бросалась. Матушка Гриммс на нехватку денег или продовольствия не жаловалась. Хотя знала, что я вроде как невеста императорского сына — пусть даже и внебрачного... Да там все было выкрашено к нашему визиту, включая травку с камнями на подходе. Хотя они вроде бы ждали Джулиану, не меня. Однако если подумать... Журналистка, наказанная лично императором, будет отбывать свой срок в столичном приюте. М-да, возвращаемся к варианту с крашеной травкой.

А кто у них, интересно мне знать, заведует приютами? Как они финансируются? И ответ на вопрос «Что делать с мальчиками?» — был ясным. Надо дать им какую-нибудь профессию. Но одно дело — пристроить тех нескольких человек, что попались мне на глаза в столице. А что делать с остальными? В масштабе империи? Хотя к чему мне такая гигантомания? И почему, например, меня не беспокоит, что к работе прислуги так стремится знакомый мне мальчик Вилли? Да что там прислуги — ребенок вообще за все хватался, чтобы принести в дом матери хоть монетку. Отца у них, как я понимаю, не было. То ли погиб. То ли... И как быть в таких ситуациях?

Это все надо узнавать. И раз уж так получилось — в этом всем надо разбираться. И менять. Хотя бы бороться за то, чтобы поменять.

Потом я задумалась о девочках... Кем они в империи бывают? Женами. Еще продавщицами или служанками. Швеями, наверное. Поварихами. Значит, наша святая задача — научить готовить. Причем отменно. А там посмотрим, как их никто замуж не возьмет! Можно еще

обеспечить их рукоделием в промышленных масштабах. Надеюсь, у имперских девочек руки растут из верхнего плечевого пояса, а не как у меня — из нижнего.

Я тихонько рассмеялась. Задремавший рядом со мной Флоризель поднял голову, укоризненно посмотрел на меня печальными глазенками... И, сладко потянувшись, вернулся к важному делу — дреме.

А я и не против. Я вообще сюда искупаться прибыла.

В какой-то момент я вынырнула — и обнаружила, что к нам со щенком присоединился... Ричард!

— Что тебя так расстроило сегодня? — спросил он.

— Охрана доложила? Или с мамой поговорил?

— Ника-Ника... Я тебя чувствую. А уж такие сильные эмоции...

— В какой-то момент я подумала, что познакомлюсь с твоим внебрачным ребенком.

Сказала как нырнула. Или вынырнула? Сама удивилась, как легко и просто у меня получилось выдать подобную информацию... Видимо, пробежка помогла. Спорт очень полезен. Очень-очень! И фигуру помогает сохранить, и нервную систему успокаивает...

— Что? — удивленно посмотрел Ричард на меня.

— В столичном приюте обитает твоя исчезнувшая экономка. С ребенком. Девочкой.

— Сколько девочке?

— Совсем маленькая. Может, месяц. Не знаю.

— Алым глаза не отливают? — бесцветным голосом спросил Ричард.

— Нет. Они у нее неестественно-яркие. Синие.

— Значит... Это не мой ребенок.

— Получается, что не твой, — холодно проговорила я, выбираясь на берег. — И она утверждает то же самое.

— Я не снимаю с себя ответственности ни за эту женщину, ни за ее ребенка. Я с ней...

— Знаю. От слуг слышала.

— Понятно. В любом случае это произошло в моем доме, — опустил он голову.

— Что будет с ними?

— Я их обеспечу. И раз девочка — маг, позабочусь, чтобы она могла развить свои способности. Если бы ее глупышка-мать пришла ко мне сразу — все было бы еще проще. Для нее в первую очередь.

— А у кого еще глаза такого цвета?

— У Милфорда, например.

— Ты считаешь, что... — опешила я. Потом кое-что вспомнила. — Погоди. Он же кареглазый.

— Правильно. У него глаза карие, у меня — черные. В обычном состоянии. Но когда...

— Когда ты испытываешь сильные чувства, то они начинают светиться алым.

— Правильно. Моя магия замешана на стихии огня. Поэтому — алым.

— А Милфорд?

— Его стихия — водная. Поэтому синева.

— А если воздух? — вошла во вкус я.

— Глаза становятся серебристыми. Земля — золотыми. У Рэма глаза светятся золотым — обрати внимание. А у Паши на занятиях алеют. Как у меня.

— А у девочки почему глаза сияют?

— Она еще слишком мала, чтобы контролировать силу. Так будет до трех месяцев. Потом это сияние уйдет. И будет проявляться только в моменты, когда эмоции становятся неконтролируемыми. Или когда она будет творить колдовство.

— А у кого из тех, кто вхож в твой дом, глаза так синеют?

— Ты пытаешься вызнать, кто отец ребенка?

— Именно.

— Зачем, Ника? Ты действительно считаешь, что малышке нужны такие родственные связи?

— Что-то такое я уже слышала, — пробормотала я, вспоминая разговор с герцогиней Рэймской о моем первом муже: «Зачем вам такой мужчина?»

— Ты опять впала в печаль. Что теперь?

— Просто я подумала, что это твой ребенок, понимаешь?

— Ника... По части ревности, как мы знаем, я тебе смело дам фору. Но сходить с ума из-за нашего прошлого... Нам хватает и настоящего. К тому же и Пауль, и Рэм, и Феликс... я действительно отношусь к ним как к сыновьям.

Я обняла его.

— Я принял всех троих в род Рэ. И не жалею об этом.

В следующую минуту мы самозабвенно целовались. Потом бежали в дом — словно за нами кто-то гнался. Мысль о том, что не стоит заниматься любовью на пляже, пришла нам обоим одновременно. Заинтересованный взгляд нашей собаки был гарантирован как минимум. Подглядывание русалок тоже не вдохновляло, лично я помнила, сколько голосов

отозвалось, когда зеленокожий Повелитель глубин окликнул местных жителей.

Так что пробежка удалась. И Флоризелю понравилось. Единственно, он поворчал, когда Ричард подхватил его под мышку и понесся по отвесным ступеням лестницы вверх, к дому.

Потом остались мы. За закрытыми дверями спальни.

— Ты соленая! — с восторгом прошептал Ричард.

— Да. — Я была смущена. — Сначала я бегала, потом плавала, потом...

А потом все закружилось. И стало неважно.

— Что ж такое... — вдруг сказал Ричард, когда мы уже просто лежали, обнявшись. — Я ведь пришел, чтобы пригласить тебя на свидание.

Я хихикнула:

— Как-то со свиданиями у нас получается плохо. Все остальное, — я с плотоядным восторгом посмотрела на обнаженное тело милорда, — хорошо. А вот со свиданиями...

— Поездку за книгами можно считать первым свиданием? — лукаво взглянул на меня Ричард.

— Нет. Потому что это было второй раз.

— А первый? — удивился он.

— Первое свидание у нас было, когда мы дуэль наблюдали. Ты еще меня потом в статую превратил и в лесу бросил.

— Ника! — обиженно воскликнул он. — Ну что ты такое говоришь! Я тебя не бросал! Я детей пошел на гауптвахту оформлять!!!

Вспомнили. Смеялись оба.

— Все-таки со свиданиями у нас проблемы, — подвел итог Ричард.

— Именно, — согласилась я, пытаюсь закрыть глаза.

— Нет-нет-нет, — увидел милорд мой маневр. — Не спать! Миледи Вероника, могу я пригласить вас на свидание?

— И вот что тебе сегодня-то... — сладко зевнула я. — Ладно, пойдем!

— Платье в твоей гардеробной. Там, куда мы отправляемся, одеваются по-другому.

— Тогда давай собираться.

И я понеслась в душ. Хорошо, что у имперцев есть специальные зачарованные расчески, позволяющие быстро высушить волосы, даже длинные. Так, а что у нас с платьем?

Платье было алое. С низким квадратным вырезом, расшитое по длинным полупрозрачным рукавам золотой нитью. Оно шло по фигуре, только книзу превращаясь в пышную волну за счет воланов. Спереди юбка

была до колена, сзади — чуть длиннее. Ко всему этому великолепию прилагались золотистые туфельки на каблучках, похожие на те, в которых выступают танцевальные пары. И маленький, безумно красивый букетик неизвестных мне цветов золотого оттенка моих волос. Букетик крепился на браслет из алых нитей. Я надела его на запястье.

Внимательно посмотрела на себя в зеркало. Красота! Чуть тронула тушью ресницы — и побежала вниз. Радовать Ричарда.

Мужчина моей мечты был уже одет и собран. И сверху — только шелковая иссиня-черная рубашка. Никаких там сюртуков. Брюки, заправленные в высокие сапоги. У меня закапали слюны...

Ричард что-то сосредоточенно жевал.

Увидел меня и замер.

— Наверное, я перестарался с платьем, — задумчиво протянул он.

— У тебя в глазах пламя... В тон моему алому наряду, должно быть, — ответила я, пожирая его глазами. — Слушай, может, никуда не пойдем?

— Ника! Не искушай меня.

— Почему? — Я покрутилась перед ним. Потом уже медленно повернулась спиной, давая возможность полюбоваться вырезом...

— Невозможная женщина. Ужинать будешь? Я разогрел.

— Буду ужинать! — обиженно проворчала я. Какой сдержанный! Не кинулся. Безобразие.

— Флоризеля я отправил в поместье.

— Правильно. Нечего малыша тут одного оставлять. Еще испугается.

Мы поели и отправились.

...В неизвестном мне мире, под черным бархатным благодушным небом, был праздник. Когда мы оказались посреди улыбающихся, радостных людей, я на мгновение замерла. Мужчины все как на подбор — в черном. Женщины — как ослепительно-яркие разноцветные бабочки.

Я вдохнула запах праздника — запах чуть гудящего где-то неподалеку моря смешивался с нежным сладковатым ароматом каких-то цветов. Услышала музыку. Оркестр играл мотив, похожий на наше земное танго...

Посмотрела на любимого мужчину.

— Вероника! — Мне церемонно предложили руку.

— Ричард... — так же торжественно ответила я, подавая свою...

И мы окунулись в неизвестный праздник чужого мира. Танцевали, пили вино. Целовались на набережной. Снова танцевали. Я успокаивала Ричарда, который на почве ревности пытался устроить ссору с молодыми людьми.

— Они чересчур пристально смотрят на твои колени!

Чуть позже мы опять пили вино в компании тех же молодых людей и присоединившихся к ним девушек. Кажется, я всех учила танцевать танго. И уже сама ревновала Ричарда, который был слишком хорош собой.

А утром, когда все разошлись и мы одни, встречая рассвет, целовались на набережной, к нам подошла местная полиция нравов. Очень вежливо, немного смущаясь, молодые люди в форме объяснили, что праздник закончился и вести так себя неприлично...

— День же все-таки, господа...

Голова кружилась, и было весело. Может быть, это от местного вина? Да нет, вряд ли... Потом я всем пыталась объяснить, что все хорошо, потому что милорд даже платье на мне не порвал, как обычно. А что я сижу на парапете и его руки обнимают мои ноги под подолом платья — так это потому, что целоваться таким образом удобнее...

— Рекомендую всем попробовать так целоваться со своими девушками! — доверительно сообщила я стражникам.

Они смеялись, но нас старательно прогоняли.

— Домой, господа! Вам пора домой!

Мы и ушли. Шагнув в разноцветное марево портала прямо на глазах у изумленных стражей порядка...

Глава 14

— Да как вы смее! — раздался тихий, но очень выразительный возглас командующего Тигверда.

Я приоткрыла глаза и посмотрела на часы. М-да... С момента начала нашей репетиции прошло одиннадцать с половиной минут. Это если посчитать время, которое я затратила на представление Ричарда и Дениса присутствующим. Результат не вдохновлял.

Огляделась. Мама явно веселилась. Фредерику, похоже, тоже было смешно, но он сдерживался изо всех своих императорских сил. Наш бунтующий фотограф, Джулиана и привлеченные ею журналисты, которые теперь работали на меня, выглядели как-то пришибленно. Денис и Ричард гневались.

А я даже не услышала вопроса, на который последовала столь бурная реакция. Честно говоря, как только мое тело расслабилось в кресле, глаза закрылись сами собой.

Мы с Ричардом принесли в поместье часа за полтора до начала нашего сверхважного сближения. Нетрезвые, хотя после получаса под холодным душем хмель выветрился, уставшие — а что? Всю ночь не спать... С гудящими ногами. Но абсолютно счастливые.

Вместо завтрака Ричард выдал мне какую-то мензурку. На вкус — гадость редкостная, но мне полегчало.

— Будешь кофе? — Он кивнул на накрытый стол.

— Лучше апельсиновый сок, если есть.

— Смеешься? Конечно, есть. Вот завтрак для меня может и не быть. Если Каталина гневается. А сок для тебя — это будет всегда!

— Ты преувеличиваешь. Но это безумно приятно.

Ричард взял мою руку, поднес к своим губам и поцеловал.

— Надо ехать, иначе... — прошептала я.

— Иначе.... — Он усмехнулся и обнял меня. — В любом случае надо повторить. Мне понравилось танцевать с тобой.

— И мне, — прижалась я к нему.

В Академию, где решено было провести репетицию, мы все же попали. И даже опоздали не сильно.

Краем глаза отметила, что мама скривилась, а папа довольно потер руки.

— Только не говори, что вы опять спорили на нас, — прошептала я

родительнице.

— Угадала, доченька. И я из-за вас отцу желание проспорила, — раздосадованно прошипела главный редактор «Имперской правды».

— То есть ты снова ставила на то, что мы не придем?

— Именно так.

— А что не сказала? Я бы подыграла.

— Честная я слишком! — пробурчала маменька. — Как вы?

— На свидание сходили...

— И как?

— Отлично. Только ноги сводит. И спать хочется.

Мама тихонько рассмеялась.

— Боюсь спрашивать, чем вы занимались.

— Танцевали...

Между тем командующий Тигверд продолжал свою пламенную речь. Все-таки образование в Академии было блестящим. И ораторское искусство явно занимало не последнее место...

Журналистам вспомнили все: сообщение о том, что его убивала миледи Вероника, а потом и баронесса Кромер; что его невеста — любовница императора, а брат — насильник; что его самого, бастарда императора, уже расстреляли несколько недель назад. И так далее, и тому подобное...

Потом милорд устал гневаться, сел в кресло. И благожелательно, даже с интересом посмотрел на притихших сотрудников.

— У кого есть вопросы? — вмешался мой отец, которого непонятно каким ветром занесло на репетицию пресс-конференции.

Наши сотрудники недовольно посмотрели на Джулиану, она — на меня. Вопросов почему-то ни у кого больше не возникло.

— А что они спросили, что Ричард взвился? — тихонько спросила я у мамы.

— Ты что — спала? — решила сыронизировать маменька.

Я утвердительно кивнула. Она подняла брови. Но потом все же ответила:

— Правда ли то, что миледи Вероника является любовницей не только ненаследного принца Тигверда, но и милорда Брауна.

— Это они постеснялись. Обычно спрашивают про меня и императора, — поморщилась я. Потом решила задать свой вопрос. Но только вздохнула, как меня опередил Фредерик.

— У меня вопрос, — пророкотал он насмешливо.

— Да, ваше величество, — чуть поклонился мой папа. Быстро же он

ассимилировался.

— Почему на должность начальника Уголовного розыска привлекли человека из другого мира. Что вы можете дать империи?

Денис посмотрел на императора Фредерика с тем же выражением лица, каким Цезарь, наверное, одаривал сенаторов, втыкающих в него кинжалы, и конкретно Брута.

— Ну... — начал он глубокомысленно. И затравленно перевел взгляд на меня.

— А поконкретнее? — усмехнулся Фредерик.

«Спокойно!» — одними губами сказала я ему.

— В моем мире есть такое понятие — «служивый», — заговорил вдруг Денис. И с каждым произнесенным словом у него получалось все увереннее. — Это военные, сотрудники правоохранительных органов, спасатели. Я — служивый, такой же, как командующий Тигверд, граф Крайом, милорд Милфорд. И тысячи наших сотрудников. И знаете, что я вам скажу... В наших двух мирах, какими бы они ни были разными, в отношении нас ситуация практически одинаковая. О нас вспоминают, только когда случается какая-то грандиозная ж...

— Происшествие случается, — поспешил перебить его Ричард.

— Хорошо, пусть будет происшествие, — смог наступить на горло собственной песне бывший командир СОБРа. — Происшествие, преступление. Находится кто-то, кто посягает на покой граждан — изнутри ли, извне. Когда необходимо гражданских закрыть собой... Только тогда вспоминают о нас. И как? Мы или не успели, или ничего не делали, или все сделали не так. И если армейцы здесь благодаря заботе императора пользуются хоть каким-то уважением...

На этом командующий Тигверд насмешливо хмыкнул...

— По сравнению с Уголовным розыском... — покосился на него Денис. — Пользуются. Пусть не в средствах массовой информации, но у простых граждан... То мы — те, кто обеспечивает порядок внутри страны, мы — какие-то изгои, отбросы. Если посмотреть газеты, то получается, что в Уголовном розыске служат те, кто ничуть не лучше преступников. Но ведь многие и очень многие честно выполняют свой долг. Честно тянут свою лямку. И, кстати говоря, почему-то никто не обращает внимания на то, что уровень преступности в империи существенно ниже, чем в соседних государствах. И в моем мире тоже, если уж на то пошло. Что я хочу дать империи? Я хочу, чтобы служить стране было почетно. Любой стране. В любом из существующих миров. Чтобы к нам шли лучшие. Чтобы граждане империи были в безопасности, а те, кто совершил

преступление, знали, что их и найдут, и покарают.

— Это все хорошо, — продолжил император. — Но какие конкретные шаги вы предпринимаете, чтобы переломить ход ситуации с правоохранительными органами?

— Мы отдаем себе отчет, что во многом виноваты сами. Подтасовка в расследованиях, закон о чистосердечном признании, когда следствие велось не для того, чтобы изобличить преступника, а выбить признательные показания и скорее закрыть дело, — все это было. Кроме того, не в обиду будет сказано, магия достаточно сильно избаловала всех, кто занимается расследованием преступлений.

— Как это? — удивился кто-то из журналистов.

— Дела привыкли раскрывать быстро, буквально в первые пару часов. Прибыли, пошаманили... простите... поколдовали... Вынюхали, восстановили картинку — и все готово.

— А что в этом плохого?

— То, что те, кто совершают преступления, тоже знают, как работает Уголовная полиция. Поэтому уже научились вводить в заблуждение.

— И как этому противостоять? — снова вступил в беседу император.

— Необходимо тщательно вести расследование, не доверяя только лишь магическим средствам. Никто не отменял опросы свидетелей. Никто не отменял необходимость установления алиби. И так далее. И тому подобное. Еще такой небольшой нюанс — все бригады по расследованию преступлений базируются в столице. И прибывают на место преступления в любой уголок империи, даже самый отдаленный. Происходит это достаточно быстро, однако мы вынуждены сталкиваться каждый раз с одним и тем же: незнакомое место, люди, о которых мы ничего не знаем и которые чаще всего настроены по отношению к сотрудникам Уголовного розыска скептически или даже недоброжелательно. Очень много времени уходит на то, чтобы наладить какой-то контакт.

— И вы предлагаете?

— Я предлагаю ввести участковую службу. Путь на местах будет сотрудник Уголовного розыска, который для местных жителей будет своим. Можно использовать для этих целей военных или сотрудников Уголовного розыска в отставке. Можно попробовать после Академии отправлять отрабатывать молодежь. Но сделать это надо.

— Тогда что происходит с расследованием преступления, которое всколыхнуло общественность?

— Мы ищем тех, кто привозил в империю наркоманов из Петербурга, — резко ответил милорд Браун.

— И именно этим обусловлено ваше сотрудничество с военными?

— Безусловно. Преступления жестокие, наглые. И женщины выбраны как раз специально, чтобы настроить жителей империи против сил правопорядка.

— Что было предпринято, чтобы уберечь женщин в империи, у которых цвет волос может заинтересовать убийцу?

— Я не могу ответить на этот вопрос, — посмотрел в глаза императору милорд Браун, — это тайна следствия.

— У меня вопрос к командующему Тигверду, — поднялась я, увидев, что все поостыли.

— Какой именно? — величественно склонил голову сын императора.

— Почему вы так нервно реагируете на вопросы о вашей личной жизни? В ней есть что-то постыдное?

— Ника, ты что творишь? — едва слышно прошептала мама.

— Как ни крути, а этот вопрос все равно поднимут. И если мы собираемся сотрудничать с прессой, то так бурно реагировать на бестактность, как продемонстрировал принц Тигверд, не стоит, — громко ответила я.

— Это вы меня, миледи Вероника, сейчас воспитывать пытаетесь? — поднял брови сын императора.

— Ваше высочество, журналистов куда подальше отправлять, безусловно, не только можно, но и нужно. Простите, господа, — обернулась я к замершим сотрудникам. Как-то выглядели они не очень. Только Джулиана строчила в очередном блокнотике и была всем довольна.

— Разве я только что так не сделал?

— Вы показали, что восприняли все слишком близко к сердцу. Станьте как обычно — высокомерно-насмешливым. Вам это безумно идет.

Милорд перевел на меня взгляд уже алых глаз. Я прочитала в нем обещание скорой мести. И чуть не замурлыкала от предвкушения.

— Слушаюсь, миледи... Сделаю все что в моих силах, чтобы доставить *ВАМ* удовольствие...

Я огляделась — и поняла, что все присутствующие не сводят с нас удивленно-восторженных глаз.

— Вероника, — тихо сказал император Фредерик. — Может, я просто отдам приказ вам пожениться, а вы его просто выполните? У нас все-таки приличная страна. С достаточно четкими моральными требованиями.

— Ага, — резко ответила я. — Мы эти четкие моральные принципы наблюдали в приюте. Мало того что дети пострадали, оказавшись без родителей, так их и учить не велено. Им ничего не светит, кроме как быть

прислугой у таких же аристократов, что сломали жизнь им и их матерям...

— Всяческими благотворительными программами занимается первая леди империи. У меня жены нет, Брэндон слишком молод. Остаетесь вы — и Ричард.

Сколько в голосе императора насмешки...

— Выходите замуж и делайте с приятскими детьми, жертвами произвола и прочими страдальцами все, что вашей душе угодно. Государственную поддержку мы вам обеспечим.

— А... — только и смогла выдохнуть я...

Тут дверь в аудиторию, где мы находились, резко распахнулась. Мужчины все в одно мгновение оказались на ногах...

— Что? — Судя по всему, Денис опознал того, кто к нам ворвался.

— Убийство, милорд! Золотоволосая молодая женщина. В синем. В столице.

— Опять...

Глава 15

Денис и Ричард исчезли практически мгновенно, прихватив с собой сотрудника Уголовной полиции, что принес дурные вести, и моего отца.

Я поблагодарила журналистов и фотографа. Спросила, как они оценивают то, что видели.

— Думаю, что наши коллеги будут в восторге, — сморщился мужчина постарше. — А то, что им не рассказали, то, по обыкновению, додумают.

— В пятницу утром мы все напечатаем. Первыми. Джулиана, подготовьте материал про сенсационное интервью начальника Уголовного розыска для газеты «Имперская правда».

— Будет сделано, — кивнула Джулиана. И грустно добавила: — Надо опять интервью брать у родственников погибшей женщины.

Я кивнула:

— Только одна не ходите. Возьмите кого-то, чтобы вас сопровождали.

— А что у нас с новостями из других провинций? — спросила мама.

— Да ведь как-то не принято... — начал один из журналистов.

— А новости из других провинций печатают? Или только по столице?

— В регионах должно происходить что-то на редкость замысловатое, — поддержала его Джулиана, — чтобы о них сообщили в столичных изданиях.

— Получается, у нас своя свадьба, у них — своя... — Я задумалась. — Мне кажется, что это неправильно. Только как организовать подачу этих новостей?

— Может, посетить столицы провинций и предложить сотрудничество кому-нибудь, кто умеет писать? Всяко по оплате вы вне конкуренции... — раздался голос императора, который, оказывается, внимательно слушал.

— Наверное, — кивнула я с одобрением, обнаружив, что другие участники нашей беседы заметно напряглись. Даже Джулиана. — Можно еще устроить на последней странице колонку «Вы спрашивали — мы отвечаем». И проводить конкурс от читателей на самую интересную новость.

— Мы можем поговорить с вами? — остановила я его.

— Любая беседа с вами — праздник, — усмехнулся Фредерик. — Разве я могу отказаться от него? Прошу вас.

Мы дошли пустым, а оттого мрачным коридором до чьего-то кабинета. Меня удивило то, как легко император ориентировался в Академии.

— Прошу, — распахнул он передо мной дверь.

— Благодарю вас, — вошла я вовнутрь.

Похоже, это была преподавательская. Большой, овальный стол посередине, шкафы с документацией по стенам. Один шкаф — стеклянный — с посудой.

— О чем вы хотели поговорить со мной? — поинтересовался его величество.

— О принце Брэндоне.

— А что с моим наследником?

— Что мне писать в его официальной биографии? И как писать... о вашей супруге?

— О ней не пишите вообще ничего. Что касается наследника, то вы его биографию знаете лучше, чем я, — съязвил Фредерик. — Двадцать четыре. Скоро двадцать пять. Молод, глуп, горяч. Не может простить мне историю со своей матерью и с матерью Ричарда. Искренне считает, что я его не люблю. Сильный маг, но думает, что это не так. Любовных связей до последнего времени не было. По крайней мере, таких, о которых мне стоило знать... и беспокоиться.

— А о каких стоит знать отцу? — улыбнулась я.

— Это вы спрашиваете как мать трех молодых людей уже почти пятнадцати лет? Или как ответственная по журналу сплетен? — ехидно посмотрел на меня Фредерик, и его черные глаза весело блеснули.

— Ох... — Я подумала о Паше, Рэме и Феликсе.

— Хотите добрый совет?

— Конечно.

— Меньше знаете — крепче спите...

— Главное, чтобы потом не встретилась такая девочка, что обитает в приюте с ребенком. И не сказала: «Возьмите, это ваше».

— А вот что вы сделаете, если скажет?

— Урою молодого отца.

— Это само собой. А с малышом? Хотя... Вы даже щенка выскочили из-под колес вытаскивать. И по поводу чужого ребенка переживаете.

— Это плохо? — фыркнула я.

— Главное, чтобы никто не начал вашей добротой пользоваться. Хотя... из тех, кому вы бросились помогать, нет ни одного недостойного человека. Или животного. У вас удивительная интуиция, Вероника. Это дар. Дар, столь необходимый первой даме империи.

— А что делать с приютами?

— Не все так просто, к сожалению. Если вы возьметесь опекать детей

из приютов, продавливая именно для них возможность образования и карьеры в границах империи, то у нас будет массовый приток детей в эти самые приюты, — скептически заметил его величество. — Подумайте сами: зачем тогда небогатым семьям тянуться? Зачем матерям, у которых погибли или умерли мужья, работать на нескольких работах, чтобы дать образование детям, если есть добрая вы? А еще — щедрый я. И получается, что ребенок какой-нибудь проститутки, которого она подкинула, как котенка, будет лучше пристроен, чем, скажем, сын или дочь крестьянина.

— И что делать?

— По крайней мере, не судить о том, как мы решаем проблему с сиротами, посетив только один приют, не поговорив толком ни с детьми, ни со взрослыми, которые там по много лет работают, — достаточно резко ответил император.

Я задумалась. В чем-то он был прав. В чем-то не замечал проблемы, потому что привык думать, что все в порядке.

— Вы обиделись? — обеспокоенно спросил у меня Фредерик.

— С чего вдруг? — удивленно посмотрела я на него. — У меня просто есть мысль, и я ее думаю.

— И что надумали?

— Что я не видела полной картины. А для того, чтобы что-то предпринимать, надо понять, что происходит.

— Вот именно, — улыбнулся Фредерик.

— Только я вспомнила сейчас старый-старый фильм про учительницу. Она попала в деревенскую школу и познакомилась с мальчиком-сиротой потрясающего ума и таланта. Она возилась с ним как со своим собственным и в один момент пыталась пристроить в хорошую школу, чтобы дать ему возможность стать кем-то.

— И что из этого вышло?

— А ничего. Никому этот ребенок оказался не нужен. Там еще один из попечителей рисовал, пока мальчик блестяще отвечал.

— И что он рисовал?

— Этого мальчика в виде пастушка, выпасающего коров.

— В смысле — знай свое место?

— Именно так.

Император рассмеялся. Весело так. Тут уж я нахмурилась — я, конечно, особа самокритичная. Наверное. Но когда над тобой потешаются, да еще так жизнерадостно и задорно, начинаешь ощущать себя как-то странно.

— Не злитесь, — попросил его величество сквозь смех.

— Буду.

— Пожалуйста...

— Я не понимаю, чем вас так рассмешила?

— Просто я радуюсь, когда вас вижу. Вы — как глоток свежего воздуха.

— Так что писать в официальной биографии Брэндона? — Про луч солнца в темном царстве, тьфу... про глоток воздуха в империи мне ни говорить, ни слушать как-то не хотелось.

— Завтра вам секретарь доставит необходимую информацию. И когда сверстаете первый номер журнала — сначала мне на стол.

— Слушаюсь, ваше величество, — поклонилась я.

— Вероника! — поморщился император.

— Фредерик!

— А теперь вы позволите вас проводить обратно? Меня, к сожалению, ждут дела.

Мы в молчании дошли до аудитории, где были мои сотрудники и мама. Фредерик открыл передо мной дверь, улыбнулся, хлопок портала — и он исчез.

— Давайте продолжим, — проговорила я, стремительно врываясь в аудиторию. Дел было много: начать печатать новости из провинций, потом...

Но не успела я сделать шаг, как поняла, что меня затягивает в марево кем-то выстроенного портала. Я рванулась изо всех сил прочь, зачерпнула силы в перстне... Но не успела.

Миг — и я стою на какой-то практически ровной каменной площадке. Огляделась. Вокруг скалы, настолько высокие, что их практически задевают проплывающие мимо равнодушные пышные облака.

Поняла, что дышать тяжело и что мне дико холодно. Кто-то накинул мне на плечи тяжелый плащ с меховым подбоем и стремительно отступил назад, словно не желая дотрагиваться.

Сделала шаг вперед и просто споткнулась о синий яростный взгляд графа Троубриджа.

— Вы? — обалдело выдохнула я. Вот уж кого-кого, а этого потомка аристократического рода я бы никогда не заподозрила в том, что он меня может похитить.

— Какого цвета глаза у ребенка? — Голос аристократа был тихим, но от этого не менее яростным.

— Что? — взвилась я.

— Отвечайте на мой вопрос! — приказали мне.

— С чего вы мне задаете подобные вопросы, милорд? — О... мои злобные ноты вполне могли соперничать с его яростными. А страха... Страх как не бывало. Вот ведь странно: марево неизвестно чьего портала меня действительно напугало. А вот вид разъяренного мужчины, который был намного сильнее меня, вызвал лишь гнев... Нет, все-таки я ненормальная...

— Миледи Вероника... Я повторяю свой вопрос: какого цвета глаза у ребенка бывшей экономки принца Тигверда?

— Как вы посмели меня выкрасть?

— У меня не было выхода... — на мгновение опустил глаза граф, но потом опять посмотрел на меня. Я увидела беспощадность и отчаяние.

Мне бы замолчать или начать сотрудничать с ним, но испуг на меня всегда влияет как-то неправильно. Я, когда пугаюсь, становлюсь агрессивной и очень разговорчивой. Вот и теперь, умом понимая, что надо бы закрыть рот, я не могла этого сделать.

— Послушайте, у меня есть повод относится к вам плохо... Вы же не думаете, что я забыла, как вы попытались...

— Можно подумать, вам впервой обслуживать мужчин. — Темно-синее презрение пополам с бешенством клубилось в его глазах. — Для безродной подстилки с тремя внебрачными детьми вы слишком обидчивы. Или я своими поползновениями мог вам помешать поймать крупную рыбу — сына императора, а потом и его самого?

Я вдохнула, чтобы сказать молодому уродцу что-нибудь гадкое... или сразу — матерное. Но что-то меня остановило. И у меня вырвались совсем другие слова:

— Мне жаль вас.

Граф Троубридж уставился на меня в полнейшем изумлении.

— Что? — только и смог сказать он.

— Вы — молодой, красивый, влиятельный. У вас впереди — вся жизнь. Отчего же вы так злы на мир? Кто сделал вас таким несчастным? Почему вы отыгрываетесь на мне, на женщине, которая ничего плохого вам не сделала?

— Да как вы смеете?

Тут спесь слетела с него — и он превратился в того, кем он был на самом деле, — в мальчишку лет двадцати плюс-минус. Мальчишку, которого выгрызала какая-то убивающая его мысль.

— Я не могу понять... — проговорила я, смотря ему прямо в глаза. — Вас же в Академии считают благородным человеком — в том числе и командующий Тигверд, и окружение наследника, и мои сыновья. Я даже

могу представить, что вы такой и есть — приличный молодой человек из приличной семьи. Откуда тогда такое желание унижить меня? Выразить мне свое презрение?

— Вы — Вероника. И вы — тоже экономка...

— Получается, что именно у вас были отношения с девочкой, что работала в поместье у милорда Верда до меня?

— Оооо... У этой вашей *девочки* были отношения. Были. Но не только со мной.

— Что? — изумилась я. Вспомнила молоденькую мамочку, прижимающую к своей груди дочку. Ее чуть смущенную улыбку.

— Вижу, вы с ней знакомы. И не верите мне.

— Слушайте, а вас не могли ввести в заблуждение?

— Это не ваше дело! — снова ошетинился мальчишка. — Какого цвета глаза?! Отвечайте! Алые? Белые? Золотые? Или?

— Синие, — сказала я правду. — Точно такого же оттенка, как ваши сейчас.

Он отшатнулся от меня, но потом опять распрямился и уже без гнева, как-то равнодушно сказал:

— Вам придется побыть здесь, не пытайтесь что-то предпринимать, в этом месте действует магия только нашего рода.

— Что вы собираетесь делать?

— Все, что мне остается, — это попытаться спасти свою дочь. До того как...

— А почему вы просто не отправитесь за помощью к вашему наставнику, командующему Тигверду?

— И что я ему скажу?

— Правду? — предположила я.

— Вы забавная, — проговорил он.

И я чуть не взвилась. Одно дело — слышать это от императора Фредерика. От Ричарда, в крайнем случае. Но от детеныша, который меня почти в два раза младше и к тому же меня нагло похитил... Это слишком! Но потом я посмотрела в его глаза — они поменяли цвет и стали как будто припорошенные снегом. Такое выражение глаз я уже в своей жизни видела. Когда Ричард сидел, смотрел в пламя камина и пытался меня не убить...

— Почему вы не пойдете к своему другу? — тихо спросила я.

— И скажу я ему, что предал? — Усмешка исказила черты его лица.

— Тем, что завели интрижку и соблазнили экономку?

Граф Тробриндж рассмеялся. Судорожно, отчаянно. Словно пытался зарыдать, но не мог.

Я смотрела на него, пытаясь понять, что делать. К счастью, он достаточно быстро пришел в себя и наконец проговорил:

— Та женщина, которую сегодня убили... Это была Вероника.

— Что? — Ноги у меня подогнулись, и я опустилась прямо на ледяные камни. — А ребенок?

— Ребенок исчез.

— И что теперь?

— Теперь мне предложили обмен...

Глава 16

— Ника! — раздался вопль Ричарда.

Время, помноженное на холод и ледяной ветер, тянулось так медленно, что я уже думала, что за мной в эту глушь никто никогда не придет....

И тут же на плато, куда меня занесла судьба и граф Трuebasридж, стало многолюдно.

Ричард кинулся меня обнимать, следом появились император, полковник Гилмор и десяток людей в военной черной форме.

— Ты цела?

— Да, — кивнула я, лязгнув зубами.

— Кто? — тихо спросил император.

— Граф Трuebasридж. — Не хотелось расстраивать Ричарда, но парня надо было спасти.

— Зачем? — Фредерик и Ричард задали этот вопрос практически одновременно.

— Он письмо вам оставил, — распахнула я плащ и передала конверт Ричарду. — Надо торопиться. Он там какую-то самоубийственную глупость затеял.

— Я так думаю, — проскрежетал император, — что самоубийственную глупость молодой человек уже совершил. Он похитил вас. Все остальное — на его усмотрение.

— Фредерик, — укоризненно посмотрела я на него, — я не пострадала. А мальчишка... Он запутался. И его шантажировали. Тем не менее он...

— Он мог прийти за помощью ко мне.

Все-таки голос Ричарда, когда он в бешенстве, удивительным образом становится похож на голос его отца-императора. Кошмарные звуки — как будто по стеклу проводят чем-то металлическим — они издают совершенно одинаково.

— Он предпочел сделать все по-другому, — продолжил гневаться Ричард.

— Но он и не выдал меня тем, кто шантажировал его жизнью его дочери, — возразила я.

— Так. Все эти препирательства позже, — распорядился император, — а пока в тепло.

Короткий кивок Ричарда, знакомое уже гудение портала — и ледяное

плато остается позади. Как ночной кошмар — яркий, заставляющий содрогнуться. Но совершенно нереальный...

Миг — и мы в городском доме.

Мама начала плакать, как только меня увидела. Видимо, она держалась ровно до того момента, как поняла: все обошлось. Отец тоже выглядел не лучшим образом — он был блее стены в моих покоях.

Господин Ирвин, как только появился, сразу выдал всем присутствующим по колбочке с успокоительным. Я даже позлорадствовала: в кои-то веки не мне одной страдать от невыносимо горького вкуса. Все приняли помощь целителя безропотно, только Фредерик попробовал уклониться с помощью лениво-царственного жеста. Наверное, вспомнил, что повелитель все-таки он. На Ирвина это не произвело ровным счетом никакого впечатления, он лишь посмотрел на императора укоризненно. Подействовало. Фредерик выпил. Потом целитель обернулся ко мне.

— Как вы? — спросил он.

Я оглушительно чихнула, словно мой организм ждал этого вопроса, чтобы показать себя во всей красе. Подумала. Чихнула еще раз и проникновенным басом высказалась:

— Хорошо.

— Вижу, — улыбнулся мне Ирвин. — Простужены, но не напуганы.

— Именно.

— Тогда вам вот такую вкусняшку, — протянул мне другую колбочку, в которой плескалась мерзкая — и это было видно с первого взгляда — жидкость.

— Вкусняшка, говорите? — с подозрением посмотрела я на Ирвина. А про себя подумала, что молодежный жаргон нашего мира получил уже в империи Тигвердов достойное распространение. Наверняка это слово — результат общения с Феликсом.

— Вероника, — распорядился его величество, морщась от того зелья, что ему выдали. — Пейте!

— Хотите, чтобы мы страдали за компанию? — укоризненно посмотрела я на него.

— Конечно, — довольно кивнул он мне. — Я же тиран и деспот.

Зажмурилась. Выпила. Если не смотреть на мерзкий внешний вид, то зелье на вкус оказалось не таким уж и ядом...

— Перед сном выпьете еще вот это. — Ирвин с гордостью кивнул на еще одну прозрачную колбочку еще более отвратного вида.

— Слушайте, а почему вы емкости делаете прозрачными? — спросила я. — Ведь было бы гораздо проще, если бы не видно было, что пьешь...

— Никогда об этом не задумывался, — с полнейшим равнодушием к моральным терзаниям пациентов отозвался главный придворный целитель. — Оставляю вам целый кувшинчик с успокоительным. Пейте сами и поите всех подряд.

На этом Ирвин откланялся.

— Что в письме? — тут же повернулась я к Ричарду.

— Вы же несколько часов провели на скале в обнимку с этим письмом.

— Как я буду читать? Оно же вам адресовано, — обиженно посмотрела я на него.

В ответ он протянул мне лист бумаги.

— Читайте.

— А лучше вслух, — распорядился император. — Мне вот тоже интересно, за что я буду молодого человека известной фамилии на рудники отправлять.

— Если он в живых останется, — откликнулся на фразу императора его сын. В его голосе смешались и раздражение, и гнев, и жалость...

— Давайте сюда письмо, — приказал император. — Буду читать.

Я передала ему листок бумаги, Фредерик сначала пробежал его глазами, покачал головой. Потом стал читать.

Милорд Верд!

Я виноват. Во лжи и предательстве. И тем убийственнее, что виноват я в этом по отношению к вам, к человеку, которого я безмерно уважаю.

Все началось летним днем, когда я впервые увидел вашу новую экономку. Веронику... Вы же знаете, я всегда скептически относился и к самому понятию любви, и к тому, что ради нее можно совершать какие бы то ни было безумства... Можно. Оказывается, можно.

Наши встречи. Наши чувства. Я понимал, что ничего из этого не выйдет. Девочка-сирота из провинциального городка — и я, наследник древнего рода. Глупость же! Но никто из нас не боролся с собой. Да, наверное, это было и бессмысленно.

Правда, что открылась мне в один момент, была и вовсе ужасна. Вероника оказалась не просто девочкой, по воле случая оказавшейся в вашем доме. Ее отправили к вам, чтобы шпионить. Кроме того, она должна была стать вашей любовницей — и в идеале понести от вас.

Откуда я это знаю?

Вот тут и начинается история моего личного предательства.

Однажды Вероника сказала мне, что ей надо уехать в столицу. Она так нервничала, так старательно рассказывала, что необходимо докупить какую-то мелочовку по лавкам... Я не мог не заподозрить ее. Правда, заподозрил я ее в том, что в столице у нее есть еще кто-то. И, терзаемый ревностью, я отправился вслед за ней.

Ее отчитывал какой-то мужчина. Судя по голосу, не первой молодости. Он был в гневе. Хлестнул ее по щеке, грозил убить, если она не выполнит того, за чем ее послали к вам в дом.

Вероника плакала и пыталась объяснить, что милорд даже не смотрит в ее сторону, а просто забраться к нему в постель она не может. «Милорд Верд в гневе страшен», — говорила она и выражала уверенность в том, что подобный поступок вызовет его дикую ярость. В ответ она получила еще несколько пощечин и заверение в том, что она отправится рабыней в бордель. И тогда о гневе и ярости узнает все. Пока ее не заимеют до смерти, а уж об этом ее заказчики позаботятся.

Кроме того, ей сказали, что на ней заклятие и забеременеет она с первого раза.

И я понял, что, помимо всего прочего, Вероника, скорее всего, уже беременна. Ведь мы уже были близки.

Что мне оставалось делать? Я проследил за мужчиной, который с ней разговаривал. И убил его. Безо всяких сожалений, как бешеную собаку. Дело не завели потому, что я обставил все как сердечный приступ. Все как нас учили. Потом я кинулся вслед за Вероникой. Но было уже поздно. Напуганная девочка уже оказалась в вашей постели. В ту самую ночь, когда вы вернулись пьяный, как никогда раньше.

Что я почувствовал? Ярость. Ревность. Отчаяние. Я хотел ее убить. Я хотел убить вас. Особенно за то, что вы были в бешенстве оттого, что это нежное, чистое существо отдало вам себя. Пусть не по своей воле... А вы были недовольны.

Я перехватил Веронику, когда она убегала. Я смотрел ей в глаза и не понимал, что мне делать дальше. Я проявил малодушие. Дал денег, прикрыл магически и отпустил. Я не смог выдать ее вам, понимаете... просто не смог.

Теперь она мертва. Я — предатель. А моя дочь у них.

Я прошу прощения за тот переполох, который поднял: мне необходимо было переговорить с миледи Вероникой, а просто так к ней было не подойти.

За предательство прощения не прошу — прекрасно понимаю, что и смерть не искупит этого. Все, что мне остается, — это попытаться спасти своего ребенка.

За сим и остаюсь вашим благодарным учеником.

Граф Тробрайдж

Смолк голос его величества. Мы подавленно молчали.

— Идиоты, — высказался Фредерик. — Оба. Он — влюбленный дурак. А ты...

Он раздраженно посмотрел на сына:

— Ты когда-нибудь будешь видеть то, что происходит вокруг?

— Да мне и в голову не могло прийти... — растерянно проговорил Ричард. — Я вообще летом в поместье практически не жил. Сборы в Академии, мы на юге были. Потом я в Северной провинции порядок наводил. Губернатор там проворовался и всячески следы заметал. Людей Крайома, что занимались расследованиями, положили. Мы с военными присоединились к расследованию, пришлось вести его уже своими методами.

— Ага... В провинции порядок он навел. А в собственном доме? Ты понимаешь, что было бы...

— Понимаю.

— А я — нет, — влезла я.

— При соответствующем ритуале с помощью крови младенца рода — если он рожден от старшего сына — можно уничтожить не только отца, но и всех членов рода.

— Необходимы лишь кровь и частицы плоти тех, кого запланировано убить.

— То есть... Если бы ребенок был от тебя, — я повернулась к Ричарду, — то можно было бы убить... вас всех?

— И меня, и отца, и Брэндона, — кивнул командующий Тигверд. — Такими свойствами обладает кровь новорожденного младенца.

— Это же кошмар...

— Именно. Поэтому те, в чьих жилах течет кровь с примесью магии, практически никогда не заводят незаконнорожденных детей. И осуществляют беспрецедентные меры защиты для своих потомков.

Особенно до трех месяцев, пока кровь ребенка годится для ритуала.

— Получается, что граф помог скрыться любимой, а я — своим интересом — выдала ее местоположение... — прошептала я.

— Не бери на себя чужую вину, — обнял меня Ричард. — Мне надо было быть внимательнее... А моему ученику — довериться мне.

— А нам всем, — злобно прошипел император, — лучше искать заговорщиков. Пока они нас переигрывают. И у них не все получается только лишь из-за каких-то нелепых случайностей. Вот скажи, сын, а откуда ты вообще взял такую замечательную прислугу?

— Из агентства по найму, — пожал плечами милорд. — Откуда же еще?

— Веронику ты вообще отыскал на скамейке в парке, — проворчал император.

— И счастлив этим.

— Ну да... Если учесть, какие *профессиональные* кадры тебе выдавали в агентстве... Лучше уж первых попавшихся в дом приводить. Безопаснее будет. Простите, миледи, это я не в ваш адрес, — чуть склонил голову его величество.

— Я распорядился, — спустя короткое время проговорил Ричард, — хозяйку агентства доставят на допрос.

— Хорошо. Ко мне уже вызвали графиню Троубридж — матушку нашего кадета. Со мной, я думаю, она сотрудничать будет. — Император поднялся. И резко вышел, не прощаясь ни с кем.

Глава 17

— Обращаю ваше внимание, миледи! Я пошел работать в службу милорда Милфорда потому, что хочу служить своей Родине. Кроме того, для того чтобы это осуществить, я пренебрег пожеланиями отца и вынужден терпеть пренебрежение своих родственников. Работа в контрразведке — не самое почетное занятие. И что получается? Я фотографирую восемнадцать одинаковых платьев?!

— Они совершенно разные, господин Хикс, — сдержанно заметила Луиза.

— Но они все — желтые! — возмутился фотограф.

— Господин Хикс, прекратите истерику и давайте продолжим. С лимонным, янтарным и платьем для выхода в свет цвета салмы мы закончили. Теперь переходим к моделям персиковых оттенков, потом завершим бальной серией — цвет шампанского и бежевый. Будьте так добры — соберитесь, у нас много работы! — ледяной голос герцогини Борнмут окатил контрразведчика.

Тот увидел меня и воззвал о помощи:

— Миледи Вероника!

Стоило нам войти в редакцию «Имперской правды», как мы услышали возмущенный голос взбунтовавшегося фотографа.

— Господин Хикс, — тихо сказала я, — сегодня такой тяжелый день. Пожалуйста. Перестаньте.

Мама и Джулиана согласно кивнули, и мы прошли в большой кабинет. Мужчин-журналистов еще утром отправили собирать материал в приют Джулиана рвалась с ними, но я ее не отпустила. Мало ли что.

— Миледи Вероника, — не сдавался фотограф, — я могу с вами поговорить?

— Господин Хикс, — получилось устало. — Мне жаль, что вы восприняли поручение милорда Милфорда именно так, но боюсь, что пока заменить вас нечем. Кроме того, вы должны понимать, что мы все работаем над журналом не потому, что нечем больше заняться.

— Да что вы! — все-таки не выдержал он.

— Есть такое понятие, как пропаганда.

— И чем же ваш журнальчик сплетен для женщин может повлиять на общественное мнение?

— Кто воспитывает детей? — задала я ему встречный вопрос.

— То есть как это кто? Женщина, конечно!

— Вот именно. И эта женщина должна быть правильно политически ориентирована. Как специалист вы со мной согласны?

— И вы считаете...

— Женщина должна быть довольна и счастлива. Тогда в семье все будет чинно и благолепно. Это — во-первых. Во-вторых — кто вам сказал, что я намерена останавливаться на одном журнале? Надо делать мужской журнал. Вот вы, например, мне скажите, о чем будут с удовольствием читать мужчины?

— Не знаю...

— Вот и помогите мне — узнайте, — попыталась улыбнуться я ему. — В ближайшее время составим опросные листы — попробуем собрать информацию. Кроме того, остается самая радикальная и инициативная часть населения — молодежь. Надо понять, как в империи справляются с подростковым бунтом. Куда его направляют. Кто у вашей молодежи лидер? Кто — кумир?

— Вроде никто, — растерянно протянул сотрудник милорда Милфорда.

— Так не бывает.

— Мы — сильное государство. Империя, — раздраженно ответил мне господин Хикс. — И нам не годится заигрывать со всякими там... слоями населения.

— Если вы этим не будете заниматься, то придет кто-то со стороны. И этот кто-то воспитает ваших детей — технологии не такие уж и сложные. А потом будет очень обидно и унизительно терять страну, вы не находите?

— Вы очень умная женщина... В чем-то вы, безусловно, правы. И в чем-то я даже с вами согласен. Вы единственная женщина — уж простите меня за прямоту, — с которой можно дискутировать на подобные темы.

Хикс положил свою аппаратуру так осторожно и нежно, будто это был новорожденный младенец. Он сел в кресло, потер виски. И, казалось, сменил гнев на милость. Но это только казалось.

— Я не желаю фотографировать женские наряды! Даже во имя процветания империи. Это унизительно!

Герцогиня Борнмут покачала головой, но сдержалась и промолчала. Я поняла, что мы сработаемся. А страдалыцу-фотографу сказала:

— Найдите, кто сможет фотографировать женские наряды и рукоделие без насилия над собственной личностью. Наверное, лучше женщину. И мы переведем вас на происшествия.

— Но... — попробовал возразить фотограф.

— Послушайте, — я посмотрела ему в глаза, — сегодня действительно тяжелый день. Убита еще одна женщина. Если есть необходимость — давайте поругаемся завтра.

— Кто? — одними губами спросила Луиза.

— Девочка-экономка, которую звали так же, как и меня, — тихо сказала я, не в состоянии отделаться от мысли, что это моя вина.

— Какие сволочи... — всхлипнула мама. — Как же так...

— У нее же волосы были не золотистые. Не брюнетка она, конечно, но... и не золотоволосая, как миледи Вероника, — задумчиво проговорила Джулиана. — Скорее, шатенка.

— Это значит, что волосы ей выкрасили. А потом убили.

Луиза подумала-подумала... И выдала замысловатую, эмоциональную и абсолютно неприличную фразу. На русском языке.

— Простите... — прошептала она и покраснела.

— За что? — первой в себя пришла мама. — Могу только поддержать. Убила бы гадов.

Присутствующие дамы синхронно кивнули. И даже герцогиня Борнмут не стала высказываться, что так говорить неприлично.

Фотограф поклонился и удалился. В саду, примыкающем к нашей редакции, его уже ждали восемнадцать желтых платьев и несколько девушек. Моделей в империи не было, и продавщицы согласились помочь нам — продемонстрировать фасоны платьев для нашего журнала.

— А мы продолжим, — мамин голос утонул в каком-то неестественном звуке. Что-то шипело вокруг, пугая до истерики нас всех. Воздух вдруг стал плотным, белесым и... горячим!

— Что это?! — Джулиана, мама, Луиза и я выдали эту фразу практически одновременно.

— Не знаю, — быстро ответила герцогиня. — Но, думаю, нам лучше это не выяснять.

И мы поспешили на выход.

Не тут-то было. Дверь, в которую несколькими минутами раньше спокойно вышел фотограф, оказалась заблокирована. Мы бросились к окнам — редакция была на втором этаже. Кости, конечно, пострадают. Но Ирвин, если что, вылечит. Окна не открывались. Стулом их тоже выбить не удалось.

— Луиза, Джулиана, строим портал. Вместе, — быстро приказала побелевшая герцогиня. — Надо слить наши энергии.

Шипение усиливалось. У женщин ничего не получалось. Я смотрела в окно — и видела, как там, снаружи, мечутся мужчины. Мелькнул наш

фотограф. Появился Ричард с кем-то, кого он положил прямо на землю. Ирвин, Швангау. Еще кто-то... Должно быть, и они к нам войти не могли.

И тут шипение сменилось гулом — и наружу вырвалось пламя... Белое, раскаленное, со странным сладковатым запахом. Женщины встали в круг, взмахнули руками и застыли. У Джулианы и Луизы на лбу выступили капельки пота. Все трое были бледны и неподвижны — видно было, что они отдают все силы, но ничего не менялось. Мы с мамой стояли в стороне, ощущая какую-то гнетущую беспомощность.

— Не получается, — крикнула Луиза со слезами в глазах.

— Пробуем еще! — хладнокровно приказала герцогиня, сохраняя спокойствие. — Жаль, что вы и Джулиана — обе воздух... Сюда бы мага воды.

— А что с вашей магией? — спросила Джулиана.

— Огонь. Слабенький совсем, — вздохнула герцогиня. — И тот мне не подчиняется, я не сильно одарена с рождения и меня особо не учили.

Мама стояла. И молчала. Только руки сжала в кулаки. А мне стало интересно...

Я пошла знакомиться с непонятным огнем, который пытался нас уничтожить. В этом было свое очарование. Очарование безумия... Может быть, это сладкий, нежный запах пламени так подействовал на меня? Или притягивало оно само — яркое, белое, обещающее полную свободу. Вдруг нестерпимо захотелось сгореть! Пройти сквозь этот огонь, стать пеплом! Легким, невесомым белым пеплом. И пусть меня развеют в Пустоте...

— Привет, — сказала я. — Ты как тут оказался?

— Ника, — озабоченно спросила мама, — что с тобой?

Я захихикала. Мы все сгорим, а мама переживает — что с моим душевным здоровьем... Да какая, в общем, разница?..

Пламя вдруг вспыхнуло ослепительно белым — и заставило меня отскочить. А потом с диким шипением поползло змеей, сжимая кольцо вокруг нас пятерых.

И тут мое настроение резко сменилось. У меня в голове по-прежнему не укладывалось, что это все, конец. Во мне проснулся гнев — яростный, такой же раскаленный, как белое пламя вокруг. Это что же получается? Это какая-то тварь решила, что мы умрем, и подписала нам приговор? У Луизы не будет свадьбы, герцогиня не увидит своего сына? Джулиана и Брэндон... Они любят друг друга! А я? Мальчики, Ричард, мама...

Безудержная ярость затопила каждую клеточку, она кипела в каждой капле крови, но это не помогало нам вырваться. Те, кто планировал эту ловушку, помнили о том, как я вытаскила свою семью... И похоже,

предприняли что-то, чтобы мне не удалось это во второй раз.

Расслабиться, позвать перстень, попросить мне помочь:

— Пожалуйста... Слышишь меня? Пожалуйста... Я не знаю, кто ты такой, я не знаю, что ты такое, но здесь больше некому мне помочь... Пожалуйста...

И вдруг все исчезло — только серый, густой туман под ногами. Кто-то взял меня за руку, но я чувствую только холод. Туман стал ярко-голубым, потом темно-синим. Красиво... Красиво и холодно. Нестерпимо холодно. Женская фигура, замотанная в плащ, — она откидывает капюшон с лица, я хочу посмотреть, кто она, но туман снова становится серым, и последнее, что я помню, — портрет Милены Рэ, написанный Джулианой...

Снова белое пламя, снова тяжелый воздух, и синий луч из кольца на руке — он тяжелый, он высасывает из меня все силы, но я должна. Должна удержаться на ногах, рассечь пустоту и втоптать всех нас в узкую бирюзовую щель. Что-то горячее течет из носа и, кажется, из ушей тоже... Какие-то очень гулкие барабаны стучат и стучат в висках. Тошнит... Хочется упасть и закрыть глаза. Свернуться калачиком, чтобы было не так холодно. Нельзя. Я должна. Должна! Вырваться, обнять сыновей, вдохнуть свежего воздуха, а не судорожно хватать остатки этого, ядовитого. Увидеть небо... Сейчас весной оно такое синее...

— Мама! — ко мне подбежал Феликс.

— Предупреди Ричарда — огонь... белый, — прошептала я перед тем, как потерять сознание.

Очнулась я практически сразу. Голова раскалывалась, рука горела огнем, но самое главное — я была жива. И боль воспринималась как счастье.

— Мама? — прошептала я. — Остальные?

— Все живы, — ответил мне Феликс. — Отец спас Рэма.

— Что? — попыталась подняться я.

— Лежи спокойно! — рыкнул на меня сын. С удовольствием послушала, как в его голосе перемешались интонации Ирвина и Ричарда. Получилось... неплохо. Юный целитель подумал и добавил: — Что-то случилось в герцогстве Рэймском. Отец Рэма в последний момент вытащил.

Я откинулась на спину и уставилась в небо. А Феликс в это время отгонял от меня Ричарда и Пашку.

— Да с мамой все будет хорошо, — ворчал он. — Не мешайте только!

Через какое-то время (мне стало совсем хорошо, ничего не болело) мне удалось убедить Феликса подпустить ко мне остальных.

— Ладно, — поднялся он. — Ненадолго.

— Ника, я запру тебя во дворце у отца, — первое, что вырвалось у Ричарда, когда он меня обнял. Пашка, схвативший мою руку и прижавший ее к своей щеке, согласно кивал.

— Но газета... — попыталась возразить я.

— В бездну газету, журнал и все остальное! — взвился Ричард.

— Нет, — тихо проговорила я. — Разбирайся с заговорщиками. А мне...

— Ника, — еле слышно проговорил он — и это было страшно, потому что я ожидала взрыва... — ты не понимаешь... Ни я, ни Брэндон, ни отец, ни Швангау... Никто не мог войти в твою проклятую редакцию. Никто не мог выстроить портал. Мы могли только смотреть. Я чувствовал, как ты сходишь с ума, потом ощутил твою боль, словно ты сгорала заживо... Ника... не надо так.

— Ричард... Я тебя люблю. Но тут уж от меня ничего не зависит. Ты говоришь, чтобы я переселилась во дворец — хорошо. Только давай мы туда же переселим и остальных. И мы будем спокойно заниматься своими платьями восемнадцати оттенков желтого. Или ты думаешь, если мы рассядемся по своим комнатам во дворце и будем смиренно ждать, кто победит, то нас не тронут?!

Ричард гневно молчал. Пашка подумал-подумал и высказался... раздраженно-восхищенно:

— Ой, мама! Ну вот чего ты такая упрямая!

— Лучше расскажите, что с Рэмом.

— Мне удалось его вытащить, — ответил Ричард. — Я почувствовал, что он в опасности, и пренебрег политикой невмешательства в дела этого... герцогства. Мы с бойцами успели в последний момент. Рэм держал магическую защиту — нападавшие так и не смогли ее пробить. И одновременно отбивался. Шпага. Рана глубокая, но его жизни ничто не угрожает. Магическому потенциалу — тоже.

Еще вчера я бы возмутилась — как можно думать о «магическом потенциале», когда ребенок при смерти? Еще вчера я дулась и обижалась на Ричарда: как можно не хотеть ребенка только потому, что не соблюдены какие-то там формальности? Еще вчера. Но теперь я на многие вещи смотрела по-другому. Поэтому лишь понимающе кивнула и спросила:

— Я могу его видеть?

Ричард с Феликсом переглянулись.

— Ирвин и я... мы... погрузили Рэма в состояние глубокого сна на несколько дней. Надо срastить сосуды, и лучше делать это в состоянии

полного покоя.

Феликс говорил тихо, медленно, глядя мне прямо в глаза. Видимо, он использовал гипноз, чтобы полученная информация не привела к истерике. У него получилось, я была спокойна, потому что точно знала: с Рэмом все будет в порядке...

— А герцогиня? — спросила я Ричарда.

— Мы не смогли ничего поделать. Мы не знаем даже, жива она или нет. К тому же я не мог позволить себе задержаться — империю могли обвинить в том, что именно мы напали на герцогство. Прости, я не могу себе этого позволить.

— Понятно...

Его слова придавили меня, оставляя тоску и горечь.

— Прости, — опустил голову Ричард. — Я не всемогущ.

Глава 18

Нас доставили во дворец, выдали по кувшину успокоительного, расселили по покоям, оставили одних.

Я переоделась, одежда пахла тем самым сладковатым запахом, что чуть не свел меня с ума. Легла. Закрывает глаза. В темноте вспыхнул белый огонь, бледное лицо Джулианы, испуганное — Луизы и невозмутимое, как у каменной статуи, — герцогини Борнмут. Зазвучали голоса:

— Ничего не выходит!

— Сюда бы мага воды... Жаль, что вы обе — воздух...

— А вы?

— Огонь... Слабенький совсем. И тот мне не подчиняется...

Мой собственный отчаянный шепот:

— Пожалуйста! Помоги мне, пожалуйста! Я не знаю, кто ты такой, я не знаю, что ты такое, но здесь больше никому мне помочь... Пожалуйста!

— Помогите! Пожалуйста... помогите!

Визг тормозов, полицейская сирена, огни «Скорой помощи», голоса... Лицо герцогини Рэймской, ее длинные, тонкие пальцы. Боль, которая отступает, Пашкин крик...

— Зачем вам такой мужчина?

Холодно... Серый туман становится голубым, затем темно-синим. Красиво. Кто-то берет меня за руку — я чувствую холод...

Пламя! Белое пламя лижет мне руку — больно... Горячо и нестерпимо больно. Сладковатый запах. Портрет, который написала Джулиана. Смуглая кожа, темные глаза и синий камень в перстне на руке...

— Ричард! — заорала я и проснулась.

Рядом никого не было. И я поняла, что не могу. Не могу оставаться одна. Не в этот вечер.

Встретились мы все в коридоре в одно и то же время. Я и мама, Наташа и Джулиана. Луиза и герцогиня Борнмут. Посмотрели друг на друга. И пошли ко мне в гостиную.

Наташа уселась возле камина и мрачно уставилась на огонь. На коленях бесформенной желтой кучкой лежало забытое вязание. Джулиана что-то рисовала углем в блокноте, с которым не расставалась, кажется, никогда.

— Может, напьемся? — предложила мама.

— Хотя бы успокоительных, — покачала головой беременная

писательница. — Мне нельзя. Но очень, очень хочется...

— Значит, и нам нельзя. Из солидарности, — покачала головой я.

— Почему нет? — удивленно посмотрела на меня Наташа. — И я бы полглотка вина сделала. Какого-нибудь хорошего, красного.

— Жаль, что я в местных винах ничего не понимаю, — вздохнула я. — Можно было бы проконсультироваться у милорда Милфорда, но беспокоить его не хочется.

— Можно спросить у меня, — робко предложила Джулиана.

— В вас масса талантов, — улыбнулась ей мама.

— Именно так, — решительно кивнула знаток местных вин.

Я вызвала господина Хормса, который из всех сил старался общаться исключительно с герцогиней Борнмут. Видимо, счел ее достойной. Я, как обычно, не обращала внимания на его пренебрежение, скрытое неискренним почтением. Просто распорядилась принести ужин, а Джулиана вступила с ним в увлекательнейшую для них двоих дискуссию по поводу винной карты.

— Сразу видно настоящую леди из Южной провинции! — с искренним восторгом поклонился Джулиане распорядитель и удалился.

Ну, наконец-то управителю хоть кто-то понравился!

Художница грустно улыбнулась:

— Иной раз я думаю, что излишние таланты для женщины — многие скорби. Хорошенькие дурочки живут и беззаботнее, и счастливее.

— Увы! — рассмеялась и Наташа. — Я тоже порой так думаю.

— Ой, девочки! Бросьте стенать. Молодые, красивые — счастье вас еще найдет. Главное — от него не отбиваться. — И маменька выразительно посмотрела на меня.

— Мама... — скривилась я.

Наконец нам доставили вино и закуску.

— Итак, теперь мы все будем обитать во дворце, пока его величество не посчитает, что угроза миновала, — объявила я.

— Мне надо предупредить дочь. Ей всего девять, — проговорила герцогиня как бы про себя, ни к кому особенно не обращаясь.

Я удивилась. Герцогиня всегда владела собой, демонстрировала изящность манер и осознанность действий. Видимо, случившееся выбило ее из колеи. Еще бы...

— Может, и ее перевезти в столицу? — предложила я.

— Благодарю вас, — склонила голову герцогиня, мгновенно взяв себя в руки после, казалось, минутной слабости, — я подумаю.

Первый бокал мы выпили, помянув несчастную Веронику. Я осушила

его жадным глотком — сразу, до дна. Не чувствуя вкуса и слегка жалея о том, что это вино. А не что-нибудь покрепче. Наташа похвалила букет и перешла на сок. А мы продолжили.

— Луиза, — спросила я, — а что ты знаешь о молодом Трuebasридже?

— Достаточно, чтобы можно было с уверенностью сказать: никто и предположить не мог, что он может посмотреть в сторону прислуги.

— Слишком спесив и высокомерен, — кивнула я.

— Я бы не сказала, что слишком, — как-то скептически улыбнулась Луиза.

— Если сравнивать с некоторыми... Мальчик очень мил с окружающими и прост в общении, — пропела герцогиня, изящно обводя пальчиком край бокала.

— Если сравнивать с моим покойным мужем... Да мало ли еще с кем, — подтвердила ее слова Луиза. — Трuebasриджи не так спесивы. Но они несут свое имя гордо. Род очень расчетлив. Особенно в вопросах потомства.

— Уверена, — проговорила герцогиня, — что его мать ничего не знала об этой любовной истории.

Мы выпили, потом повторили. Потом еще. И я вдруг поняла, что отпускает.

— Не думала, что так бывает, — прошептала Джулиана.

— Такая любовь? — спросила у нее мама.

Девушка кивнула.

— Женщин отбирают для заключения брака по показателям линии разведения. Как племенных кобыл, — голос Луизы чуть дрогнул.

— Главное, — горько продолжила художница, — получить магически одаренное потомство. Любовь — роскошь, доступная лишь безродным, лишенным магии беднякам. Так что, кто богат в нашей империи — вопрос.

— Вы думаете, Трuebasридж и Ника... Они смогли бы быть счастливыми? — спросила я тихо.

— Нет, — хором сказали Луиза и герцогиня.

— Девочку у матери забрали бы в любом случае. Сразу, как только бы стало известно, что способности к водной магии ей передались, — добавила Луиза.

— Максимум — содержанка для отца ребенка. Это не приветствуется, но и не порицается. Если мужчина женат, супруга этого не замечает, — просветила меня герцогиня.

— Не замечает? — Мой голос почему-то охрип.

— Конечно. При условии, что она хорошо воспитана, — уточнила

Борнмут.

— Как у вас... интересно. — Мы обратили внимание на Наташу. Судя по ее загоревшимся глазам, ей в голову пришла какая-то мысль, и в ближайшее время мы прочитаем ее воплощение в книжке.

И мы выпили. Кто — вина. И много. Кто — как наша беременная писательница — успокоительного. Тоже немало.

Так нас и застали его величество Фредерик с наследником — очень грустных и не очень трезвых.

— Неплохо, — пророкотал император, разглядывая наши посиделки.

— Выпьем с горя, где же кружка... — пробормотала Наталья.

— Сердцу будет веселей! — продемонстрировала и я знание русской классики.

— Выпьем. — Представители августейшей фамилии плотоядно поглядывали на остатки нашего ужина.

— Вы опять голодные?! — возмутилась я. — Весь штат прислуги разогнать надо. Разрешите мне распорядиться?

— Не гневайтесь, миледи — улыбнулся император. — Некогда было. Допросы. — Его лицо стало серьезным и усталым.

— Сейчас я распоряжусь, и вам накроют, — поднялась я. — Что из алкоголя?

— По глотку вашего вина, — распорядился император. — Не больше.

— Голова должна быть холодной, сердце горячим, а мозг — трезвым, — перефразировала я слова Дзержинского о требованиях, выдвигаемых к настоящим чекистам.

— Именно так, — серьезно кивнул император, сегодня не оценивший моего юмора.

Брэндон сразу отправился смотреть, что рисовала Джулиана. Художница попыталась убрать блокнот, но не успела, и я тоже случайно увидела рисунок. Свет, обволакивающий нежную фигуру, тонкие черты лица. Счастливая улыбка. Ребенок на руках...

— Какая красивая девушка... — сказал наследник, кивнув на набросок.

— К сожалению, мертвая, — глухо ответила ему художница и быстро убрала блокнот.

— Завтра начнете рисовать нас с сыновьями, — распорядился Фредерик. — Раз уж мы во дворце, а ваши походы в приют я отменяю.

— Завтра... — невесело усмехнулся Брэндон. — Как раз день для рисования. Расследование свернем — и позировать. И Ричарда отзовем.

Император тяжело вздохнул. Но тут же решительно произнес:

— Не завтра — так в ближайшее время!

— Я готова, — поспешно сказала Джулиана. — Как только найдете время, чтобы позировать мне, я немедленно приду. Это интересная задача. Вы с вашими сыновьями... такие... похожие. Глаза, черты лица. Мощь. Властность. Какая-то странная печаль. Словно все вы что-то ищете и никак не найдете... В то же время вы очень отличаетесь.

— И чем же? — вмешался в разговор наследник.

— Вы — как ранняя весна, ваше высочество. То яркое солнце, то веселая капель, то ледяной ветер. То голая земля, занесенная снегом...

— Это значит, что я — непостоянный?

— Не знаю, — растерянно посмотрела на него художница. — Я говорю как вижу.

— Не смущай девушку, Брэндон, — улыбнулся Фредерик. — А как вы видите меня?

Джулиана прикусила язык. Похоже, в прямом смысле этого слова.

— Ну же, перестаньте, — с легкой насмешкой посмотрел на нее владыка империи. — Не думаете же вы, что вас как-то накажут, если мне что-то не понравится?

— Я так не думаю.

— Зря! Шучу. Ну — смелее!

— Вы — как огонь в камине зимним вечером. Он пытается вырваться — обогреть весь мир. Растопить лед, прогнать холод — подальше от парадного крыльца. Но это... невозможно! Если он вырвется — то все уничтожит вокруг и некому будет дарить тепло. Поэтому иногда пламя вспыхивает. От гнева и... бессилья.

— Bravo, — тихо сказал император Фредерик. — Какое точное наблюдение.

— Простите, ваше величество.

— Это же правда. А за правду не прощают.

Он поймал мой укоризненный взгляд. Понял, что сказал двусмысленность. Улыбнулся.

— В смысле — не гnevаются. И перестаньте меня подозревать в том, что я намерен хоть кому-то из присутствующих причинить вред. А то я могу обидеться.

Слуги спешно накрывали на стол, а я все думала... Юный Трoубридж предал своего наставника, чтобы укрыть любимую. И ему это удалось! Что меня понесло с Джулианой? Зачем я пошла? Девочка почти год укрывалась от тех, кто ее заслал к Ричарду. Но как только появилась я... Значит, за

мною все-таки следят.

Я не замечала никого и ничего вокруг, погружившись, как в болото, в свои переживания.

— Прекратите терзаться! — приказал император.

Они с наследником уже поели и теперь смотрели на меня. Наверное, слишком уж выразительные страдания демонстрировало им мое лицо.

— Жалко... — вытерла я слезы.

— Конечно, жалко, — кивнул Фредерик. — Очень. Мы могли еще летом схватить заговорщиков и не дать им развернуться с таким размахом. И все, что для этого было нужно, — чтобы некий влюбленный... хоть как-то включил голову. Или хотя бы доверился своему наставнику. Или — как крайний вариант — вывел свою любовницу из-под удара, помог скрыться, но... доставил ее Ричарду. Целой и невредимой. Готовой давать показания. Ну вытребовал у него под это помилование и возможность укрыть девчонку. И все были бы в выигрыше! А что в итоге? Мы мечемся и хватаем исполнителей. Благо Трuebasидж оставил следов в достаточном количестве. И сделал это нарочно. Тем не менее девушка погибла. Наш герой, скорее всего, тоже. А кто в этом окажется виноват?

Император обвел нас всех пронзительным взглядом.

— А виноват в гибели наследника Трuebasиджей опять окажется Ричард, как и в случае с Вустерами.

— Так маркиза ненавидит вашего старшего сына?.. — опешила я.

— За гибель своего сына, — подтвердил император. — Они дружили с Академией, вместе отправились служить. Оба — бесшабашные храбрецы, оба — любители пощекотать себе нервы. Да и кто боится смерти в двадцать четыре года?!

Император замолчал. Теперь уж он погружился в свои мрачные мысли.

— Ричард всего лишь выполнил приказ. Непопулярный среди юных героев, в чем-то униженный... А юный Вустер — нет. Все хотел доказать, что если он не самый сильный маг, то уж явно самый смелый...

— Приказ был отступить? — спросила я.

— Именно. Смысл операции был в том, чтобы заманить противника ложным отступлением в ловушку. Младший офицерский состав, понятное, дело, никто в детали не посвящал.

— Но Ричард не виноват, — прошептала я.

— Ровно так же, как и вы не виноваты в том, что случилось с девочкой, — поморщился Фредерик. И я поняла, что он избегает называть жертву по имени. Вероника...

— Фредерик, — тихонько спросила я. — А с сокурсниками

Тробрэджа хто-нібудзь гаворіў?

— Заче́м? — удзіўліўся імператар.

Брэндон тэм часам расказваў нашым дамам аб тым, як ён ужо падрыхтаваўся да фе́йерверку, але цяпер, у сувязі з апошнімі падзеямі, мерапрыемства прыйдзецца адкла́дзіць на неа́пра́дэляны тэрмін.

— А калі гэта будзе не свята, а... У памяць аб тых, хто загінуў? — ціхонька прапанаваў Джэліан.

— Добра. Але толькі тады, калі будуць зьвязаны ўсе віновныя, — прыняў рашэньне імператар і падыйшоў да Наташы.

— Як вы? — спытаў ён у яе.

— Да сёньняшняга дня было добра...

Наташа ўсміхнулася яму. Я назіраў за яе рукамі. Яна ўжо прыйшла да сябе і вязала дзіўнае кружэўнае чэпчык. Я зазіраўся — прыгожа. Пісьменьніца захапіла на сябе майго захапанага погляду.

— Калі ў мяне блукваюць словы і я не ведаю, аб чым пісаць далей, я беру клубок ніткаў і крок. Спачатку ніткі злучаюцца ў малюнак, а потым і словы становяцца па парадку.

— Вельмі чакаю працягу! — іскренне сказала я.

— Вам пра́ва спадабаўся казачка, якая ў мяне атрымліваецца?

— Так.

— Дзіўна. Ніякай аса́бай мастацкай каштоўнасьці я ў ёй не бачу.

— Магчыма. Але за герояў перажываеш. Як за жывых людзей.

— А давайце і мне паважаць! — раптам папрасіў яго вялікаства. — Ужо некалькі дзесяткаў гадоў не чытаў мастацкай літаратуры. Толькі адзаконныя, даклады, дачыненні. Запраекты. Скаргі. Клязьмы.

— Ваша вялікаства, — Наташа нават вязаньне адклала, — кніга — раман аб каханьні. Гэта казачка і...

— І што? — падняў на яе чорныя вочы імператар.

— Фредэрык, Наташа хоча сказаць, што такія кнігі лічацца жанскай літаратурай і мужчынам іх чытаць не ракамендуецца, — прыйшла я да дапамогі пісьменьніцы.

— Чаму? Я магу пастрадаць?

— Хіба што псыхіка, — заўважыла пісьменьніца.

— Ірвін мяне спасе, — расмяяўся імператар. — Калі вам будзе спакойна, я магу напісаць распарадак аб тым, што ведаю ўсе рыскі, звязаныя з чытаньнем. Будучы ў здравым уме і цвёрдай памяці, усю віну за наступствы беру на сябе, і вы як аўтар несеце адказнасьці не будзеце.

— Я просто боюсь, что вам не понравится, — тихо и как-то серьезно ответила писательница.

— Но если я не прочитаю, мы этого так и не узнаем. А так, возможно, у вас появится преданный поклонник! Стихии творят что хотят! — Фредерик развел руками и улыбнулся. Видимо, последняя фраза означала у имперцев что-то вроде «пути Господни неисповедимы».

Наташа как-то странно посмотрела на императора, но тут же уставилась в свое вязание. А через несколько минут, извинившись, ушла.

— А что я такого сказал? — шепотом спросил у меня Фредерик.

— Не знаю, — так же шепотом ответила я.

— Она беременна, — пояснила мама. — В тяжелом моральном состоянии. Без мужской поддержки. В незнакомом мире...

— Тогда ваша писательница хорошо держится, — покачал головой Фредерик. — Я не хотел ее обидеть. Мне действительно интересно прочитать ее... сказку.

Глава 19

Ночь никак не хотела заканчиваться. Со всех сторон окутывало, душило тягостное серое марево. Заснуть не помогли ни успокоительные, ни алкоголь. Может быть, мне стало бы легче, если бы Ричард обнял меня, прижал к себе, прошептал, что все хорошо. Я бы ему не поверила, нет... Но, может, мрак отступил бы ненадолго...

Хотелось отгородиться от мира одеялом — и остаться в кровати на несколько дней.

Но...

Никто дела, которые были запланированы на сегодня, за меня не переделает.

А завтра должен выйти следующий номер «Имперской правды».

Но сначала — проведать Рэма. Может быть, целители уже позволили ему очнуться. С ним, правда, Феликс и Пашка. Надеюсь, они смогут его привести в чувство.

Я тяжело вздохнула. И сползла с постели.

М-да... Качает. Поприветствовала Оливию. Моя верная помощница тоже прибыла во дворец.

— Синее! — всплеснула служанка руками, как только увидела платье, которое я собралась надеть.

— Именно, — кивнула я.

— Может быть, что-нибудь светленькое? Говорят, синее носить — примета плохая.

— Русые волосы тоже?

Я вспомнила, как Денис показывал мне покойницу. Синее платье, медовые кудри, веснушки...

— Миледи, вам подать успокоительное? — тут же проговорила Оливия.

— Да, — согласилась я.

— Какой-то у вас голос...

— Просто... простыла.

— Какой ужас! А командующий Тигверд знает?

— У него и так забот сейчас достаточно. — Я попыталась взять себя в руки, но платье выбрала бежевое. Наверное, синий цвет в империи теперь не будут носить никогда... Жаль. Он мой любимый. Но теперь он — цвет скорби, смерти и убийства. Вдруг очень сильно захотелось найти того, кто в

этом виноват... И уничтожить.

В комнате неподалеку, где разместили мальчишек, никого не было. Я подошла к гвардейцу, который стоял на страже, и спросила, где молодые люди рода Рэ.

— Направились в библиотеку, — известил меня стражник. — Специально просили вам передать, чтобы вы не беспокоились.

— Рэм! Я тебя обратно усыплю! Стихиями клянусь! — услышала я на подходе раздраженный голос Феликса. — Мало того что тебе лежать положено, а ты смылся, так я же тебе еще в этом и помогал. Целитель Ирвин будет недоволен.

Я остановилась, чтобы послушать. Неэтично, конечно... Зато позволяет понять, что от кого ожидать. Мальчишки, в отличие от меня, — маги. Интересно: почувствуют, что их подслушивают? И совесть простой, лишенной магии женщины умолкла.

Перстень, который нас всех вчера спас, довольно мигнул синими искорками. Я так поняла, что у молодых людей шансов засечь меня нет.

— Ты хоть знаешь, кто такие дассары? — Это Рэм... В тихом голосе тревога и какая-то обреченность.

— Кто? — хором спросили Пашка и Феликс.

— Сейчас. Расскажу. — Рэм застонал. Я дернулась было, но решила пока себя не выдавать.

— Паш, можешь камин зажечь? — Юный целитель говорил уверенно, деловито.

— Запросто! — Стало слышно, как огонь весело и уютно затрещал поленьями.

— Рэм, ложись... Сейчас... мне нужна минута, и будешь рассказывать о своих... дассарах, — проворчал Феликс.

Феликс уже настоящий лекарь. А мой сын может разжечь огонь силой мысли! С ума сойти. Я покачала головой и стала подслушивать дальше.

— Дассары... Для начала... Вселенная, с точки зрения магов, устроена по-разному. Есть миры — как наш или ваш. И есть междумирье — теневые земли. Переходя портал, мы идем сквозь них. Недомогание при переходе связано с тем, что между мирами нет энергии. Зато много существ, сосущих ее из всего, что туда попало. Даже на мгновение.

Рэм говорил словно ученик, выучивший материал старательно и наизусть.

— Теперь понятно, — ответил ему Феликс, — а как выживают тени, если им никто не попадаетея долгое время?

— Они просто исчезают. Либо их убивают. Если им и удастся

просочиться, например, к нам — с ними очень скоро расправится какой-нибудь маг или целитель.

— Да. Нам об этом рассказывали. И учили. Но ведь их убить совсем не сложно! — Слова Феликса заглушил тяжелый вздох Рэма.

Молчание длилось долго. Очень долго. Наверное, Рэм отдыхал. Или Феликс снова его лечил? Я уже хотела войти, но герцог заговорил снова:

— Кроме теневых земель, есть покинутые миры. Миры, в которых мало энергии. В одном из таких миров возникли дассары. Как они стали такими, какими мы видим их сейчас, — неизвестно. Но возможно, их предки — жители теневых земель. У дассаров осталась способность становиться невидимыми. Почти. Они могут принимать вид теней. Эти твари поглощают чужую магию — высасывают ее. И их много. Очень много...

Что-то стукнуло об пол, Пашка недовольно выругался. Вот ведь... нехороший мальчишка! Надо будет поговорить с ним. Хотя... во-первых, бесполезно, а во-вторых, я же не буду признаваться, что подслушивала... Но поговорить — надо!

— Это — дассары?! А эти саблезубые котики? Их домашние питомцы? — судя по интонациям, Пашка явно издевался.

Видимо, он нашел какую-то книгу и рассматривал картинки. Что за книга? Я тоже хочу... Черт, как же плохо, что ничего не видно!

— Это — тоже дассары.

— Круто! Они что — оборотни?

— Кто?

— Забей. Потом. Давай дальше!

— Дасы и Сары. Дасы выглядят как обычные люди. Только очень бледные. Сары — их второе «я». Дас не принимает вид животного. Его Сар идет рядом с хозяином либо сливается с ним. Именно Сары высасывают магию. Я отбивался кинжалом, и магия, как ни странно, оставалась при мне. И только когда я пропустил одного... Если бы не Ричард...

— Надо проверить твой кинжал. Это ведь тот, что тебе Ричард дарил? Наверняка там какая-нибудь защитная магия, — задумчиво протянул Феликс.

— У меня в детстве была книжка с картинками, — голос Павла стал тише и серьезнее. — Не помню, как называлась, но там были изображены саблезубые тигры. Очень похоже...

Снова наступила тишина. Видимо, мальчишки рассматривали картинки в книжке. В книжке, до которой я обязательно доберусь!

— Жуть! — проговорил спустя мгновение Феликс.

— Не то слово, — согласился с ним юный герцог. — Они идут двумя волнами: сначала быстрые, как молния, сары, потом менее расторопные дасы. Кошачьей пластики саров у них нет, но многие из них обладают поистине нечеловеческой физической силой. Сар возвращается и, сливаясь с хозяином, отдает ему энергию врага. И дас становится еще сильнее.

— А как удалось победить? Тогда, пятьсот лет назад? — спросил Пашка. Было слышно, как нетерпеливые руки листают страницы книги.

Паша умел читать очень быстро — я сама его на курсы водила. По новой методике.

Неожиданно я погрузилась в воспоминания. Пашка маленький. Самая большая проблема — двойки в четверти по математике и по английскому в четвертом классе. Слезы после полного провала на турнире в Москве. Ему было восемь. Он не пошел в школу на следующее утро. Не выходил из своей комнаты, не разговаривал со мной. Я звонила всем кого знаю — искала хорошего психолога. К психологу мы так и не попали. На следующий день сын вышел как ни в чем не бывало — веселый и голодный. Сырников затребовал. С джемом и сметаной!

С тех пор он ни проиграл ни разу... Никому.

— Чкори нашли способ. — Я вздрогнула, услышав голос Рэма. Вот ведь... расчувствовалась не вовремя. Так ведь самое важное пропустить можно. И я вся обратилась в слух, стерев ладонью со щеки что-то мокрое и почти наверняка соленое...

— Твои предки? — спросил Феликс.

— Да. На битву пришли два рода — мой и Милены Рэ. Тогда наши предки кочевали. После победы над дассарами им официально было предложено остаться в империи. Мой род ушел к Рэймским горам, а род Рэ — на север.

— И что сделали чкори? — нетерпеливо перебил Пашка.

— Щит. Они держали щит, благодаря которому воины империи были практически неуязвимы. Анук-Чи магов чкори вступили в схватку с сарами дасов. Они отвлекали их, и дасы наконец стали слабеть. Только... Энергии стихий было недостаточно. И пришлось... — замолчал Рэм.

— Что? — почти беззвучно спросил его кто-то из мальчиков.

— Чтобы напитать этот щит, нужны были человеческие жертвы.

— Что за фигня?! — возмутился Пашка. — Ваши что — отлавливали сограждан, оставшихся в живых, и резали? Чем они лучше дассаров?!

— Не говори о том, чего не знаешь! — рявкнул на него юный герцог.

— Я вас обоих усыплю. И скажу, что так и было!

— Для того чтобы щит заработал, жертва должна быть

добровольной... Воинов не брали — кому-то надо было сражаться...

— И кто пошел?

— Женщины... У нас во дворце и у Тигвердов есть галерея с портретами и именами тех, кто принес себя в жертву во имя победы...

На этом я собралась зайти, но кто-то у меня за спиной насмешливо кашлянул.

Я вздрогнула и отскочила от двери.

Развернулась и увидела милорда Швангау. Он самодовольно улыбался. Синие глаза придворного мага — узкие и длинные — хитро поблескивали в полумраке коридора. Он был похож на старого мудрого лиса, которого очень насмешил маленький нашкодивший лисенок. Я почему-то сразу вспомнила сказку про Ларсонов. Ларсон! Пусть Швангау застал меня на месте преступления, зато у него появилось прозвище...

Удрученно развернулась к двери в библиотеку, ожидая, что сейчас выглянут мальчишки и обнаружат мой позор.

Но ничего такого не происходило.

— Уж сделать так, чтобы никто ничего не слышал, — с насмешкой проговорил маг, — это я могу.

— Вы меня напугали, — сурово сказала я, помня, что лучший способ защиты — это нападение.

— Простите, не хотел, — поклонился мужчина. — Я искал вас, чтобы поговорить о вчерашнем происшествии. О ловушке в редакции. И о том, как вы спаслись. Ваши показания могут принести неоценимую пользу. Вы позволите?

— Конечно. Где вам будет удобно?

— Думаю, не в библиотеке. Оставим молодых людей в покое.

— Но они хотят найти...

— То, как можно противостоять дассарам? — рассмеялся он. — В открытом доступе в библиотеке. Конечно!

— Тогда пойдемте выпьем кофе, — предложила я.

— Кофе я люблю, — расплылся в улыбке Швангау и пропустил меня вперед.

Библиотека осталась позади, и я поняла, что так и не увидела мальчишек. Не обняла...

Очнулась я уже с маленькой белоснежной фарфоровой чашечкой в руках. Аромат крепкого кофе вернул к реальности. Да что ж такое-то — куда-то я исчезаю последнее время. Может, устала? Надо будет на все плюнуть и устроить себе выходной. Кофе, шоколад, бананы и Леонардо ди Каприо...

— Если отвлечься от того, что мы вас чуть не потеряли, — осторожно начал милорд Швангау, — то с магической точки зрения картина была прелюбопытнейшая.

— Вот уж не показалось, — проворчала я.

— Как вы спаслись? Я уже беседовал с дамами — они в недоумении.

Я кивнула на перстень и, смущаясь, проговорила:

— Попросила помочь.

— Перстень рода Рэ? — пробормотал маг.

— Совершенно верно. И мне иногда кажется, что он — живой.

— Чкори — удивительные создания, — кивнул он. — А Милена Рэ была одной из самых сильных магинь нашего мира. И я не удивлюсь, если окажется, что этот перстень... не то чтобы живой... Но что-то в этой идее есть.

— А Ричард и император смеются, когда я им это говорю.

— Они — имперцы. Несокрушимые и несгибаемые, — насмешливо проговорил придворный маг.

— А вы?

— Я? Наверное, уже нет. Жил слишком долго в разных местах. Видел слишком много всего...

— А белый, почти прозрачный огонь?

— Белый огонь? — Синие глаза превратились в две узкие щелки и просканировали насквозь. Холод пробежал по позвоночнику, стало страшно...

— Простите... Но мне необходимо было увидеть картину вашими глазами. Скажите: кроме вас и ваших дам в редакции был кто-то еще?

— Нет.

— Это точно?

— Во всяком случае, больше никого не было видно. Если и был — он был невидим и свое присутствие ничем не обнаружил. А огонь, он...

— Не утруждайте себя. Я видел этот огонь вашими глазами только что. — Швангау был взволнован и озадачен. Он что-то понял, о чем-то догадался. Узнать бы, о чем.

— Скажите, а...

— Простите меня. Я вынужден удалиться. Дело срочное и отлагательств не терпит. Огромное спасибо, что уделили мне время. Обязательно выпью с вами кофе еще раз.

Швангау поклонился и исчез.

Хитрый синеглазый Ларсон именно исчез! Но... как?! Вместо него с блокнотом в руках передо мной стояла Джулиана. Я не сразу поняла, что

она мне говорит, и тут вспомнила о конференции!

Допила последний глоток, кивнула Джулиане. И мы отправились... на подвиг. На людей посмотреть, себя показать. Кофе, кстати, был волшебный, и без вмешательства придворного мага тут точно не обошлось — умру, но узнаю, как он это сделал!

Огромный зал был полон. Мне показалось или мы с Джулианой были единственными женщинами?

Мужчины посматривали на нас с интересом, но никто представляться не подходил, и я в очередной раз обрадовалась имперским правилам хорошего тона — если мужчина не представлен женщине общими знакомыми, то заговаривать с такой женщиной права у мужчины нет.

Поэтому мы беззастенчиво пользовались этим и прогуливались, слушая все то, о чем судачили журналисты.

— Да всем абсолютно все равно, — говорил кто-то, явно горячась. — Весна. Любовь. Что им, аристократам, какие-то убийства.

— Не скажите, коллега. Убитые похожи на любовницу императора — вы думаете, Фредерик подобное спустит?

А этот рассуждал важно, явно со знанием дела.

— Я вас умоляю... Синее платье — светлые волосы, — рассмеялся еще один. — Какое-то неконкретное послание. Вы не находите?

Хорошо хоть, я сегодня надела что-то светленькое, неопределенной расцветки — решила принарядиться так, как положено в этом мире. Мы с Джулианой нашли два незанятых стула, стоящих рядом. Уселись. И приготовились слушать, чем же нас порадуют сегодня.

Какая-то группка по интересам рядом с нами обсуждала другой вопрос.

— Так зачем нас собрали?

— Грозиться будут, скорее всего.

— Все-таки редакцию жечь — это произвол!

— И не говорите. Фредерик раньше очень спокойно относился ко всему, что печатали в газетах.

— Конечно, спокойно. Он же их не читает.

— А тогда кто статью о том, что поутру казнили верховного главнокомандующего, подсунул?

— Да любовница его, иномирянка.

— Кстати, а чья она любовница?

— Ты еще журналистское расследование на эту тему затей. И у тебя газеты не будет. Навестят тебя представители «возмущенной общественности»...

— Типографию жгли и редакцию громили даже не солдаты. Офицеры.

— А любовница-то что в газеты полезла? Ладно бы женский роман...

— Говорят, она коллекционирует статьи и упоминания о себе.

— Бесстыдница.

— А что за слухи о том, что император дал ей денег, чтобы она издавала какой-то журнал?

— Да глупости все это... В любом случае женщине не хватит мозгов на такое. Потратит на драгоценности, как положено. Тем более — бал скоро.

— Говорят, журналиста, который писал обо всем этом, на рудники отправили. Вместе с главным редактором.

— Разве статьи не какая-то девчонка писала?

— И снова вы, любезнейший, говорите вздор! Ну откуда у вас подобные бредовые сведения?

Мы с Джулианой переглянулись — и я ухватила ее за руку, чтобы она не поднялась и не отправилась беседовать с коллегами.

— Заработаем неприлично много денег и сделаем им сюрприз, — прошептала я. — Успокойтесь.

— Вас и правда не волнует, что о вас говорят? — Она смотрела на меня как энтомолог на уникальный вид букашки: радуясь необычности и осторожно изучая.

Вот ведь... Журналистка!

— Джулиана... — тихонько проговорила я. — Мне как-то один очень умный человек посоветовал разделить мир на своих и не своих. Я подумала и согласилась, что это здраво. И теперь... Меня волнует лишь то, что обо мне думают и говорят *свои*. Всем остальным — и всеми остальными — вполне можно пренебречь.

— И много у вас *своих*?

— С этой осени — когда я познакомилась с имперцами — стало больше. Намного. А до этого... только моя семья.

Джулиана вздохнула — у нее с собственной семьей отношения не сложились. Ее незаурядные таланты, помноженные на решительный характер, не смогли ужиться с теми требованиями, которые ее родные и весь этот мир выдвигали к женщине. С покорностью, респектабельностью и благодарностью у нее было плохо...

Я хотела ее утешить, но она не позволила. Кинула на меня сумрачный взгляд и сменила тему:

— Что-то никто не идет к нам. Ничего не рассказывает.

— Действительно, уже с полчаса, как это действо должно было

начаться, — кивнула я.

Журналисты тоже обратили внимание на задержку и стали ворчать. Мы с Джулианой тоже переглянулись, и нас как током одновременно пронзил страх: вдруг что-то случилось? Раз ни Дениса, ни Ричарда нет...

Тут дверь стремительно распахнулась, и вошел мой отец.

— Господа! Мы приносим извинения за задержку. Однако арест преступников, виновных в серии убийств, вылился в целую войсковую операцию, которую сейчас проводят как военные под командованием ненаследного принца Тигверда...

Громкий вопль:

— Я всегда говорил, что его отставка — не более чем фикция!

Мой отец снисходительно посмотрел на несдержанного господина и продолжил:

— Итак, этим занимаются как военные, так и сотрудники милорда Брауна, нынешнего главы Уголовного розыска.

— Так пресс-конференции не будет? — раздался голос рядом с нами. Вопрос озвучил тот самый мужчина, что называл нынешнюю любовницу императора бесстыдницей.

— Отчего же? — раздался от двери насмешливый рокот.

Мгновение — до журналистов доходит, кто перед ними. Все присутствующие разом оказываются на ногах, а потом и опускаются на колени. Мы с Джулианой, чтобы не выделяться из толпы, приседаем в низких реверансах.

Меня, честно говоря, удивил этот единый и — я это ощущала — абсолютно искренний порыв. Только что все эти люди сплетничали об императоре и его близких. Кичились друг перед другом пикантными подробностями личной жизни августейшего семейства. Кто-то был насмешлив, кто-то скептичен, кто-то осуждал...

А теперь они стоят на коленях... И это не потому, что все они опасаются за свою жизнь. Нет...

— Встаньте, господа, — продолжил его величество. Нашел глазами нас с Джулианой, улыбнулся, и эта улыбка прозвучала даже в его голосе. — И дамы.

Народ поднялся и первым делом посмотрел на нас.

— Садитесь, — приказал Фредерик. И все послушно опустились на свои места. Император продолжил: — Я принял решение. И именно я расскажу вам, что происходит в империи. На самом деле. С поправкой на секретность, разумеется.

Журналисты, которые стали скрипеть перышками — как только

Фредерик произнес первое слово, — на доли секунды замерли, словно пытаясь осознать то, что им говорит император. Джулиана реагировала точно так же, как все. И только я одна наблюдала за присутствующими. Мне было интересно не столько то, о чем сейчас поведает его величество, сколько то, как отреагируют на его слова те, кого он собрал.

— Почему я обратился к вам? Ведь общеизвестный факт заключается в том, что газет я не читаю и до недавнего времени меня мало волновали даже те новости, которые относились непосредственно ко мне и к моей семье. Но этой весной я понял, что подобной позицией наношу вред не только своей репутации, но и безопасности империи. Кто-то начал очень крупную игру по захвату нашей страны. Я говорю об угрозе извне.

Фредерик переждал возгласы удивления и возмущения.

— Сегодня ночью была проведена войсковая операция, в ходе которой мы столкнулись с ожесточенным сопротивлением наемников в Западной провинции. Враги подошли со стороны Рэймского герцогства. Они хорошо подготовлены для боевых действий в горах, снабжены оружием. Их прикрывают маги.

— Результаты ночного боя? — выкрикнул с места кто-то нетерпеливый.

— Часть наемников уничтожена, часть попала в плен. В Западной провинции объявлено чрезвычайное положение, район оцеплен. Идет прочесывание местности.

— Общее количество вражеских сил?

— Около пяти тысяч человек. Еще около десяти тысяч находятся на территории герцогства. Мы предполагаем, что в случае прорыва нашей границы к ним прибудет пополнение.

— Наши потери? — внезапно услышала я севший голос Джулианы.

— Убитых тридцать восемь человек. Ранено двести пятнадцать. В том числе мой сын, принц Брэндон.

Мы с Джулианой вскрикнули одновременно.

— Надеюсь, никто не думал, что мои сыновья будут отсиживаться во дворце, пока собой рискуют чьи-то дети?

— Что с наследником?

— Им занимается целитель Ирвин. Узнать о состоянии его здоровья можно в недавно созданной пресс-службе у милорда Журавлева, — кивок в сторону отца.

— А командующий Тигверд? — спросил кто-то.

— Жив. Но недоволен, — усмехнулся император. — Вся эта история отвлекает его от руководства Военной Академией. От кадетов, у которых в

данный момент учения на юге. От личной жизни. Еще вопросы?

Я хотела спросить, что с герцогиней Рэймской, но почему-то промолчала. Остальные тоже не говорили ни слова, переваривая сказанное императором.

Фредерик окинул журналистов пронзительным взглядом, потом проговорил:

— Напоследок я бы хотел воссоздать для вас хронологию попытки захвата нашей страны. Тем более что имперская пресса сыграла в этом свою роль — и сыграла, к сожалению, не в нашу пользу. Итак... В конце лета произошло первое покушение на ненаследного принца Тигверда — именно с него решили начать уничтожение правящей фамилии. Одновременно начался захват соседнего герцогства. К сожалению, у нас с этой страной не те отношения, чтобы мы могли себе позволить немедленно ввести войска и поддержать законное правительство. В развитии данной ситуации мы серьезно просчитались — лично я до конца был уверен, что герцогиня Рэймская не допустит захвата своей страны.

Я напряглась, как только речь зашла о родине Рэма. Боялась услышать, что император сейчас вытащит из рукава, как козырную карту, тот факт, что наследник этого самого герцогства обучается в Военной Академии, которой руководит старший сын императора.

Фредерик, должно быть, понял ход моих мыслей, потому что послал мне укоризненный взгляд. Я попыталась всем своим видом выразить раскаяние. Император покачал головой и продолжил:

— Осенью было второе покушение на моего старшего сына. При помощи специально выращенной для этих целей кентерберийской змейки.

Раздался гул голосов — в империи все знали, что это за тварь. Чудовище, высасывающее магическую силу и саму жизнь из мага.

— Моему сыну чудом удалось спастись. Благодаря своей невесте.

Народ синхронно вздохнул, пораженный.

— Мы и сами были удивлены. Оказывается, от кентерберийской змейки есть спасение. Только рядом нужен человек, который не знает, что это такое, и не боится. — Император насмешливо посмотрел на меня и продолжил: — Практически одновременно покушения начались сразу на всю августейшую фамилию. И с этого самого времени в самых крупных изданиях начали активно публиковаться разнообразнейшие статьи, порочащие меня и моих сыновей. А также про всех, кто мне дорог и близок. После статьи о том, что по моему приказу был расстрелян командующий Тигверд, статьи, направленной на то, чтобы внести неразбериху в управление армией и подбить части на бунт, я не мог

оставаться в стороне. К тому же эта статья вышла именно в тот момент, когда мой сын исчез. И, как вы понимаете, все это не было совпадением. Я, честно говоря, был настроен карать журналистов. Как пособников врага. Но внезапно подумал: а откуда вам брать правдивую информацию? У меня? У командующего? У наследника?

Послышались осторожные смешки. Видимо, журналисты представили себе, как они подходят к главнокомандующему и смело задают ему вопрос: «А что, собственно, происходит?..»

— Поэтому и была создана пресс-служба империи, — продолжил свою речь Фредерик. — Ее руководителем назначен мой сын, Брэндон. Как только он встанет на ноги, он известит вас о том, как она будет работать. И теперь каждому из вас предстоит сделать выбор — вы на стороне империи или на стороне врага.

Все замолчали. Надолго.

Молчал и император. Потом он заговорил снова:

— За всеми этими событиями мы забыли о трех трагедиях, что заставили нас всех собраться в моем дворце. Гибель трех женщин — чудовищные показательные казни невинных людей.

От собравшихся послышался гул. Такой идет от волны, что идет на берег, перед тем как захлестнуть сушу.

— Вы же прекрасно понимаете, что силовые ведомства ВСЕГДА расследуют убийства. И сотрудники никогда не успокаиваются, пока преступник не схвачен. Хотя во всех газетах и была напечатана информация, где говорилось обратное... Но все понимают, что это — неправда.

И император с отеческой насмешкой оглядел журналистов.

— Убитые женщины имели особые схожие приметы. Синее платье, золотые волосы и перстень — точная копия помолвочного кольца невесты принца Тигверда. Сразу стало понятно, что это послание для моего старшего сына. И можете себе представить, какие силы были подключены к операции поимки преступника, в то время как газеты кричали о том, что мы все только и делаем, что готовимся к балу?! Но не надо думать, что убийц простых граждан империи никто не стал бы искать и обезвреживать. Вот скажите мне, за все это время, пока я у власти, сколько убийств осталось нераскрытыми?.. Правильно — нисколько. Сколько покушений на убийство осталось нераскрытыми? Правильно — одно. На командующего Тигверда этой осенью. И не потому, что мы не стараемся. А теперь о главном. Мы арестовали убийцу золотоволосых женщин. Сегодня ночью. Это наемник. Это дассар.

Снова гул голосов. Теперь разгневанный.

— Именно так, господа, — продолжил император. — К нам пришли убийцы и наемники из того мира, который однажды уже пытался нас завоевать. И все помнят, на какие жертвы пришлось пойти нашим предкам, чтобы победить в прошлый раз.

Гнев. Скорбь. Гордость.

Сейчас настолько явно эти чувства витали в зале Императорского дворца, что стали практически осязаемыми. По крайней мере, я их чувствовала отчетливо.

Взгляд Фредерика проникал, казалось, в сердце каждого собравшегося:

— И все эти убийства преследовали две цели. Во-первых, отвлечь силовые ведомства от попытки захвата Западной провинции. Можете мне поверить, план был хорош... И почти сработал. А во-вторых... Поднять одновременно с наступлением внешнего врага волну недовольства среди населения.

Молчание было мертвым.

— Так что, господа, мне остается лишь повторить: выбирайте, на чьей вы стороне. И донесите до каждого жителя империи, что всем предстоит сделать выбор. Аудиенция окончена, вы свободны.

И снова все встали на колени, ожидая, пока император покинет зал.

Глава 20

Мы с Джулианой, не сговариваясь, продолжали молча сидеть на своих местах и ждать, пока все разойдутся. Потом, когда пафосный зал Императорского дворца опустел, мы разом подскочили и понеслись. Я — в сторону рабочего кабинета Фредерика, надеясь его застать. Журналистка — за мной.

Когда ворвались, запыхавшиеся, в предбанник, где должен был находиться секретарь, то столкнулись с императором, который насмешливо поглядывал на часы.

— Вот и вы! — рассмеялся он. — И девяти минут не прошло.

— Что с Ричардом? — выдохнула я.

— Что с Брэндонем? — Джулиана.

И тут мы с императором удивленно посмотрели на нее — девушка смешалась.

— Вот даже как... — протянул Фредерик.

— Ваше величество, — пролепетала девушка, вся становясь изумительного розового оттенка.

— Вы прекрасный оратор, — заметила я, стараясь сменить тему.

— Спасибо, конечно, но...

— Слушайте, а как вы смотрите на то, чтобы организовать ваше выступление для жителей империи? Что-то масштабное? — продолжила отвлекать я.

— Как это? — Фредерик перевел взгляд на меня.

— У вас, к сожалению, нет телевидения, — сказала я. — А так было бы неплохо... Собрать через газеты вопросы, которые жители империи хотели бы задать вам. И всем продемонстрировать, как вы заботитесь о своей стране, как вам важно услышать каждого.

— Неплохо придумано... — задумался Фредерик.

— А насколько это возможно осуществить с технической точки зрения?

— С технической — никак, — улыбнулся император, — а вот с магической... Мне нравится эта идея. Я дам распоряжение магам. Пусть придумают, как это сделать.

— Фредерик, — я посмотрела на Джулиану, которая теперь была бледна, но, похоже, все-таки взяла себя в руки, — а что с его высочеством?

— Ничего, кроме собственной дури, — нахмурился император и

перевел взгляд на журналистку, у которой на губах ощутимо трепетали какие-то слова. — Вы что-то хотите мне сказать, госпожа Блер?

— Ни в коем случае, — вмешалась я. — Мы просто хотим испросить позволения навестить раненого.

— Испросить... — теперь в голосе прорезались издевательские нотки. — Вероника, беседовать с вами — просто наслаждение.

— Можно? — подняла на его величество глаза Джулиана.

Я готова была поклясться, что в них стояли слезы. Та-а-ак... И что я пропустила?

По-моему, Фредерик задумался над тем же самым вопросом. Он нахмурился, недовольно поджал губы. Действительно, романтическая история между наследником престола и не пойми кем с придуманным именем... Да еще и художницей-журналисткой...

— Пойдемте, — принял решение император. — Но визит будет возможен, если Ирвин разрешит.

— Ричард? — спросила я у императора, как только мы вышли в коридор.

— Зол, как я и говорил.

— Цел?

— Пустяки. Царапина.

— Он ранен, — похолодела я.

— Вытаскивал брата, — злобно рыкнул Фредерик. — Эти идиоты — и наследник, и его боевая группа — решили показать свою смелость и не остались в резерве, как им было приказано, а ринулись помогать обороняющим высоту. Они смешали наши порядки. К тому же у тех, кто нам противостоит, прекрасная разведка. О том, где именно находится наследник, наемники узнали чуть ли не раньше Ричарда. На той высоте еще долго ничего расти не будет. И если бы не самоотверженность охранников Брэндона... И подтянувшихся гвардейцев Крайома. Основная часть погибших — это как раз они.

— А откуда вообще взялись сведения о направлении удара? О том, что наемники пойдут на прорыв сегодня ночью.

— От Тробриджа, — нехотя сказал Фредерик. — Он так выстроил порталы, что за ним остался след. Причем настроенный на Ричарда. Отследили. Стали наблюдать. Выяснили за это время, кто с кем контактирует. Установили, что Западная провинция под пристальным вниманием. Тщательно делая вид, что мечемся по столице и расследуем последнее убийство.

Тем временем мы подошли к дверям в другом крыле дворца. За ними

мы обнаружили Ирвина, руководящего, по всей вероятности, подчиненными ему целителями, и примкнувшего к ним... Феликса.

— Привет, мам! — радостно поприветствовал он меня. Я его таким счастливым видела только один раз — когда ему разрешили подняться с инвалидного кресла и сыну удалось сделать несколько первых шагов.

Поэтому я и не стала его отчитывать на предмет того, что подобные труды и дни надо согласовывать со мной. С другой стороны, я занята. Человек тоже нашел, чем ему развлечься. И чего я буду всем настроение портить?

Ирвин осторожно посмотрел на меня — что-то сообразил. Но, увидев, что я не гневаюсь, расслабился.

— Практика по целительству? — Хотела подойти, погладить Феликса по голове. Но вдруг поняла, что он окружен коллегами. Наверное, не надо давать повода для разговоров, что он маменькин сынок. Подростки вообще плохо реагируют на ласку — как я помню по Паше. Поэтому я и остановилась.

— Именно так, — необычайно гордо сказал Феликс.

«Они уже не мальчики, они взрослые мужчины», — вспомнились мне слова Ричарда, и я впервые осознала, что он прав.

Я стояла, улыбалась. На душе было удивительно светло. И спокойно.

— Вероника! — Поняла, что меня окликает Фредерик, который уже находился в другой комнате.

— Нам разрешили провести его высочество, — пояснила я свое появление сыну.

— Это хорошо, — улыбнулся и он мне.

— Феликс хорош, когда надо дозваться до человека, который уже практически за гранью, — тихо сказал мне главный целитель. — Уникальный дар.

— Это ему ничем не грозит? — обеспокоилась я.

— Коллеги его страховали.

— А он был в безопасности?

— Конечно, — обиделся Ирвин. — Мы же не потащим в бой ребенка.

Феликс тут же надулся.

— Простите, — извинилась перед целителем и поспешила в покои Брэндона.

— Чем обязан? — поприветствовал нас с Джулианой наследный принц. Фредерик уже удалился, сославшись на дела.

Джулиана растерянно посмотрела на меня, а я... Вздохнула и вежливо ответила:

— Мы хотели удостовериться, что с вами все в порядке, ваше высочество.

Но Брэндон — то ли от боли, то ли от слабости, то ли от унижения — уже включил вельможность и надменность. И сходить с намеченного пути никак не желал.

— Я весьма признателен вам за заботу...

А тон-то какой! Ядовито-издевательски-высокомерно-ледяной...

Принц продолжил:

— Однако мне бы хотелось заметить, что в нашей империи достаточно настоящих героев, про которых вы и должны слагать свои патетические опусы. Что касается меня... Будьте добры оставить меня в покое. И впредь удовлетворять свое журналистское любопытство за счет кого-нибудь другого.

Во как! Высказался так высказался... Я вдохнула воздуха, чтобы ответить этому наследному болвану что-нибудь такое же патетическое... Но тут Джулиана всхлипнула и сорвалась с места.

У-у-у... Как все запущено.

Я с насмешкой посмотрела на бледного и растерянного принца, как-то разом превратившегося в человека. И протянула издевательски:

— Брэндон, вы — болван!

Он даже спорить не стал.

— Принять искреннее беспокойство за... Просто болван.

На этом я и удалилась.

Остановилась, чтобы попросить у Ирвина какой-нибудь вкусный и полезный спазмолитик. Поотбивалась, потому что он немедленно решил, что моей жизни угрожает опасность. Тихо проворчала причину, по которой обратилась. С удовольствием понаблюдала за алыми ушами целителя — а я-то думала, что у них на смущение иммунитет.

Рассмеялась и отправилась в тот зал, что нам выделили для работы.

Джулиана не плакала, хотя глаза у нее были красные. Она сосредоточенно перебирала фотографии. Мама посматривала на нее с интересом, но вопросы не задавала.

— Наташа у себя, — сообщила мне мама. — Сказала, что ее ни для кого нет — у нее текст пошел.

— Вот и славно, — кивнула я. — Наши мужчины в разгоне?

— Да. Они собирают материал для внеочередного выпуска газеты. Решили снова выпустить его во вторник.

— А новости провинций? — поинтересовалась я.

— Обещали что-нибудь придумать.

— Мам, займись новостями, которые Брэндон должен сообщить журналистам. Нам надо показать, что пресс-служба работает. И работает титанически. Кстати, надо штат набрать. Он ему полагается. Следовательно, пускай кого-то в помощь нам откомандировывают. А то у нас и своих дел — невпроворот!

— Хорошо, — кивнула мама. — Только к мужчинам пока лучше не лезть...

— Вот-вот, — перебила ее мрачная и расстроенная Джулиана. Но сразу опомнилась и быстро сказала: — Простите.

— Нам его высочество нахамил, — пояснила я. — Он ранен, мы отправились его проводить. Он и вызверился.

— Девочки, какие же вы глупые, — покачала головой мама. — Мужчины любят, когда они — герои. Самые сильные, самые умные, короче, самые-самые... А бедный принц сейчас ранен — следовательно, слаб. И от Ричарда с отцом отполучал за свои подвиги. И жизнью других за его жизнь заплачено. А тут вы... и он — бледный и немощный.

— Все равно это не повод хамить, — не согласилась я.

— Не повод, — не стала спорить мама.

На Джулиану этот разговор подействовал благотворно. Она хотя бы перестала сопеть, как обиженный ежик. И стала рассматривать фотографии без четко выраженного в глазах желания их спалить.

Мы с мамой переглянулись и присоединились к ней.

Что и говорить, Брэндон хорош! Настоящий принц. Особенно если сравнивать его с родственниками — подавляющим своей мощью отцом и мрачным, как смерть, Ричардом.

Вот он по-мальчишески задорно улыбается. У меня сложилось ощущение, что именно в этот момент он смотрел на Джулиану, задававшую ему какой-то вопрос.

Вот принц делает выпад шпагой — и на снимке видно, что он и силен, и изящен.

Вот он в группе своих сотоварищей проходит полосу препятствий. Все замызганные, вымотанные, но веселые.

Вот он танцует, читает, спорит. О чем-то задумался, что-то рассказывает, набивая чем-то картонный тубус. Наверное, готовится к запуску фейерверков, до которых сейчас, увы, никому нет дела.

— Он просто злится, считая, что он слабее и отца, и старшего брата, — тихо сказала мама. — Не сердись на него, девочка. Хотя... если у вас отношения...

И мама печально покачала головой.

Джулиана покраснела.

— Я глупа и смешна, — тихо проговорила она.

— Нет, — отрицательно покачала головой мама. — Ты не глупа и не смешна. И принц вполне мог увлечься тобой. Вопрос в том, будешь ли ты счастлива с ним. Позволят ли вам быть счастливыми...

— А давайте-ка отправимся обедать, — предложила я. И разговоров я подобных не люблю — все равно каждый решает все для себя сам. И место для таких бесед было выбрано неудачно. Ну действительно, где еще беседовать о чувствах к наследному принцу, как не в Императорском дворце? Особенно после того, как Фредерик так внимательно рассматривал не к месту разволновавшуюся Джулиану.

Я распорядилась насчет обеда. Напомнила, что его величество тоже нуждается в пище, и не всегда только в духовной. Велела, если он во дворце, обязательно его покормить. Если его нет, узнать у секретаря, покормят ли мужчин вовремя.

Затем мы отправились втроем к Наташе, решив проконтролировать процесс и ее питания.

Преодолев сопротивление писательницы, которая капризничала и требовала, чтобы ее оставили наедине с ее вдохновением, мы вытащили ее на обед. Чтобы не заставлять женщину наряжаться и дать ей возможность остаться в уютной пижаме, я распорядилась, чтобы обед подали в ее комнаты.

— А после обеда все идут гулять в дворцовый парк, — велела я.

— Но ответил людоед: «Нет!» — решительно отвечала Наташа. — Сегодня меня никто из удобной формы одежды не вытряхнет. А если попытается, то много-много интересного текста не получит!

Поскольку мне было исключительно любопытно, что наша талантливейшая напридумывала еще и появился ли в тексте кто-нибудь, похожий на императора Фредерика, то я малодушно сказала:

— Ладно.

И добавила решительно:

— Но завтра обязательно. И ужинаешь ты с нами!

* * *

Разошлись мы уже около полуночи — если так пойдет дальше, то у нас все будет написано вперед на несколько месяцев. Постановили, что журнал будет выходить по вторникам, а газета «Имперская правда» — по

пятницам. А еще срочные номера... Тоже, получается, по вторникам?

Додумались до слогана для газеты. *«Правда и ничего, кроме правды»* — звучало замечательно.

Все. В состоянии зомбика я потащила в свои покои, радуясь бесконечно тому, что у меня есть Оливия, которая не только помогла мне с утра собраться и одеться, но и озаботилась, чтобы мы пообедали и поужинали. Она же помогла мне раздеться. Потом душ — и я рухнула.

В скором времени я поняла, что мало устала. Заснуть я не могла. К этому примешивалось мерзкое самочувствие и ледяные конечности, которые, как я ни крутилась под одеялом, согреть не получалось.

И шерстяные носки вместе с волшебным саквояжем, в котором могло появиться все, что ты представишь, остались в нашем с Ричардом городском доме.

Я всхлипнула от острой жалости к себе. И тут раздался родной голос Ричарда. Ворчливый.

— И вот что тебе не спится?

— Ты пришел, — прошептала я.

— Часа на три-четыре, — теперь в голосе появилась насмешка. — Дай полотенце, я в душ.

Поднялась, дала ему все что требовалось.

— Я сейчас, — сказал Ричард.

От него веяло усталостью. Каким-то остервенением. Мне показалось даже, что от его одежды пахло кровью.

Вернулся он быстро, расчесывая по пути волосы, чтобы высохли.

— Я очень хотел забросить вчера все дела. Я чувствовал, как ты ворочаешься, думаешь и не можешь заснуть. По большому счету, — Ричард нежно меня поцеловал, — тебя сейчас не стоило оставлять одну. Но...

— Ничего. — Я прижалась к нему.

— Ты дрожишь? Заболела?

— Нет. Никак не могу согреться. И заснуть.

— Иди ко мне, я тебя согрею.

И через мгновение, прижав мои ледяные руки и ноги к себе, добавил:

— Ледышка. Жуткая ледышка.

— Зато ты — горячий. — Глаза стали закрываться у меня сами собой.

Я чувствовала, как он улыбается. Потом его руки стали меня поглаживать.

— Только никаких поползновений, — честно предупредила я.

Он тихонько рассмеялся, уткнувшись носом в мою макушку.

— А целоваться можно?

— Спать. Просто спать, — широко зевнула я.

— Слушаюсь, — вроде бы согласился он, но заворочался и спросил: — Ника, мне доложили, что ты просила обезболивающие у Ирвина. Что-то серьезное — и ты решила скрыть это от меня?

— Нет.

— Тогда — что?

Я скривилась:

— У меня женские недомогания, мне больно, я ненавижу весь мир. Не могу согреться. Достаточно?

— Меня ты тоже ненавидишь?

— Тебя в первую очередь, — согласно кивнула я.

— А меня-то за что?

— Поясняю. У меня женские недомогания, — повторила я.

Через какое-то время я поняла, что ничего не происходит. Я по-прежнему лежала спиной к Ричарду, а он... Почему-то только сопел. Обиженно. Таких звуков в исполнении командующего Тигверда мне еще слышать не приходилось, поэтому стало дико интересно: а что, собственно, происходит?

Я развернулась к нему. И вопросительно посмотрела. А потом еще и спросила:

— И что?

— Я был уверен... Я был просто уверен. Раз я пошел на поводу у твоих желаний. И... почему?

И он требовательно уставился мне в глаза.

Я погладила его по щеке.

— Колючий, — улыбнулась я. — И пыхтишь, как еж.

— Кто? — как-то не оценил перевода темы Ричард.

— Могучий, боевой и очень непонятный. Еж.

Ричард закрыл глаза. Обнял меня, прижал к себе, словно боялся, что я убегу и забаррикадируюсь. Прижался щекой к моему виску и тихо проговорил:

— Я был уверен, что не сегодня, так завтра ты сообщишь мне, что ждешь ребенка.

— Даже так?..

— Ты злишься?

— Значит, пошел на поводу у моих желаний... — протянула я.

— И у своих тоже, — по-прежнему тихо проговорил он. И я вдруг поняла, как он вымотан. Насколько он устал. И император говорил о том, что Ричарда ранили.

— Тебя хоть кормили сегодня?

— Шутишь? Во-первых, у военных обед по расписанию. И Джон в боевых условиях... Он организует все четче и быстрее, чем в поместье. Не пирожки и блинчики, конечно...

Я усмехнулась, вспомнив его личного слугу. Да уж, если господин Адерли присматривает за милордом, то беспокоиться действительно не о чем. Я потерлась щекой о его щеку. И спросила:

— А во-вторых?

— Твое обращение с требованием найти всех нас и накормить. Отец смеялся: «Распоряжения миледи Вероники исполняются быстрее, чем мои собственные». Ты не представляешь, какой был переполох.

— Так ты не голодный?

Ричард ничего не ответил, только улыбался.

— Джоконд, — проворчала я.

— Кто это?

— Символ загадочной улыбки.

— И почему мне кажется, что мне только что сказали какую-то гадость?

— Даже не знаю, с чего ты так решил.

Спустя еще мгновение я поняла, что он дремлет. У меня к нему была масса вопросов. Но будить его было жалко. Поэтому я легонько погладила его по щеке — он потянулся к моей руке и уткнулся в нее губами — и легла, подбираясь к его большому и теплomu телу поближе.

— А почему ты какие-нибудь теплые носки не наденешь, раз мерзнешь? — Ричард подтянул меня поближе.

— У меня их во дворце нет, а купить... Меня же никуда не выпускают.

— Что-нибудь придумаем, — ответил он — и в ту же секунду уже спал. А может, и не просыпался во время всего нашего разговора — кто знает.

Я улыбнулась и угнездилась рядом. Прижала ледяные ноги и руки к нему, как к печке. И сладко заснула.

Глава 21

Когда я проснулась, Ричард нежно касался губами моей щеки. Он был одет и явно собирался уходить. Я посмотрела на окна — едва-едва начинало светать.

— Прости, не удержался, — тихонько рассмеялся он.

— Сколько времени?

— Очень рано.

— Тебе пора?

— Да, любимая.

— Ты с этими нервотрепками и не поспал совсем.

— Я тебя люблю.

Когда он это произносил, на его лице — обычно очень и очень сдержанном — появлялась целая гамма чувств. Радость, нежность... И какое-то умиротворение, словно его переставало что-то грызть глубоко изнутри.

— И я тебя... — прижалась я к нему.

— Мальчишек я заберу. Пускай займутся чем-нибудь полезным вместе с сокурсниками.

— Но Рэм еще слаб.

— Слушай, никто не будет настаивать на том, чтобы он преодолевал полосу препятствий в первый же день, — усмехнулся командующий. — Но занять его чем-то надо. Это поможет ему спастись от дурных мыслей.

— А герцогиня?..

— Ничего не известно, — помрачнел Ричард. — Мы искали ее. Не нашли. Ни живой, ни мертвой.

— Слушай, я вот подумала... Это же наемники?

— Точно.

— А кто им платил? Кто все это затеял?

— Тебе рассказывали о нападении дассаров на наш мир?

— Нет. Но я подслушивала, — смутилась я. — Мальчишки говорили. Только я не поняла: чем они были так опасны?

— Они блокируют магию, забирая энергию себе. Как тебе объяснить... Дассары — как артефакты. Забирают себе магию и пользуются ей. Вот только время использования ограничено. Если на бой с ними вышли маги — перевес моментально на их стороне.

— Значит, против них нужны войска немагов?

— Теоретически — да. Но проблема в том, что дассары — машины для убийства. Они очень сильны и невероятно многочисленны. Их очень много. И сейчас это не просто воины — дасы и сары. За эти пять сотен лет у них появились касты. Мы столкнулись с тем, что высшая каста их магов чем-то обладает. В основном — артефактами, которые они, скорее всего, у кого-то захватили. Остальная управляемая ими масса по-прежнему не очень умная. Но очень и очень сильная. Воины.

— А чего они хотят?

— Земли, миры. Их очень много, им негде жить.

— Понятно. Демографический кризис.

— Что?

— Да так, ничего... Значит, в прошлый раз они попытались завоевать земли. А сейчас?

— А сейчас у нас — вторая попытка завоевания. Наверное, с той же самой целью. Но сейчас они действуют далеко не столь прямолинейно. Ими явно кто-то руководит. Этот артефакт-ловушка... У дассаров не могло появиться магии такого уровня. Даже за пятьсот лет.

— Какой артефакт?

— Мы нашли четыре артефакта-ловушки, не дававшие нам войти в типографию.

В черных глазах любимого замелькало пламя. Ричард сжал кулаки, а я вспомнила про огонь и только сейчас осознала, что же он пережил тогда. Он видел, как здание пожирало пламя, и ничего не мог сделать!

— Ричард, — я прижалась к нему, — ты... видел, что мы горим?

— Горите?! — Ричард внимательно смотрел на меня — Нет. Пожара не было. Огня никто не видел.

— Это потому, что пламя было белым.

— Белым?!

— Да. Дассары способны управлять белым огнем?

— Нет. Дассары — не стихийники. И — белый огонь... Не знаю. Может, тебе показалось? Ты так испугалась. Хорошо, что Эльза, Луиза и Джулиана наделены магией и им удалось тебя вытащить.

Ричард сжал мое лицо в ладонях. Он был так трогательно нежен и заботлив, но... Я вскипела от такой наглости! Вот почему Швангау в меня поверил сразу!!!

— Это я их вытащила! Мне помог перстень. Джулиана, Луиза и герцогиня пытались, но у них ничего не вышло. И кто такая Эльза?

— Как кто? Герцогиня. Эльза Борнмут.

Вот тут мне стало стыдно. Работаю с человеком и даже имени ее не

знаю... С другой стороны, откуда мне знать? Ее по статусу положено величать герцогиней Борнмут — она так и представляется всегда.

— Но в этот раз вы можете им противостоять? Дассарам? — вернулась я к интересующей меня теме.

— Да. За пятьсот лет появились новые ресурсы, артефакты. Кинжал, который я подарил Рэму, — артефакт, блокирующий попытку забора магии. Дассарам он противостоит в том числе. Кроме того, этот кинжал передает главе рода призыв о помощи. Его я и услышал.

— А того, кто за этим стоит, ищут?

— Бесспорно. Крайом роез здесь, в империи. Твой отец — в нашем мире. Милфорд сейчас организует ряд диверсий и несчастных случаев у дассаров дома. А я в Западной провинции отлавливаю тех, кто к нам сунулся. Вероника, на самом деле — им конец. Они вышли на открытый бой. И мы их просто уничтожим.

— Нам нет преград ни в море, ни на суше...^[1] — проворчала я. Подумала и добавила: — И все-таки кто-то им помогает. И этот кто-то — имперец. И я убеждена, что это женщина.

— Это вряд ли. — Ричард улыбнулся и поцеловал меня.

А я продолжала размышлять:

— Вы рассредоточились. И тогда есть несколько вероятных направлений удара. Это столица. Или... Южная провинция.

— А там-то что им может понадобиться?

— Там дети. Целая Академия. И приказал вывезти их туда именно ты. И Паша, Рэм и Феликс. Любому ясно, что эти дети — твои болевые точки.

Ричард скривился. Еще подумал и напрягся.

— Если допустить, что дассары договорились с кем-то, кто имеет право на престол... — протянул он.

— А на престол лучше всего всходить как освободитель от захватчиков, когда родина в опасности, а ты ее спасаешь. И тогда становится понятным, зачем все эти заигрывания с прессой.

— И будет нам диверсионная война, — скривился он.

— И вероятные направления ударов...

— Те, что ты сказала.

— Как вариант — еще Северная провинция.

— Зачем?

— Там твои земли.

— А если они еще и договорятся с Османским ханством, чтобы те ударили с юга... — задумался Ричард. — Надо, чтобы отец связался с ханом, обрисовал картину и предотвратил это. Что такое нашествие

дассаров, помнят и в ханстве.

— Надо высчитывать персонажа, который собирается взойти на престол. Иначе исполнителей мы можем отлавливать до бесконечности.

— Отец уверен, что у него двое детей. Я и Брэндон.

— А... Он может ошибаться?

— Вряд ли, — улыбнулся Ричард.

— Кто-то до него? — мелькнула у меня мысль.

— Ты имеешь в виду деда?

— Как вариант. Совсем уж дела давно минувших дней... Вряд ли.

— Отец сейчас разыскивает императора Максимилиана. Но пока безрезультатно.

— Что? — изумилась я.

— Люди, наделенные магической силой, живут долго. Очень долго. И рано или поздно они меняют свою жизнь, когда им становится невыносимо скучно. И императоры — не исключение. Рано или поздно они передают свой трон наследнику и удаляются. В случае с отцом и дедом это произошло не совсем мирно. Они просто не выносили друг друга. И как только появился на свет Брэндон, император Максимилиан решил, что моего отца можно и убрать из очереди на престол.

— Даже так?

Ричард кивнул:

— Там было длительное противостояние, которое закончилось тем, что отец стал сильнее. И взошел на престол. И мы с ним остались в живых.

— И он просто отослал императора Максимилиана?

— Наложил заклятие. Император лишится магии, если ступит на землю империи.

— И чем твой дед занимается?

— Первый месяц, я подозреваю, он просто спал. Появиться здесь, чтобы проконтролировать нашу жизнь, он не мог. Думаю, они с супругой странствовали. Потом строили новую жизнь. Боролись со скукой как могли.

— Занятно. Мне кажется или у Фредерика тяжелые отношения не только с отцом, но и с матерью?

— Они оба холодно относились к наследнику.

— Странно.

— Может быть, — равнодушно кивнул Ричард. — Только любовь прежнего императора к своей супруге... Это легенда у нас в стране. И вместе с тем абсолютная правда.

— Но должен же быть кто-то... И если это не Фредерик, не ты и не твой брат — значит, есть четвертый.

— Всех придворных дам, с которыми у отца были отношения после смерти мамы... проверили. Там ничего.

— А... прости... — Я отвела глаза.

— Пока была жива мама... Была только она. А потом... она и императрица.

— Кстати, а что случилось с супругой его величества?

— Она погибла при странных обстоятельствах. Практически сразу после гибели мамы.

— Что за обстоятельства?

— Сам я не в курсе, как ты знаешь, я в тот период был достаточно невменяем.

— Однако...

— Целитель Ирвин ничего сделать не успел — горячка, перешедшая в воспаление мозга. Как потом выяснили, почувствовала она себя нехорошо с вечера, но к Ирвину обращаться не стала. Выпила обезболивающее и легла. Утром уже все было напрасно. Она просто сгорела. За сутки. Не приходя в себя.

— У вас разве так бывает? — Я вспомнила все случаи, когда сталкивалась с целителями в этом мире.

— Как мы знаем, бывает все...

Ричард склонился ко мне, поцеловал.

— Опаздываю, прости.

Уже около двери остановился и, не оборачиваясь ко мне, проговорил:

— Я распоряжусь, чтобы охрану дворца усилили. И разверну дополнительный батальон в том районе, где у нас кадеты на сборах. И... я счастлив.

— Я тоже, — прошептала ему в спину.

Он ушел.

Как ни странно, я заснула. Это был просто подарок. Проснулась в отличном настроении, с желанием свернуть горы.

Об этом и заявила Оливии.

А после завтрака ко мне пожаловал секретарь его величества.

— Миледи Вероника, — поздоровался и поклонился Карл, — его величество разрешил вам покидать дворец. С усиленной охраной, разумеется. Он распорядился, чтобы вы решили вопрос с типографией и составили список всего того, что необходимо приобрести для редакции. Если учесть, что газета должна выйти в пятницу, то я бы хотел получить информацию уже сегодня.

У меня все внутри оборвалось.

Вот что за бред выманивать меня из дворца так... глупо! Но реагировать на все это надо быстро, если, конечно, я хотела что-то предпринять. Но сначала надо было понять, кому можно доверять... От личного секретаря его величества я точно не ожидала подобного.

— Наконец-то! — постаралась радостно улыбнуться я. — А то во дворце мне как-то тягостно. И дел за неделю накопилось много.

С каждым словом мне было все легче и легче изображать восторг.

— Миледи Вероника! — обиженно проговорил секретарь. — Все действия его величества продиктованы только заботой о вашей безопасности.

— Я понимаю это, Карл. Но очень рада, что все закончилось! Оливия, пригласите ко мне моего сына. Мне надо поговорить с ним о его самоуправстве, а то меня потом не будет.

Я взмолилась всем святым, чтобы сын остался во дворце. Чтобы Ричард его не забрал. Чтобы Ирвин его задержал.

Пока мы ждали Феликса, я предложила секретарю выпить со мной кофе. И он не отказался.

— Я просто в восторге, с какой легкостью вы управляетесь с обслуживающим персоналом во дворце! — между тем говорил мне секретарь. — Например, вчера...

— Перед уходом надо не забыть распорядиться, пусть проконтролируют, чтобы его величество пообедал.

— Это было бы замечательно! Император все время забывает.

— У него же столько дел!

— Именно так.

Феликс вошел с полным выражением недоумения на лице. Я не дала ему и рта открыть.

— А скажите-ка мне, уважаемый, почему я узнаю о том, что вы продолжаете игнорировать мои приказы? Почему вы, несмотря на мой вчерашний запрет, работаете на милорда Ирвина? Кто вам позволил?

Хорошо, что ребенки у меня умные и быстро соображающие. Как только сын отмер, он обиженно протянул:

— Я занимаюсь тем, что мне нравится.

И ни слова о том, что это мы вчера все обговорили.

— А мой прямой запрет?

— Но... господин Ирвин...

— Значит, это он привлек вас снова к работе?

Феликс потупился:

— Да, матушка.

— Мне необходимо с ним поговорить до того, как я уеду из дворца по поручению его величества.

— Пригласить его к вам?

— А где он сейчас?

— У его высочества.

— Наверное, не нужно отрывать главного целителя от его обязанностей... — осторожно заметил секретарь.

— Вы правы, Карл. Тогда я зайду к нему, — решила я. — Вы распорядитесь об охране и карете?

— Конечно, миледи.

На этом мы и покинули мои покои.

Мы с Феликсом шли коридорами молча. Замешан секретарь или нет? Мог ведь к нему подойти кто-то, кого он посчитал императором. Я вспоминала, как, например, Ричард *приказал* клану наемных убийц убрать сначала барона Кромера. А потом Брэндон — меня. Другое дело, что ни старший сын императора, ни младший до сих пор не знают, кто так ловко за них поработал...

И как лучше мне поступить? Отсидеться во дворце? Или?..

Передо мной распахнули дверь, и я начала сразу, с порога, проникновенную речь:

— Господин Ирвин, а почему продолжаете привлекать моего сына к работе? Какое право вы имеете?

— Прошу прощения, миледи Вероника, — с извиняющимися интонациями проговорил умница-целитель, принимая мою игру. — Я увлекся, а помощь милорда Феликса просто неоценима.

— В следующий раз, пожалуйста, ставьте меня в известность о подобных... явлениях заранее, чтобы мне не приходилось перед тем, как уезжать из дворца, еще и разыскивать вас.

— Слушаюсь, миледи, — сказал целитель, а в его глазах мелькнуло понимание.

«Ага! — хотелось мне сказать, — сама в шоке...»

— Это миледи Вероника пришла навестить меня? — раздался из покоев принца голос Брэндона.

— Именно, ваше высочество! — отрапортовал целитель.

Я пожала плечами и прошла из гостиной, которую оккупировали целители, дальше, в спальню. Ирвин шагнул за мной.

— И что происходит? — спросил он у меня, не обращая внимание на Брэндона.

— Его величество распорядился, чтобы я посетила типографию и для

этого вышла в город.

— Что?! — хором спросили у меня и принц, и целитель.

— Он прислал за мной своего секретаря.

— Это бред, — уверенно сказал Брэндон.

— Ваши покои могут прослушиваться? — прямо спросила я у третьего лица в государстве.

— Нет, — удивленно ответил он.

— А просматриваться?

Он отрицательно покачал головой, уже улыбаясь.

— Вот зря вы так, ваше высочество! Из императорского кабинета тоже как-то велась незапланированная трансляция. И из коридоров дворца.

— Возможно. Но это все-таки мои личные покои. И защиту я ставил сам. И сам ее проверяю, — ответил мне принц. — Теперь о вашем выходе в город. Я против.

— Но это шанс! Возможно будет захватить тех, кто придет меня убивать или похищать.

— Угу. А потом меня, императора и главного целителя — заодно — придет убивать разъяренный брат. И будет он в своем праве. Так что никуда вы из дворца не пойдете. Ни за что. Я свяжусь с отцом и братом — пусть они в типографию высылают своих людей. Вы собой рисковать не будете.

Он на минуту-другую словно отключился. Потом распахнул глаза.

— Всех известил. За секретарем следят люди Крайома. Женщина, вас изображающая, вместе с охраной выйдет отсюда через пару минут. Посмотрим, к чему это приведет. Кстати, его величество распорядился, чтобы вы побыли ближайшие час-другой в моих покоях.

Глава 22

Действительно, через несколько минут я услышала, как кто-то моим голосом — неужели я действительно так противно говорю? — отчитывал Ирвина и Феликса, а потом и возмущался тем фактом, что охрану увеличили.

— Теперь вы меня и во дворце сопровождать будете? — возмущенно поинтересовалась я у кого-то.

Брэндон, который внимательно смотрел на меня, засмеялся.

— У вас такое забавное выражение лица...

— А кто там? — кивнула я на дверь, ведущую из спальни в гостиную.

— Кто-то из дам, работающих на Крайома, — ответил наследник. — Безусловно, сильный маг. Вот она и отправится в типографию. И посмотрит, кто вас там ждет.

— А вот мне интересно... Что я — с точки зрения заговорщиков — должна была сделать?

— Немедленно выполнить приказ императора Фредерика, разумеется, — удивился принц. — А как еще?

— То есть никому и в голову не пришло, что я могу не послушаться? Или запаниковать?

Брэндон лишь пожал плечами. Потом подумал и заметил:

— Это очень хорошо, что вы не стандартная. И в чем-то неправильная.

— Вот спасибо, — фыркнула я.

Мы замолчали.

Время тянулось медленно. Его высочество, хотя был одет, пребывал в постели, из которой ему категорически не разрешали выбираться. Он просматривал документы, недовольно хмурился. Я, сидя в уютном кресле, читала детектив, непонятно как оказавшийся в кабинете Брэндона, — мне его принес Ирвин. Он же повторил приказ императора — пока идет операция по задержанию, я никуда не выхожу из покоев наследника. И не порчу сюрприз службы безопасности для деятелей, что решили выманить меня из дворца.

Сосредоточиться на тексте я не могла, да и книжка оказалась не захватывающей. Много трупов, кровь рекой и слишком противный главный герой — бездна пафоса и минимум толка. И вообще, у меня создалось впечатление, что тот, кто это писал, представлял себе работу сотрудников Уголовной полиции весьма и весьма невнятно.

Тут я зафыркала, насмехаясь над собой — тоже мне, специалист. Хотя... Если бы у меня была фантазия написать детектив... Я вспомнила и сотрудника полиции, который сначала пообещал мне, что потащит меня в карету за волосы, а потом дал мне совет не подписывать никаких бумаг. И целителей, которые меня спасли. И палача, что отправился за милордом Милфордом... Я так и не уяснила для себя — хорошие люди мне встретились в тот страшный день или все-таки плохие. Но они были интереснее, чем те фигуры, что автор описывал в своем тексте...

— Вы одновременно и хмуритесь, и посмеиваетесь, когда читаете, — обратил на меня внимание наследный принц. — Что-то совсем невозможное?

— Можно сказать и так, ваше высочество.

— Вероника, — поморщился молодой мужчина. — Мы же с вами договорились общаться без официоза.

— Тогда объясните мне, что было вчера?

Принц насмешливо фыркнул.

— Понимаете, я бы хотела понимать, когда с вами можно разговаривать. Хоть как-то. А когда не стоит. — Я с удовольствием отложила книгу и подняла на него насмешливый взгляд.

— Со мной не стоит разговаривать, когда нет ничего, кроме праздного любопытства. Или профессионального интереса.

И такая надменность в голосе. Ну просто барство дикое...

Все-таки преподавательский опыт — он бесценен. Особенно когда возникает жизненная необходимость как следует продышаться и тщательно посчитать циферки перед тем, как что-то кому-то ответить. Сколько раз мне приходилось молчать, пока слова облекались в цензурную форму. Вот и еще раз пришлось...

— Мы с Джулианой просто беспокоились, — попыталась я еще раз. — Его величество сообщил, что вы были ранены.

— Я не приемлю жалости, — это прозвучало высокопарно.

Тут я умилилась. Ну вот что на него злиться — детский сад, он и в империи детский сад. А тут еще и имени августейшей фамилии...

Покачала головой — и вернулась к подвигам и приключениям главного героя. И кого-то он мне глупостью, надменностью и патетичностью напоминает.

Хихикнула. И стала читать. Теперь, когда я представляла наследного принца на месте храброго следователя Уголовной полиции, текст пошел легче.

Время от времени я ловила на себе настороженные взгляды. Наконец

наследник решился:

— Вы обиделись?

— Нет, — ответила я, не глядя на него, и перевернула страницу.

— А... госпожа Блер? Вчера?

— Я думаю, об этом надо спросить госпожу Блер. А вы как считаете?

— Вы все-таки рассердились.

— Просто мне нравится, когда я понимаю: можно ли общаться с человеком... Или все-таки не стоит. И крайне раздражаюсь, когда это самое мнение приходится менять. Что же касается вас...

— Вероника, я бы хотел извиниться, — перебил меня Брэндон.

— Вы знаете, я не любитель давать советы, но в вашем случае я, пожалуй, изменю своему принципу.

Теперь замолчал принц.

— Никогда, слышите, никогда не срывайтесь на тех, кто дорог вам. Это-то как раз и вызывает жалость, которую вы не приемлете. Я правильно поняла? Так вот — сильный человек признается самому себе в том, что его беспокоит, и найдет в себе силы выяснить этот вопрос с тем, кто ему не безразличен... Злитесь на себя — разбирайтесь с собой лично. Есть претензии к Ричарду — пойдите и выскажите их ему. Недовольны отцом — опять-таки идите и беседуйте с ним. С женщиной, которая вам нравится, тоже можно поговорить — хуже не будет.

Брэндон горько рассмеялся.

— Оооо, вот только не надо, — поморщилась я. — Что в вашей семье за манеры! Трое замечательных мужчин — умных, порядочных, талантливых, сильных, красивых. Загляденье. И что... Один мучается тем, что бастард. И все плохое с ним случается именно поэтому. Другой страдает исключительно потому, что император. А третий...

Я посмотрела прямо в глаза принцу. Да... Было видно, что он в ярости. Вздохнула, понадеялась, что он не будет превращать меня, например, в жабу. Хотя ладно, если что — Ричард меня расколдует.

— Брэндон, — сказала я значительно мягче, чем планировала. А что — чувство самосохранения и мне не чуждо, между прочим. Я мать троих детей — мне себя беречь надо! — В общении с людьми или в управлении государством мы все ошибаемся, когда что-то делаем. И это не потому, что вы более слабый маг или менее любимый сын, чем Ричард. Кстати, и то и другое — неправда.

— Да что вы... — ядовито протянул младший сын императора.

— Знаете, со стороны виднее.

— Вы же ничего не знаете...

— Отчего же. Я много общалась и с вашим отцом, и с вашим старшим братом. И я, например, помню, что Фредерик говорил вам после того, как вы смогли снять заклятие, которое на вас повесили...

Тут я запнулась.

— Что же вы... Продолжайте, — желчно обронил наследник.

— Вы как маг необыкновенно сильны. Вы самостоятельно сняли заклятие, которое было невозможно снять в принципе, — все же договорила я. Потом поднялась, склонила голову — приседать в положенном реверансе не собиралась — и молча направилась на выход.

— Вероника, постойте, — раздалось мне в спину. — Вам пока нельзя выходить отсюда.

— Возможно, — остановилась я перед дверью, — но и с вами я не желаю оставаться.

— Может быть, договоримся, что этого разговора не было? — предложил наследный принц.

— Хорошо, ваше высочество, — кивнула я и отправилась к креслу, в котором сидела до этого.

Повисло молчание.

— Вы злитесь? — опять начал разговор Брэндон.

— Исключительно на себя. Вас, ваше высочество, это ни в коей мере не касается.

— Я вот на вас злюсь за то, что вы своей резкостью прошлись по самому больному. А вы на себя за что? — поинтересовался принц.

— За то, что стала разговаривать с вами как с нормальным человеком, который мне симпатичен и которому я бы хотела помочь. А вам это не нужно.

— Вы ошибаетесь, Вероника. Нужно. Очень нужно. Просто... я не знаю, как на это реагировать. Не умею. Понимаете, я очень одинок и несчастлив.

— Вы знаете, у меня есть знакомый мальчик. Вилли. Мы с ним познакомились, когда я работала в поместье у милорда Верда. Его мама искала работу и на тот момент не могла найти. Отца у них нет. Я не знаю, может, Вилли — сирота. Может, отец их бросил. Мама все время работает. И ищет приработок, потому что воспитывать детей одной очень тяжело. А кушать хочется. Мальчик же мечется и ищет, где бы заработать, потому что хочет помочь. Но при всем при этом я не видела более счастливых и добрых людей, чем эти двое. А ведь и они тоже могут сказать про себя, что они одиноки и несчастны.

Принц... хотелось бы сказать, что нахмурился... Но против правды не

пойдешь — он надулся.

— Так что, — глядя на него с удовольствием и не скрывая этого, проговорила я, — «каждый выбирает для себя женщину, религию, дорогу...»

— Это стихотворение?

— Именно.

— Прочтите! — получилось очень... повелительно. Я подняла на наследника глаза. Он смутился и добавил: — Пожалуйста...

— Хорошо, — пожала я плечами. — Все лучше, чем ругаться.

Каждый выбирает для себя
Женщину, религию, дорогу.
Дьяволу служить или пророку —
Каждый выбирает для себя.

Каждый выбирает по себе
Слово для любви и для молитвы.
Шпагу для дуэли, меч для битвы
Каждый выбирает по себе.

Каждый выбирает по себе.
Щит и латы, посох и заплаты,
Меру окончательной расплаты
Каждый выбирает по себе.

Каждый выбирает для себя.
Выбираю тоже — как умею.
Ни к кому претензий не имею.
Каждый выбирает для себя.^[2]

— И что бы вы сделали на моем месте? — вдруг спросил принц.

Я скривилась:

— Выбирайте направление, в котором вам бы хотелось проявить себя. И вперед. С императором вполне можно договориться. Добивайтесь самостоятельности, учитесь сотрудничать с силовыми ведомствами. Окружайте себя преданными и одновременно компетентными людьми. Живите. Радуйтесь. Совершайте ошибки и учитесь принимать их... Любите, в конце концов!

— Давайте вернемся к сфере деятельности. — Принц одновременно и сморщился, и бросил умоляющий взгляд. С подобными чудесами в невербальном общении с ним мог соперничать разве что Флоризель...

— Займитесь дипломатией. Поскольку у империи в друзьях только имперская армия, вам будет полезно поработать в этой сфере.

— Вот это неправда. Есть еще миры, которые мой брат спасал.

— Тогда поработайте министром пропаганды. А то у вас ею занимаются только мятежники.

— Я так понимаю — пропагандой занимаетесь теперь вы. Поэтому мне остается дипломатия.

— Почему... есть еще и торговля, сбор налогов.

— Лучше дипломатия, — поморщился наследник.

— А торговля — полезнее. У нас есть поговорка: «Куда не войдет солдат с мечом, всегда проникнет ишак, груженный золотом».

— Так и дипломатия про то же самое.

— Да, только, занимаясь торговлей, вы сами на свои замыслы денег заработаете, а как дипломат — будете их из казны вытаскивать.

Мы рассмеялись.

Тут дверь растворилась, и на пороге спальни наследника появилась Джулиана.

Взгляд Брэндона блеснул восторгом, который быстро сменился недоумением. И принц — не поморщился даже — мгновенно оказался на ногах. И это несмотря на тяжелое ранение. Сын императора изящно поклонился и лучезарно улыбнулся:

— Госпожа Блер! Я рад вас видеть.

— Добрый день! — поздоровалась и Джулиана с нами. Получилось как-то чересчур спокойно. И обыденно. Словно приходить в спальню наследного принца, да еще и в одиночку, для нее в порядке вещей!

Я посмотрела на журналистку удивленно. Какая-то она была... Не такая. Брэндону же было как-то все равно, почему девушка заявила. Он просто был счастлив.

Тут Джулиана перевела взгляд на меня и замерла, словно споткнулась об него.

— Миледи Вероника... А вы что тут делаете? Вы же в городе...

— Мне запрещено покидать дворец, — ответила я. — И, в частности, покои наследника.

— Даже так... — презрительно скривилась журналистка.

— Госпожа Блер, — Брэндон был уже рядом с ней и как-то не обращал внимания на то, что в покоях они не одни, — я бы хотел извиниться за

вчерашнее. Я не должен был так говорить. И на самом деле мне очень приятно, что вы обо мне беспокоитесь.

Он взял ее узкую руку с тонкими длинными пальцами, склонился над ней и очень-очень нежно поцеловал.

— Брэндон, — прошептала она. И коснулась его щеки.

«О... И что мне у себя не сиделось... — подумала я. — Всю романтику людям порчу... Хотя им потом Фредерик за такую романтику... И Джулиане с ее умом, талантом и ярко выраженным чувством собственного достоинства становиться просто любовницей? Пусть даже и наследника...»

Тем временем Брэндон обнял девушку, едва слышно прошептал:

— Ты пришла сама...

И коснулся губами ее губ.

Я закашляла, привлекая к себе внимание: обалдели они оба, что ли?..

Но тут Джулиана словно очнулась ото сна.

Она вскрикнула — отчаянно, безнадежно. Отшатнулась от мужчины. Хрипло и решительно приказала:

— Делайте портал в безлюдную местность. Убирайте меня из дворца. Я под заклятием. И двое других журналистов тоже. Нас начинили какой-то заразой.

— Условия активации заклинания? — быстро спросил принц.

— Присутствие императора или командующего.

— Куда отправились журналисты?

— Один к кадетам, другой — в Норверд.

— Юг, север и столица. Все как мы с Ричардом предполагали, — прошептала я.

— Вероника, — кинул мне приказ наследник, и я позвала Ричарда. На этот раз я сразу мысленно связалась с ним. Быстро ввела его в курс дела, потребовала, чтобы ни он, ни отец и близко ко дворцу не подходили.

— Немедленно уходи оттуда, — отреагировал Ричард на мои слова, — убирай Феликса. Прикажи перстню. И Брэндон пусть уходит. Это приказ.

— Лучше журналистов задержите. Я тебя люблю.

И, не слушая, что он мне еще скажет, прервала связь.

— Я должна была соблазнить вас и оставаться, пока... — продолжила говорить Джулиана.

Брэндон тем временем что-то беззвучно шептал. Вряд ли он молился — скорее, читал заклинание. И, судя по тому, как подрагивали у него руки, а на лбу появлялись капельки пота, что-то очень сильное, требующее максимума концентрации и энергии.

— Скорее, — умоляюще посмотрела на него Джулиана. — Я боюсь, что не удержусь. Маг очень силен. А я не хочу уходить с такой тяжестью на сердце. Я не хочу, чтобы из-за меня кто-то погиб.

Еще несколько долгих-долгих минут. Потом замерцало марево портала. Только не разноцветное, переливающееся всеми цветами радуги, к которому я, честно говоря, уже привыкла, а мрачное. Иссиня-черное. С бешеными алыми всполохами.

Джулиана метнулась к portalу, но Брэндон решительно перехватил ее локоть.

— Я сама! — протестующее вскрикнула девушка. — Не надо! Не надо со мной!

Но принц, так же крепко держа ее, шагнул в черноту вместе с ней.

Глава 23

— То есть как это — ушел вместе с ней?! — проревел император Фредерик.

В этот момент я сидела на коленях Ричарда, который — как только вошел — притянул меня к себе, рухнул в кресло и больше не отпускал. Обвил руками, уткнулся в мои волосы. И молчал. Только его огромное, мощное тело время от времени чуть подрагивало.

Граф Крайом застыл на том самом месте, где принц Брэндон открыл портал. Глава службы безопасности превратился в соляной столп и, такое ощущение, даже перестал дышать.

Мне пришлось рассказывать обо всем, что произошло. Фредерик был в исступлении — я его таким еще не видела.

— Стихии, — вдруг тихо-тихо простонал он, — милости прошу... Пусть он жив останется... Только бы выжил...

— Портал был странного цвета, — почему-то сказала я.

— Что? — не понял император.

— Черный-черный. С алыми вкраплениями. Я такого никогда не видела.

— Он решил уничтожить эту заразу, — закрыв глаза, выдохнул Фредерик. — Решил выжечь в крови, чтобы спасти девушку. И отправился с ней, чтобы подпитывать контрзаклинание своей энергией.

— Похоже на то, — откликнулся Крайом. — Наследник сплел в одно заклинание вызов портала и свой огонь. И кинул защиту на девушку. Видимо, чтобы не смогли активировать привязанную на нее заразу, когда поймут, что что-то идет не так...

— Лучше бы он на себя защиту кинул!!! — взревел Фредерик с новой силой. — А еще лучше — просто перебросил бы эту... девицу куда подальше!!!

— Я не пойму, куда они отправились. Не отследить и не пройти следом. Хорошо сделано. Сильно.

Император взмахнул руками... И словно сдулся. Обвел тяжелым взглядом всех присутствующих. И опустил в соседнее с нами кресло.

— И не помочь ведь... — тихо и обреченно проговорил он.

— На наследнике защитное кольцо. Родовое, — с надеждой проговорил Крайом. — И он амулеты использует активно. И сам их делает неплохо... Может, обойдется...

Фредерик закрыл лицо руками.

— Ты не был в Норверде сегодня, — выдохнул он. А Ричард, услышав название столицы Северной провинции, откуда сам был родом, еще сильнее прижал меня к себе. Хотя, казалось, куда уж.

— Там совсем все плохо? — спросил Крайом.

— Хуже, чем можно представить.

— Журналист перенесся порталом в центр города и взорвался. Изнутри. На площади, полной народа. Его мы не успели перехватить.

— И что теперь?

— Моровое поветрие теперь, — зло ответил император. — Первые погибшие появились в течение получаса. На редкость стремительное течение болезни. Мгновенное повышение температуры, судороги. Потом лопаются сосуды на лице. Кровавая рвота. Смерть.

— Там Ирвин работает. И остальные целители, — добавил Ричард. — Любимая, Феликса я отправил к братьям. На юг. Пусть там побудет. Там безопасно.

— А тот журналист, которого заговорщики отправили к кадетам? — прошептала я. — С ним должно было случиться то же самое? Он должен был взорваться — и всех заразить?

— Да, — ответил император. — Как и Джулиана. Только она должна была заразить столицу. И начать с двorca.

— Журналиста на юге перехватили, — посмотрел на меня император. — Успели. Вероника, ваше предупреждение подоспело вовремя. Там, где дислоцируются кадеты, — кордоны везде. И в той местности невозможно строить порталы — всех, кто желает проникнуть на территорию, все равно выносит к кордонам. И утром Ричард приказал развернуть порядки и быть в полной боевой готовности.

— Я был неподалеку от того поста, через который шел этот несчастный, — раздался у меня над головой безжизненный голос Ричарда. — Это я перебросил его.

— Куда? — спросил император.

— Помнишь, отец, тот мир, где остались лишь несколько городов под защитными куполами? И лес, над которым купол возводил я? — хрипло проговорил главнокомандующий.

Император кивнул.

— Я туда его зашвырнул. В том мире нет ничего живого.

— И в той среде погибнет все. Даже такая инфекция, — одобрительно посмотрел на старшего сына Фредерик.

Я содрогнулась. И инфекция не выживет, и журналист, которого

инфицировали.

— У меня через двадцать минут совещание, — сказал мне на ухо Ричард. — Мы разворачиваем всеобщую мобилизацию. На то, чтобы организовать кордоны, требуются не только регулярные войска. Но и уже отслужившие граждане империи. Людей понадобится очень много.

— У нас допрашивают задержанных, — поддержал беседу Крайом. — Тех, кто пришел за вами, миледи Вероника, в типографию. Это дассары. Кроме того, было несколько наемников. Из разных миров.

— Я уже обратился ко всем солдатам, что незаконно проникли на нашу территорию и сражаются против нас, — задумчиво протянул Фредерик. — Сообщил им, что мы знаем каждого поименно — Милфорду удалось проникнуть в базу данных организации, через которую производили наем. Он и его люди вынесли документы.

— Как ему это удалось? — Даже на Крайома это произвело впечатление.

— Когда он вернется — поинтересуемся. — Император с таким видом пожал плечами, что стало понятно: каким образом контрразведчикам это удалось, волнует повелителя в последнюю очередь.

— И что теперь? — поинтересовалась у Фредерика я.

— Пообещал амнистию и высылку на родину всем, кто сдастся. И наемникам, и дассарам. Кроме того, поклялся, что мои люди вырежут семьи тех, кто продолжит воевать с нами. Думаю, военные действия против нас мы прекратим в ближайшее время.

— Надо захватить мага, который разработал заклинание, заразившее журналистов, — посмотрел на Крайома Ричард.

— Согласен. Только сначала надо побеседовать с госпожой Блер... — отозвался начальник службы безопасности.

Его величество снова зарычал. Потом проговорил уже по-человечески, на имперском:

— Я нанял всю гильдию убийц. Пусть займутся слежкой. Мне нужны контакты всех подозрительных людей. Или просто незнакомцев. Я распорядился, чтобы глава гильдии убийц привлек уголовников. Пусть докладывают. А что с журналистами?

— Мы только знаем, что с утра эти трое отправились порталом в столицу Западной провинции, — продолжил Крайом. — Что они там делали? Где их перехватили? Где заразили? Отследить не удалось. Арестованные тоже этого не знают. У них был свой приказ — захватить миледи Веронику и доставить ее в один из домов на окраине Роттервика. Там были еще наемники. Среди оружия был найден нож, аналогичный

тому, которым убивали золотоволосых женщин. И приказ у наемников был соответствующий: после допроса, на который ждали мага — эта тварь, похоже, всем и руководит, — убрать.

Теперь зарычал Ричард.

— Маг... Наш? Или? — спросил его величество.

— Маг, командующий наемниками, — точно не наш. Он дассар. Но... там их двое. Еще один умеет менять обличья. Чаще всего приходит в виде командующего Тигверда. Пару раз его видели в виде вас, ваше величество. Опознают этого... — Крайом посмотрел на меня и проглотил ругательство, — по паролю и перстню. В первый раз попытались убить — думали, что их накрыли. Утверждают, что щит у заговорщика — превосходный. Огненный.

— Значит, руководителей двое, — протянул император. — Один — пришлый. Один — из империи.

— Похоже на то, — кивнул Крайом.

— У меня завтра с утра встреча с вождем дассаров, — сказал его величество. — Они согласны на переговоры. Я узнал к тому же, что их мир перенаселен — земли мало, одни океаны. Единственный материк. Жители с незапамятных времен объединились в одно государство. Теперь их правительство стонет, что они знать не знают, откуда у нас на территории их граждане. А может, и вовсе не их. И это не они оплачивали услуги наемников. Они оскорблены нашими подозрениями и тем более нашими ничем не обоснованными действиями и акциями в их мире.

— Так это не наши действия. И не наши акции, — пожал плечами Ричард.

— Именно так я им и сказал. Насколько они не в курсе того, что делают у меня в стране некие наемники, настолько я понятия не имею, почему гибнут главы корпораций наемников, военный министр и несколько десятков личностей помельче. С семьями.

— А зачем им вообще империя? — спросила я. — Неужели нет мира менее защищенного? Или не заселенного?

— Я думаю — мы им подходим, — скривился император. — Их маги могут легко черпать силу в нашем мире. Как, собственно, и наши — в их. Это очень важно при заселении. Когда мир не противится твоим способностям и все получается легко.

— То есть им нужны земли — и не нужен народ на них... — протянула я. — А с империи они начали как с сильнейшего. Если они одержат победу здесь, то с остальными справятся и подавно.

Мы замолчали.

Потом Ричард тяжело вздохнул.

— Мне пора, — проговорил он.

Император Фредерик посмотрел на графа Крайома.

— Мы, пожалуй, подождем Брэндона в гостиной, — проговорил император.

— Да, — кивнул глава охраны. — Там значительно удобнее.

И они вышли.

— Я тебя люблю... — простонал Ричард. — И не знаю, смогу ли я пережить, если с тобой что-то случится. Ника...

У нас были поцелуи нежные. Были страстные. Были... бешеные. Но такого исступления, сумасшедшего смещения дикой боязни потерять и отчаянного желания обладать... Такого еще не было. Ричард что-то шептал мне между поцелуями — но я за грохотом крови, бьющейся в ушах, даже не слышала. Не знаю, чем бы все это закончилось, но нас бесцеремонно прервали.

— Брат, — раздался рядом ядовитый голос. — У вас что — во дворце своих покоев нет?

Я недовольно посмотрела на Брэндона и Джулиану, которые появились аккуратно рядом с креслом, в котором находились мы.

Потом я сообразила. Ричард, кажется тоже. Мы подскочили и с воплем: «Живые!» кинулись обнимать прибывших. На наши крики в покои влетели император и Крайом. Я сделала шаг назад, чтобы меня не расплющило. Ричард подумал — и поступил так же.

— Слава Стихиям, — проговорил мне на ухо Ричард. — Живой. Невероятно. Но... живой!

И мы с ним, обнявшись, смотрели на императора Фредерика, который то обнимал сына, то кричал на него. То благодарил Стихии за то, что сын жив. То клялся, что сам придушит молодого идиота.

— А этот дурачок, — сказала я, имея в виду наследника, — как раз сегодня рассказывал мне, что отец его не любит.

— Дурачок, — согласился со мной Ричард. — Но очень сильный. Я бы так не смог.

И старший сын императора опять вздрогнул. Потом, пользуясь паузой — император отошел от наследника, — пожал руку Брэндону. И удалился.

— И все-таки это было на редкость безрассудно, — снова и снова повторял Фредерик, кидая недовольные взгляды на заплаканную Джулиану, которая кивала, явно соглашаясь с императором. — Ты должен был думать прежде всего о том, что ты — наследник. И империя...

— Отец, — чего-чего, а почтительности в голосе Брэндона не было

уже минут двадцать как, — мы сейчас поругаемся.

И тут вмешался Крайом:

— Ваше высочество, я очень рад вас видеть, однако мне необходимо поговорить с госпожой Блер.

— Только в моем присутствии, — отрезал наследник.

— Вы же не думаете, что я каким-то образом... — опешил глава безопасности.

— Вы меня слышали, — проскрипел принц не хуже, чем папенька-император или брат-командующий.

— Ты еще кинься на бедного Крайома, — проворчал его величество. — Он, конечно же, главное зло в империи...

За перепалкой они совсем забыли о Джулиане. Бедная девушка держалась из последних сил. Сжав кулачки, она пыталась унять нервную дрожь, которая волнами прокатывалась по ее телу. Странно, но Брэндон, который так и продолжал ее обнимать, никак на это не реагировал.

— Мне жаль вас отвлекать, — сделала шаг вперед я, — но госпоже Блер прежде всего необходимо пригласить целителя.

— Что? — Мужчины недоуменно уставились на меня.

А Джулиана кивнула, лязгнув при этом зубами.

— Да и его высочество нуждается в осмотре, — продолжила я.

— Но... — начал Крайом. Потом посмотрел на девушку и, похоже, даже ее увидел. — Хотя, может быть, вы и правы. Тогда пару вопросов — и я уйду. Мне надо работать!

Это он отреагировал на раздраженный взгляд наследника.

— Я отвечу, — еле слышно проговорила Джулиана.

— Где вас захватили?

— Еще в столице. Неподалеку от дворца.

— То есть в Западную провинцию вы не попали?

— Нет. Заговорщики где-то здесь. В столице.

— Вас захватили, — продолжил Крайом. — Дальше.

— Мешок на голову — и в карету. Кричать мы не могли — я пробовала. Из всех сил. Ничего.

— Что еще помните?

— Дом на окраине города. Мы ехали достаточно долго. Один раз пересекали мост — там звук по брусчатке особый, я всегда его узнаю.

— Вас привезли. Дальше? — Крайом вел беседу очень профессионально. Ничего лишнего, требовательно, но при этом невероятно мягко.

— Мешков не снимали. Заклинание маг читал сразу над всеми троими.

— На каком языке?

— Этот язык я не знаю.

— Как вы поняли, что это было за заклятие?

— Нам сказали.

— Кто?

— Маг, который нас заколдовал.

— Он говорил на имперском?

— Да. Но с акцентом. Сильным.

— Как вы думаете, зачем он это вам сказал?

— По-моему, хотел поглумиться. Мы ведь все понимали, что происходит. Были в себе. Только сделать ничего не могли.

— А как вам удалось вырваться из-под заклятия?

Джулиана мучительно покраснела.

— Я ее поцеловал, — решительно ответил Брэндон.

— Даже так? — саркастически протянул Фредерик.

— Вы позволите прочитать ваши воспоминания? — спросил у Джулианы граф Крайом.

Возмущенное «Нет!» Брэндона слилось с ее тихим, но решительным «Да».

Император Фредерик недовольно покачал головой и не преминул вмешаться:

— Отрадно видеть, что хоть девушка осознает свой долг перед страной. В отличие от наследника.

Я выразительно посмотрела на императора. Вот умный же мужчина, а временами просто дурак дураком.

Черные глаза с возмущением и обидой посмотрели на меня. И что я все время забываю, что он, как и Ричард, умеет мои мысли читать?

Тем временем Джулиана едва слышно произнесла:

— Ваше высочество, я должна. Я могу помочь расследованию.

— Я не могу тобой рисковать, — еще тише проговорил принц.

«О как!»

Должно быть, мы подумали это одновременно: и я, и император, и Крайом.

Джулиана решительно высвободилась из объятий Брэндона и подошла к главе службы безопасности.

— Я готова.

Глава 24

— По-моему, я сегодня испортил отношения с наследником еще больше, — печально произнес Фредерик, как только мы зашли в его кабинет.

— Вы перенервничали, — сказала я мягко.

— Я умудрился оскорбить не только сына, но и девушку, которая, кажется, Брэндону не безразлична.

— Есть такое.

— Ну вот как так получилось? Я ведь понимал, что надо остановиться. Но не смог. Почему? Обращаться к подданным, зажечь в сердцах миллионов надежду, даже убедить жизнь отдать за империю — это я могу. А вот выстроить отношения с сыном, которого я люблю, — нет.

— И вы, и Ричард много говорите мне о том, что нельзя опекать моих мальчиков. Надо дать им возможность жить своей жизнью. А из них только Рэму пятнадцать! А Брэндону? Скоро двадцать пять?..

— Вы про то, что советы давать всегда проще?

— Я посоветовала принцу определиться, за что он будет отвечать. Чем он будет руководить. Дайте ему возможность развернуться и показать себя. Он не хочет быть в тени. Вашей. Или Ричарда.

Император хмыкнул. Помолчал.

— Почему Джулиана вызывает у вас такое отторжение? — поинтересовалась я.

Фредерик тяжело вздохнул:

— Весь мой жизненный опыт говорит о том, что с этой девушкой не получится завести короткую, необременительную интрижку.

— А вы считаете, что ваш сын не созрел до серьезных отношений? Или его надо тоже... женить по расчету?

— Я считаю, что взбунтовавшаяся против семьи дочь барона из Южной провинции, который традиционно в оппозиции к императорской власти... К тому же еще и журналистка, и художница... Это слишком для наследника престола.

— Зато не скучно, — улыбнулась я.

— С этим не поспоришь, — тяжело вздохнул Фредерик. — Ладно. Давайте займемся тем, что у меня получается хорошо. Обратимся к народу и призовем на борьбу с захватчиками.

Исходя из того, что секретарь был арестован — Крайом выяснял

степень его причастности к утреннему происшествию во дворце, — я предложила свои услуги. Кроме того, решено было собрать на вечер журналистов, с тем чтобы завтра с утра во всех газетах было напечатано воззвание императора к гражданам своей страны.

— Надо еще сказать, что два из трех террористических актов ваши сыновья предотвратили лично, рискуя жизнью, — заметила я.

— Это понятно. А как обратиться?

— «Братья и сестры», — вспомнила я характерный пример из истории.

— Да... Так я еще к жителям империи не обращался. Прозвучит оригинально, — заметил Фредерик.

После пресс-конференции Фредерик хотел отправиться в Норверд и определить, какая помощь требуется Северной провинции и ее жителям.

В течение дня мы толком не ели, так, перекусывали бутербродами. Посмеялись, что вот у Ричарда — как у командующего — обед всяко будет по расписанию.

Фредерик ушел, я еще поработала над материалами для следующего выпуска газеты. И неожиданно для себя заснула.

Мне снился щенок из золотого песка — точная копия Флоризеля, снился огненный конь Ричарда, герцогиня Рэймская в костюме для фехтования — стройная, гибкая... Женщина грустно улыбнулась, вытянув перед собой лодочкой сложенные ладони. Мгновение — и она их разжала, раскинув руки в стороны, выпуская в темное небо маленькую огненную птичку...

— Ника! Ника, что с тобой! — Мама обеспокоенно смотрела, как я зеваю и потягиваюсь.

— Заснула! И даже сон приснился...

— Хороший?

— Не знаю... Скорее — странный.

Мама покачала головой и, вздохнув, присела рядом.

— Мам... Что-то случилось?

— Да нет, ничего. Немного беспокоюсь за мальчиков после того, как они уехали. И Феликса отослали. И Наташа не выходила сегодня целый день.

— Ричард о мальчиках позаботится. Неизвестно еще, где безопаснее на сегодняшний день — во дворце или у них на учениях. А у Наташи наверняка текст пошел, как она выражается. Мам... ты что-то мне не говоришь? Что-то случилось?

Я не на шутку встревожилась. Чувствовала, что с мамой что-то не то.

— Ничего, доченька. Все хорошо. Просто... Меня все время мучает

чувство нереальности происходящего. Как будто я проживаю чужую жизнь. Или на самом деле лежу где-нибудь в больнице, в коме, и все это мне просто кажется.

— Я понимаю. У меня тоже так было. Если бы не необходимость спасти Рэма, учить мальчишек, как-то выкручиваться, я бы сошла с ума.

— Не бери в голову, это я так. Видимо, перенервничала из-за последних событий. Все-таки папа в эпицентре военных действий, и ты все время в опасности... Стихии, да кто ж может это выдержать!

— Стихии?! Мам, да ты настоящий житель империи!

— Ага... можно сказать, коренной!

И мы рассмеялись. Я отправила маму спать, клятвенно обещая, что тоже вот-вот пойду. Сама же принялась за работу — а что? Немного подремала, потом с мамой по душам поговорила, теперь можно и делом заняться.

* * *

Такой меня и застал вернувшийся Фредерик — склонившейся над очередной статьей. Был поздний вечер, возле меня лежала кipa исписанных бумаг.

— Похоже, мы с вами поменялись местами... — протянул император.

— В каком смысле? — удивленно посмотрела я на него.

— Моя очередь задавать ваш коронный вопрос: «Вы сегодня ужинали?»

— Нет, — рассмеялась я.

— Сейчас нам накроют. Ричард останется на ночь в частях. Я был у него. Войска взяли ситуацию под контроль на западном направлении, возле границ с герцогством Рэймским. Кроме того, в кольце войск и зараженная столица Северной провинции. В самом Норверде работают целители. Там тяжело. Но не фатально.

— Сколько людей погибло?

— Много, — нахмурился император. — Но меньше, чем могло бы. Ирвин обследовал госпожу Блер. Выяснил, что после того, как Брэндон протащил ее через черный огненный портал, зараза в ее крови погибла. На основе ее крови сумели сделать сыворотку. Волну эпидемии удалось сбить. За последние три часа — ни одного умершего. Ни одного заразившегося. Только Брэндон в гневе.

Фредерик скривился.

— А с ним что?

— Как же... Его Джулиана слаба от потери крови! Ее жизнь под угрозой... Как целители посмели это допустить?!

Несмотря на явный трагизм ситуации, мне стало смешно. Нападение, война, смерти... А у наследника и художницы — любовь...

Принесли ужин. По-моему, ни император, ни я толком и не поняли, что подавали нам дворцовые повара, — настолько проголодались. Только молча и сосредоточенно жевали. Потом, уже за кофе, я решила обратиться к императору.

— Фредерик, меня давно мучит любопытство...

Он очнулся — и с благодарностью улыбнулся мне. Словно звуки моего голоса вытащили его из мрачного кошмара.

— Что вы хотели у меня спросить, Вероника?

— Как так получилось, что из императорской семьи — только вы и два ваших сына? А многоюродные братья и сестры, внучатые племянники и прочие-прочие?

— Вы хотите сказать, раз императорской фамилии уже восемьсот лет, то родственников должно быть немало...

— Разве это не логично? Даже если в вашем роду и принято рожать мало детей, однако... Должна быть как минимум пара десятков родственников. И среди аристократии некоторые должны кичиться тем, что кто-то когда-то... Это же простая математика.

— Все было именно так, — закивал Фредерик. — И родственники. И связи. До моего прадеда.

— Заговор?

— Прадед и так благостностью характера не отличался, а тут еще и бунт младшей ветви... Да еще и так талантливо организованный — там его племянники от любимой сестры отличились... Он воспринял как предательство. Как оскорбление.

— И что же он сделал?

— Многих казнил. Понятно, вся ветвь его сестры, включая ее саму, была уничтожена. Многих выслал. Когда император восходит на престол, ему подчиняется особая магия. С помощью заклятия можно повелевать силами подданных. И он наложил проклятие на своих родственников. Они могли пользоваться своими способностями лишь за пределами этого мира.

— И многие попали под это заклятие?

— Все родственники императора, на тот момент не женатого. Часть аристократии.

— И у вашего предка был один сын?

— Да. Мой дед. У деда — тоже один ребенок. И у отца. Пока лишь я выбился из этой традиции. У меня есть Ричард. И Брэндон.

— А что будет с Ричардом, когда на престол взойдет его младший брат?

— Вы думаете, что Брэндон, став императором, попытается устранить старшего брата?

— Согласитесь, что это не исключено.

— Я смогу обеспечить безопасность обоим сыновьям. В том числе друг от друга.

— Они будут владеть силой, пока ничего не замышляют друг против друга? — догадалась я.

— Все немного сложнее, но в целом — все правильно.

— И они оба об этом знают?

— Конечно. Особенно старательно я это объяснял младшему сыну.

— Потому что он законный и ему предстоит стать императором?

— Нет, — покачал головой Фредерик. — Потому что он сильнее.

Мы замолчали. Несмотря на крепкий кофе, я с трудом сдерживалась, чтобы не зевнуть. Сладко-сладко.

— Вы устали, — заметил мое состояние Фредерик. — Вас давно надо было отпустить отдыхать.

— Все в порядке. Я хочу быть полезной.

— Тогда до завтра. Побудете моим секретарем еще несколько дней, пока мы со всем этим не разберемся?

— Конечно, — поднялась я.

Фредерик тоже оказался на ногах.

— Моему старшему сыну повезло, — легко улыбнулся он.

— Возможно, и младшему тоже, — не удержалась я.

Император издал звук, больше всего похожий на рычание.

Я направилась к двери.

— Пойдите... — напряженно проговорил Фредерик.

— Что случилось? — остановилась я.

— Вы не чувствуете?

— Что именно?

— Кому-то очень больно. И я почему-то это чувствую... Это странно, потому что я ощущаю так лишь относительно близких мне людей. Сыновей. Вас. Не так явно — но чувствую ваших мальчиков. А тут... Я не знаю, кто это.

Мы быстро вышли из кабинета императора. Он шел стремительно, словно что-то его подгоняло.

Охранники напряглись, увидев сильно встревоженного императора. И первое, что они сделали, — это вопросительно посмотрели на меня. Я ответила им возмущенным взглядом — дескать, я-то здесь при чем?

Так мы и двигались по ночным коридорам дворца. Чтобы успеть за Фредериком, мне приходилось практически бежать. Охранники сосредоточенно шли за нами вслед.

Вдруг я поняла, что мы находимся в том крыле, где находились мои покои. Вот даже моя дверь. Что за бес сегодня Фредерика-то водит? Но мы пробежали мимо моей двери. Дальше. И подошли к комнате... Наташи.

Фредерик, даже не постучавшись, решительно рванул дверь на себя. В гостиной — ими всегда начинались апартаменты во дворце — было темно. Откуда-то из глубины комнат неслись болезненные стоны.

— Наташа, — позвала я. — Что с тобой?

Император ворвался в спальню и коротко бросил:

— Свет!

Писательница выглядела плохо. Лежала, скрючившись на кровати. Дышала тяжело, в глазах плескалась мука.

— Вы почему на помощь не зовете? — возмутился Фредерик. — Чего ждете?

— Не хотела беспокоить... Вдруг само пройдет... — задыхаясь, ответила истинно русская женщина.

Император посмотрел на нее. Как-то о-о-очень выразительно. Покачал головой, словно отказываясь верить, что такое чудо бывает в природе. Подошел поближе, взял ее за руку.

— Что? — подняла на него глаза Наташа.

— Я, конечно, вызвал целителей. Но Ирвин сейчас в другом городе, — неожиданно мягко сказал Фредерик. — Его надо подождать. Я пока облегчу боль.

— Самое главное, чтобы с ребенком было все в порядке, — выдохнула Наташа.

— В ближайшее время придет помощь, — заверил ее повелитель.

Наташа замерла, глубоко вздохнула. И вдруг хихикнула.

— Может, водички... — предложила я. — Или шоколадку? Вы когда в последний раз ели-то? Наташа?

Но писательница меня как-то не слышала. Она смеялась.

Фредерик перевел на меня растерянный взгляд. Я ответила ему таким же.

— Наташа, — осторожно обратилась я к писательнице. — Что с вами?

— Истерика, — ответила писательница. И, обратившись к императору,

который продолжал крепко, но аккуратно держать ее за руку, она добавила:
— Вы знаете, ваше величество, жизнь иной раз выделяет такие зигзаги...
Фантазии не хватит выдумать. А если и выдумаешь и в книге напишешь, то
тебя раскритикуют.

— Почему? — живо поинтересовался Фредерик.

— Скажут — неправдоподобно...

Глава 25

Ирвина мы прождали достаточно долго. Или мне так показалось? От страха и тревоги... Мы с Фредериком выяснили, что Наташа не падала и животом не ударялась. С утра чувствовала себя неплохо — только есть не хотела и какая-то давящая пустота образовалась в голове. Но писательница не была настроена обращать на все это безобразие никакого внимания. Беременность — не болезнь, а текст у нее шел. В ее романтическом мире события развивались стремительно.

— Я все равно нашла время прогуляться, потому что целитель Ирвин велел мне не засиживаться, — гордо проговорила Наташа, но сразу охнула — ее опять скрутило. — Сегодня в парке было чудесно. Весна.

Она радостно улыбнулась, а я выдохнула с облегчением: Наташа не знала, какой опасности подверглись все, кто жил в столице, а особенно во дворце. И, следовательно, не была этим напугана.

— Может, вы рожаете? — тихонько спросила я. То ли у нее, то ли у императора.

Фредерик, услышав мои слова, как-то резко побледнел.

— Я слышу, что у ребенка сердце бьется ясно... — пробормотал он. — И боли от него не исходит.

— Да вроде недели полторы еще оставалось... — недоумевающе посмотрела на меня Наташа. И добавила растерянно: — Ирвин сказал.

— Ага... Права не имеет. Старший приказал, — хихикнула я.

Тут мы расхохотались уже обе. Император посмотрел на нас... снисходительно так, как на полных дурочек.

— Это из кино, — пояснила Наташа. — «Место встречи изменить нельзя».

— Все хочу посмотреть ваши фильмы, — заметил император. — Ричард хвалил какой-то нарисованный фильм.

— Да... — улыбнулась я. — Это мы «Геркулеса» смотрели.

Мы уже и поговорили за жизнь, и чаю с булочками выпили. Я время от времени посматривала на часы — поняла, что сначала Наташу терзали схватки с периодичностью в двадцать минут, а потом — часа через два — стали чаще. И интенсивнее.

Фредерик был нежен.

Это было удивительно. И то, как маленькая ладошка Наташи доверчиво лежала в его огромной руке. И то, как он время от времени

проводил кончиками пальцев по ее волосам. И то, как он ее отвлекал от дурных мыслей — заговаривал, смешил... И то, как он брал на себя часть ее боли. Время от времени мне казалось, что я ее тоже чувствую. Физически.

А Ирвина все не было и не было. И я даже догадывалась почему. Как глава целителей он руководил ликвидацией последствий теракта в Норверде, куда, собственно, и были стянуты все службы. Либо в данный момент все были заняты, либо — за это я переживала даже больше — Ирвин пытался обеззаразить себя, чтобы не нанести вреда роженице.

В любом случае Наташа — понятное дело, ей никто ничего не рассказал о трагедии в столице Северной провинции — уже стала нервничать.

Я выразительно поглядывала на императора. А он был спокоен и торжественен. Как слон.

— Может быть, вы пойдете отдохнуть? — обратился он ко мне.

— Мне будет спокойнее, если я останусь с вами, — отрицательно покачала я головой.

— А то, что ко мне не идут целители, — это нормально? — решила спросить Наташа.

— Понимаете, — улыбнулся император, — вы — пациент Ирвина. И он вас чувствует. Изменение состояния, даже сердцебиения. Он уверен, что и с вами, и с ребенком все в порядке. Схватки, по его мнению, продлятся до утра. И тогда он придет. Просто у него на руках много раненых. Единственно, он ругается, что вы никого не позвали. Нашему целителю и в голову не могло прийти, что вы не вызовете хотя бы слуг. А будете терпеть и ждать. Он просил передать, чтобы больше вы так не делали.

Наташа покраснела:

— Мне неловко, что я вас беспокоила.

— Пустяки. Во многом вы оказались в империи из-за моих решений, поэтому я чувствую ответственность. Не говоря уже о симпатии и желании помочь.

— Но... Вы же заняты не меньше, чем целители. И вам надо отдохнуть. Может, действительно вызвать слуг?

— Вы про то, что я не должен находиться с вами рядом, так как я не являюсь вашим родственником?

Голос Фредерика стал звучать глухо. Мы с Наташей уставились на него с одинаковым изумлением.

— Вот уж что мне в голову не приходило, — проворчала она.

Император улыбнулся.

— Вы знаете, для меня это впервые. Вообще-то у нас перед родами — до прихода целителей — с женщиной находится муж. Эти часы считаются благословением Стихий и дают мужчине и женщине даже большее единение, чем... процесс зачатия ребенка. С матерью Ричарда меня не было рядом. Я никогда себе не смогу простить, что... Опять же дал себя уговорить. Мы не были женаты...

Это он пояснил в ответ на вопросительный взгляд Наташи.

— А Брэндон? — не сдержалась я.

— Его мать меня прогнала, — криво усмехнулся император. — Мы с ней даже в такой ситуации умудрились поругаться.

— М-да... — улыбнулась Наташа. — А я думала, это у меня в личной жизни проблемы...

— Наверное, мы просто не ценим любимых, которые оказываются рядом, — выдохнул император. — Либо цепляемся за тех, кто не нужен нам. И кому не нужны мы...

— Понимать бы еще, как этого избежать, — на мгновение прикрыла глаза Наташа. — Чтобы потом не оказалось, что кому-то не нужна не только ты, но и твой еще не родившийся ребенок.

— Так, — распорядилась я. — Хватит меланхолии! Жизнь — справедливая штука. Пусть жалеют те, с кем мы не остались! Только позитив!!! И вообще — надо пробраться на кухню и раздобыть чего-нибудь вкусненького и сладенького. Да и мяска хочется.

Фредерик рассмеялся. Через мгновение к его басу присоединился звонкий голос Наташи.

В этот момент дверь в комнаты гроыхнула так, что мне показалось, что ее выбили вместе с частью стены. Послышались быстрые шаги, и я поняла, что сейчас распахнется дверь в Наташину спальню.

Император прыгнул вперед, к самой двери, загораживая нас с Наташей. На кончиках его пальцев замерцали бьющие по глазам алые искры какого-то убийственного заклинания. Еще через мгновение в спальню галантно постучали...

— Простите меня... Я почувствовал... Могу я узнать, что происходит?

— Ричард! Напугал, — проворчал император.

Он сделал шаг в сторону, и Ричард увидел и меня, и Наташу, которая подрагивала от пережитого ужаса и снова стала стонать от боли. Видимо, схватки пошли непрерывными волнами.

Ричард уставился на нее. Потом перевел взгляд на меня. Потом на отца. Я первый раз увидела, как командующий Тигверд краснеет.

Фредерик, не обращая на сына внимания, снова уселся рядом с

Наташей и взял ее за руку.

— Мы пойдем на кухню, принесем всем чего-нибудь, — поднялась я, подошла к Ричарду. — Командующий Тигверд, вы составите мне компанию?

Старший сын императора перевел взгляд на Наташу, поклонился и тихо сказал:

— Простите.

Я взяла его за руку и потащила прочь из спальни.

— Ника, — раздался у меня за спиной голос Наташи. — А сок апельсиновый... можно?

Мы втроем ответили слаженным хором:

— Конечно!

Главнокомандующий имперских вооруженных сил прекрасно орудовал ножом и ловко чистил апельсины. Кроме того, посматривал он на меня взглядом крайне выразительным.

Я улыбалась про себя. Нет, формально все было очень достойно: в спальню к роженице не ворвались полки с развевающимися знаменами и Ричард не спалил собственного отца и меня вместе с ним в припадке бешеной ревности. Раньше он именно так бы и поступил. Он тихонько постучался, извинился. А что примчался — так беспокоился человек... И все-таки что-то внутри, где-то очень глубоко, подсказывало, что не так все было просто и радужно. И что обидеться все-таки стоит. Но... очень не хотелось...

Поэтому я быстро собирала огромный поднос с едой. Жужжала соковыжималкой. Варила кофе.

— Возьмешь поднос? — спросила у Ричарда. — А я заберу кофейник и графин с соком.

— А посуда? Чашки там всякие?

— У меня в комнате полный набор. И фрукты есть.

— Ника. Прости. Я спал. Проснулся — как от удара. Почувствовал, что ты и отец... рядом. От вас исходили такие волны нежности... А от отца еще и умиротворение. Ты — чуть встревоженная...

— И ты подумал...

— Нет, Ника. Я не подумал. Я тебе доверял. Но... не прийти просто не мог. Мне очень важно, чтобы ты мне поверила.

— Верю. — Я попыталась его поцеловать, но ничего не вышло — поднос с едой столкнулся с кувшином, который я держала в руках, и мы чуть не упали.

— Надо идти, — прошептала я. — Может понадобится наша помощь.

Когда мы пришли, то обнаружили, что Ирвин уже появился. И появился он не один. Вместе с ним прибыла женщина средних лет, кудрявая и улыбчивая, с такими же, как у Наташи, пухлыми розовыми щечками. Я догадалась, что она будет выполнять роль акушерки. Ирвин представил нам ее как целительницу Аманду, и она тут же взяла власть в свои руки. Растерянный Фредерик был выставлен из Наташиной спальни. Мне разрешили напоить Наташу апельсиновым соком и удалили. Ждать.

Я, Фредерик и Ричард сидели в гостиной. Кофе, бутерброды и сладкое таяли на глазах. Представители правящей фамилии нервничали. Я выпила остатки апельсинового сока, к еде даже не притронулась — тоже нервничала. А до этого казалось, слона съем. Так прошел час.

Мне стало холодно, я попросила Ричарда, и огонь в камине вспыхнул. Раньше я так любила треск поленьев — уютный, успокаивающий. Сейчас же этот звук был какой-то... тревожный. Император встал и принялся мерить залу по периметру — это еще больше нервировало.

— Сядьте, ваше величество! — не выдержала я. Ричард вздрогнул, будто очнулся, и снова погрузился в свои мысли. Фредерик же сделал вид, что не услышал.

Вместо этого он подошел к окну, отдернул гардины, и в огромные стрельчатые окна дворца вместе с детским криком ворвался рассвет!

Мы с Ричардом одновременно вскочили со своих мест и почему-то кинулись в объятия друг друга. Император... оторвал золотую кисточку от алого бархата шторы. Случайно.

— Девочка, — высунулась розовощекая Аманда. — Здоровенькая. И... очень красивая!

— Как Наташа себя чувствует? — сунул кисточку в карман Фредерик.

И Ричард, и целительница посмотрели на него с удивлением.

Выглянул Ирвин.

— Я так чувствую, что вы, пока не навестите молодую мамочку, спать не пойдете, — заявил он недовольно.

Мы втроем решительно закивали.

— На одну минуту — и всем спать!

Фредерик тихонько направился в спальню. Казалось, он просто забыл о нашем с Ричардом существовании.

— Поздравляю, — прошептал он и поцеловал Наташе руку. Посмотрел на маленький краснолицый сверточек и растроганно добавил: — Ваша девочка — красавица!

— Спасибо, ваше величество... — прошептала Наташа.

— Отдыхайте, — приказал император. — И ни о чем не переживайте.

Я сделаю все возможное, чтобы вам было хорошо. — Он еще раз поцеловал ей руку, задержав ее в своей чуть дольше.

Наступила наша с Ричардом очередь. Я всплакнула, расчувствовавшись. Ричард извинился за свое появление.

На этом мы удалились, оставив Наташу отдыхать.

Уже уходя, я слышала, как его величество дает распоряжение Аманде и Ирвину, приказывает поднять прислугу, чтобы гостя не оставалась одна...

— Ника, а что происходит? — спросил у меня Ричард весьма и весьма удивленно. — Что с отцом?

— Понятия не имею, — растерянно ответила я. — Пойдем спать, а?

— Я хочу, чтобы у нас был ребенок...

— Что?

— К стихиям! Все — к стихиям! Если будет необходимо — мы переедем в твой мир. — Ричард взял мою голову в свои огромные теплые ладони. — Пусть будет так, как ты хочешь. Как я хочу. Я хочу, чтобы вы родили мне дочку, Вероника Журавлева-Лиззард.

— Пусть будет так, как ты хочешь, — эхом ответила я. — Как я хочу. Я хочу, чтобы ты был моим мужем. Я выйду за вас, милорд Верд, Ричард Фредерик Рэ, принц Тигверд.

Мы смотрели друг другу в глаза, наверное, целую вечность. После такого обычно бывает бурная ночь. Мы так и планировали — честно! Но оба заснули еще до того, как голова опустилась на подушку.

Когда я открыла глаза, то увидела огромный букет из соек и подснежников. Вместе эти цветы смотрелись как чудо — два наших мира слились вместе. Цветов было много — целая охапка, и я спрятала счастливое лицо в мягких лепестках...

— Чего желает моя невеста? — Ричард просто светился изнутри.

Я на секунду задумалась и выдала ему список.

На самом деле все, что я хотела, — токмо на благо империи и императорского рода, между прочим...

Во-первых, мне надо было, чтобы Ричард предоставил допуск в Норверд и обеспечил безопасность моему фотографу. Люди должны знать, на что способны захватчики. Жители должны видеть раненых и погибших, скорбящих родственников и работающих на износ целителей. Как говорили операторам в годы Великой Отечественной войны: «Плачьте, но снимайте...»

Во-вторых, я пожелала, чтобы мне разрешили взять интервью для газеты у одного из наемников. Опять же — образ врага надо формировать.

А то мы все стесняемся — а нам информационную войну уже с полгода как навязали.

В-третьих, мне нужен был порученец. И я хотела, чтобы это был Вилли. Веселого, резвого и неунывающего мальчишку из окрестностей поместья Ричарда я не забывала. И очень хотела пристроить к делу, чтобы у него появилась возможность выбиться в люди. Только необходимо было обеспечить ему безопасность.

В-четвертых, я была бы благодарна, если бы он подобрал кого-нибудь из молодых толковых офицеров в качестве секретаря его величеству. А то с гражданскими проблемы возникают.

После моей речи я обнаружила, что Ричард смотрит на меня недоуменно-обиженно.

— Все?!

— Да! — И я сделала вид, что люблю цветы...

— Невозможна! Ты невозможная женщина, Ника... Но я тебя люблю, поэтому постараюсь сделать все для своей невесты.

И он исчез, едва коснувшись губами кончиков моих пальцев и щелкнув каблуками. Позер!

— На себя посмотри! — тут же раздалось у меня в голове.

Не успела дверь закрыться, как в ней появилась Оливия.

— Я узнала, что миледи Наташа доченьку родила! Здоровенькую! И говорят — красавицу! Вы видели? — Девушка щебетала, разливала кофе, а я... Я ее не слышала — так громко счастье шумело в ушах...

Глава 26

Позавтракать толком мне не дали. Быстрыми шагами, едва стукнув в дверь для приличия, ко мне зашел незнакомый молодой офицер. Я отставила чашку и подняла брови.

— Миледи Вероника, — торжественно провозгласил он. — Его величество Фредерик приказывают вам немедленно явиться к нему.

— Да что ж такое! — недовольно воскликнула я. Но на аудиенцию отправилась.

Когда выходила из своих покоев, то заметила, как в коридоре бесцветным привидением мелькнула Джулиана. С красными глазами. Такого выражения лица у нее не было даже тогда, когда ее при нас арестовывали. Вчера, когда она думала, что умрет, — и то выглядела спокойнее.

Объяснение этому я нашла, как только пересекла порог императорского кабинета. У папеньки был Брэндон.

— Вот, — обвиняющее ткнул в него пальцем император Фредерик, — молодой человек жениться надумал!

Я изумленно уставилась на взбешенного повелителя. Потом перевела взгляд на принца, тот выглядел нарочито счастливым. По понятным причинам это довольное лицо не могло не вызвать у императора острого приступа, скажем так, раздражения.

— Это он хорошо придумал, — процитировала я известный фильм. — Главное, вовремя. А можно поинтересоваться, ваше величество... Я-то здесь при чем?

И я опустила в кресло, не дожидаясь приглашения.

— Прибить его боюсь, — признался император. — Думаю, вы окажете на меня благотворное влияние.

— А вы обедали? — с опаской посмотрела я на него.

— В последнее время прислуга излишне назойлива в вопросах моего питания, — отмахнулся Фредерик.

— Я сообщил отцу, — решительно выдал нам наследный принц, — что намерен связать себя узами брака с Джулианой. И как можно быстрее.

— Именно поэтому она плачет? — насмешливо посмотрела на этого молодого дуралея. — От счастья, надо полагать?

— Она ждет ребенка? — быстро спросил император.

— Нет. — Брэндон посмотрел обиженно почему-то на меня.

— Сын, я понимаю, она прелестная девушка, однако... Ты наследник. И у тебя есть обязанности перед империей Тигвердов. Твой брак — это вопрос целесообразности, но никак не чувств.

Что я там думала про то, что Брэндон — дуралей?.. Беру свои мысли обратно — его папенька ему фору даст... Это он так сейчас сына убеждал сдать назад?.. Ну-ну...

С трудом сдерживая зуд в пальцах — очень хотелось схватить статуэтку грифона с каминной полки и зашвырнуть... Нет, в императора нельзя — она бронзовая, убьет. И я пропущу все веселье. Вздохнула, сдержалась и с интересом стала ждать ответа наследного принца. Брэндон не обманул моих ожиданий.

— Отец, — проникновенно начал он свою речь, — говорят, родители должны воспитывать своих детей личным примером. Так вот... Я не позволю использовать себя и людей, которых я люблю, как разменную монету интересов империи. Любой ценой, отец. Любой...

Принц поднялся, отошел к окну и стал к нам спиной, тем самым очень красноречиво давая понять, что дальнейшие рассуждения на данную тему совершенно бессмысленны. Но спустя минуту принц снова заговорил. Его тихий, чуть хриплый голос гулко отражался от стен, пробираясь в самое сердце... Я вся сжалась — мне вдруг стало очень холодно и захотелось, чтобы Ричард был рядом.

— Вас заставили отречься от любимой. Любимой женщины. Сына. И вы принесли эту жертву Скажите, тот мир, что был заключен с Османским ханством, он был вечным — как планировали мой дед и великий хан? Сколько он продлился? Два года?.. Потом опять война — теперь уже за крепости, которые должны были отойти империи как приданое вашей супруги. И женщина рядом с вами — которая ненавидела воздух, если ей приходилось вдыхать его подле вас. Женщина, которая ненавидела истово, люто. Женщина, носившая вашего ребенка... — Взгляды отца и сына встретились, и Брэндон осекся.

Я вспомнила все то, о чем рассказывал Фредерик, когда рожала Наташа. Бедный Брэндон: как ему жилось-то в атмосфере этой ненависти?

— Я знаю, что вы дали возможность зачать моей матери только для того, чтобы дать свою фамилию — пусть и в усеченном варианте — Ричарду. Я знаю, что этим своим решением вы подвергли свою жизнь серьезной опасности, дед не собирался оставлять престол вам.

— Не собирался, — тихо, но твердо ответил император, не отрывая взгляда от сына.

— Я даже не буду говорить сейчас о ваших отношениях с Миленой Рэ.

Я понимаю, что эта рана никогда не заживет в вашем сердце...

— Брэндон, — предостерегающе произнесла я.

Но наследник просто не обратил на меня никакого внимания. Видимо, то, что происходило между ними сейчас, вызревало давно. И сейчас ничто, никакая сила на свете не сможет их остановить. Оставалось сидеть и слушать.

Дрожь пробежала по телу, захотелось обнять мальчишек. Как часто мы делаем больно тем, кого любим. За кого готовы отдать жизнь...

Я вдруг вспомнила, как отшлепала Пашку на улице за то, что он бежал впереди по лужам. Осенняя грязь забрызгала весь комбинезон. Завтра на работу. В таком виде в сад его не поведешь. Дома оставить — не с кем. Стирать — не высохнет за ночь. Ерунда, конечно, но как-то... накатило. Какая-то женщина остановилась и спросила, не пьяна ли я. Было стыдно. Захотелось объяснить, что ничего дороже сына в жизни нет, не было и не будет. Плакала.

И вот сижу я в личных покоях Фредерика Тигверда — могущественного императора огромной магической империи. Слушаю его беседу с наследным принцем — и понимаю. Происходит то же самое...

Голос Брэндона заставил вынырнуть из воспоминаний:

— А скажите мне, — ядовито проговорил принц, — что случилось с моей матушкой?

— Брэндон, вы же не будете повторять нелепые слухи о том, что я ее убил, обезумев от горя?!!

— Вы ее не убивали. Вы совершили, пожалуй, самый человечный поступок в своей жизни — вы ее отпустили!

— Что? — вырвалось у меня.

— Откуда вам это известно? — рыкнул император.

— От матери, разумеется. Никогда бы не смирился с вами, если бы точно не знал, что мать жива!

— Как мило... И что бы вы сделали, позвольте полюбопытствовать? — Император уже полностью владел собой — уверенный голос, спокойные, плавные движения.

— Убил.

— Вот как...

— Мама не выполнила ваш приказ никогда не появляться в моей жизни. Мы встречались тайно. Все это время. Люди иногда рискуют ради тех, кого любят. Если любят...

— Не смей, Брэндон. Не смей говорить, что я тебя не люблю!

— Отчего же? Вы прекрасно знаете, что это — правда!

— Прекратите оба, — поднялась я.

Но меня не слышали. Черные глаза Тигвердов горели алым, воздух в кабинете нагрелся...

— Ты мой сын!!! И я устал слушать глупости о том, что ты — нелюбимый сын. Мои отношения с твоей матерью... Да они тебя просто-напросто не касаются! И если я не любил ее — так и она платила мне тем же самым!!! Но я никогда — слышишь?!! — никогда не переносил наши отношения на тебя! Я...

— Ричард, — позвала я. — Ричард, помоги!

Но так и не поняла, услышал меня любимый или нет.

Брэндон между тем помолчал-помолчал и, криво улыбаясь, тихо проговорил:

— Посмотрите в глаза любимому сыну и скажите: вы желаете ему такой же судьбы?

Фредерик застыл.

Я поднялась, дошла до двери и приказала молодому офицеру, который заменил Карла:

— Пригласите целителя Ирвина. Пусть принесет успокоительные.

Вернулась в кабинет, встала между мужчинами. И приказала, ничуть не смущаясь, что команду императором и его наследником:

— Разойдитесь по углам и замолчите оба!!!

Странно, но они меня послушались. Я развернулась к Брэндону:

— Вот куда вам точно нельзя — так это в дипломатию. Империю и так не любят в мире, как и любого, кто сильнее. Так что если вы будете заведовать межполитическими отношениями — это будет катастрофа.

— Ты кому-нибудь говорил о том, что Анабель жива? — едва слышно спросил Фредерик.

— Конечно, нет.

— Хорошо.

— Я понимаю, что в Османском ханстве не потерпят подобного поведения для сестры хана. И маму, и ее семью просто уничтожат.

— А пойдемте проведем Наташу, — предложила я. Ирвин тоже не появлялся.

— Да, — очнулся от ступора император. — Идея хорошая. Пойдемте. Пойдемте к Наташе!

Мы с Брэндоном удивленно переглянулись. Тут распахнулась дверь. Встревоженный Ричард и Ирвин, вооруженный кувшином с успокоительным, вошли разом.

— Что тут у вас?

— Ничего, — ответил Фредерик.

Следом он кликнул ординарца:

— Отмените все встречи и совещания с моим участием, — распорядился он. Молодой офицер, — насколько я поняла, у него был сегодня первый рабочий день в качестве секретаря его величества — совсем больным взглядом посмотрел на Ричарда. Тот едва уловимо пожал плечами.

— Ваше высочество, — Фредерик перевел взгляд все еще пламенеющих глаз на младшего сына, — с этого момента и до моих особых распоряжений вы ведаете делами империи. И отвечаете за все.

Император дождался поклонов от всех присутствующих. Полюбовался лицом порученца. В отличие от Ричарда и Брэндона, на лице которых по аристократической привычке не выражалось ничего, у молодого офицера на физиономии было все написано. И возмущение, и недоумение, и... неприличные слова, что просто трепетали у него на губах. Но пиетет к императору в сочетании с субординацией взяли вверх — и он молча поклонился.

Ирвин же... Был спокоен. Значит, жизни присутствующих ничего не угрожало. А все остальное можно и нужно было пережить.

— Что же вы застыли? — обратился ко мне Фредерик. — Пойдемте к Наташе. Я как раз дочитал ее книгу, хочется обсудить.

Уже выходя за дверь, он обернулся и обратился к Ричарду:

— Вы с Вероникой приглашены на сегодняшней ужин. Поговорим о новых тенденциях в музыке.

Я осуждающе посмотрела на Брэндона и понеслась за его величеством. Возвращать его на царствование.

У Наташи мы обнаружили весь наш дружный женский коллектив. Император улыбнулся всем. Известил герцогиню Борнмут, что подписал разрешение на ее общение с сыном. Поцеловал руку маме и сообщил ей, что она прекрасна. Выразил надежду, посмотрев в глаза Луизе, что его пригласят к ней на свадьбу. Спокойно похвалил Джулиану за помощь при ликвидации трагедии в Норверде. И за статьи.

И развернулся к Наташе с малышкой. Выражение его лица изменилось. В глазах появилась теплота. И нежность...

Император уселся в кресло и поинтересовался:

— Я дочитал вашу книгу. Она мне понравилась. Только... Вот скажите мне, Наталья, а почему главная героиня столь молода? Еще подросток. Первая любовь... Вам не интереснее было бы писать о зрелой, состоявшейся женщине? С ребенком, например? И вдруг она встречается

любовь — последнюю в своей жизни...

Мы с мамой переглянулись. А Наташа удивленно уставилась на Фредерика.

— Так почему? — повторил вопрос Фредерик.

— Может быть, мне хочется переписать свою жизнь, ваше величество? Поэтому я и пытаюсь написать, как надо было сделать правильно, чтобы быть счастливой, — тихо ответила Наташа. — Хотя бы в книгах я это могу сделать.

— Вы несчастливы? — удивленно проговорил император. Видимо, такая идея в голову ему не приходила.

— Порой, на самом деле достаточно редко... Но иногда появляются мысли: «А что бы было, если бы...» Я в этих мыслях нужна своему мужчине, у моей дочери есть отец. Есть дом, где мы счастливы...

— Такие мысли появляются не только у вас, — поднялся император, коротко поклонился и стремительно вышел.

Потом и мы засобирались — поняли, что Наташа устала. А когда сумерки окутали дворец, ко мне пришел уставший Ричард. Я посмотрела на него и вдруг поняла, что зря тянула, зря упрямилась.

— Женись на мне прямо сейчас! — потребовала я.

— Ночью? — удивился он.

— Да!

Он вздохнул. Я улыбнулась:

— Не положено?

И погладила его по щеке.

— Завтра я договорюсь со жрецом. И мы все это организуем как можно скорее!

А ночью я проснулась от его разгневанного голоса:

— Как это произошло?!

— Не могу знать, — другой голос, смущенный. — Только что обнаружили. Мы прочесываем местность. Все подняты по тревоге.

— Поднимайте по тревоге еще людей. Что говорят армейские нюхачи?

— Уже прибыли. Работают.

— С кадетами ничего не должно случиться! — рявкнул Ричард.

— Что? — Внутри все похолодело.

Трясущимися руками затянула пояс халата, выбежала в гостиную.

— Мальчишки?

— Ника... — поймал меня Ричард, прижал к себе. — Мы делаем все возможное.

— Разрешите выполнять? — обратился к нему военный.

Ричард кивнул.

— Как только будут какие-то новости... — добавил он.

— Так точно, — щелкнул каблуками офицер.

— Идите. — распоряжение командующего.

— Нет. Пожалуйста... — заплакала я, понимая, что, должно быть, в эту самую минуту они захвачены теми людьми, которые, чтобы просто сделать больно старшему сыну императора, убивали безвинных женщин.

— Тише. Тише. В том районе просто неоткуда взяться посторонним. Там все оцеплено так, что никто не пройдет.

— А если их выманили?

— Всех пятерых? Возможно. Но сомнительно.

— Как пятерых?

— Исчезли не только наши сыновья. Еще и барон Кромер. И маркиз Борнмут.

— Странно.

— Как раз нет. Они сдружились в последнее время.

— И ты думаешь, что...

— Самое простое объяснение, как правило, самое верное. Я думаю, что мы обнаружим их где-нибудь неподалеку. В самоволке.

— Что? Ты думаешь?

— Я очень и очень хочу в это верить, — выдохнул Ричард. — Иначе просто не знаю, как буду с этим жить. Они были под моей защитой.

— Пожалуйста... Давай отправимся туда.

— Мы будем только мешать тем, кто их разыскивает. Сбивать нюхачей своими эмоциями. Даже я не смогу их сдерживать. А уж у тебя они просто фонтанируют. Это будет очень отвлекать тех, кому поручено искать мальчишек. Так что давай волноваться здесь. Нам пока больше ничего не остается.

Меня трясло.

— Где там твои успокоительные? — Ричард уговаривал меня успокоиться, но получалось у меня плохо.

Я выпила свою порцию. Налила Ричарду. Без сил опустилась в кресло. Потом вскочила.

— Что? — вскинулся и Ричард.

— Надо одеться. Вдруг придется куда-нибудь бежать...

Тут в дверь уверенно и громко постучали.

— Ричард, Вероника, — раздался голос императора. — Что у вас происходит?

— Открыто, — просипела я.

Нахмуренный Фредерик вошел.

— Вы что — опять поругались? — недовольно проговорил он. — Да еще так, что меня просто снесло волной ваших эмоций. Ужас. Отчаяние. Что случилось?

— Пятеро кадетов моей Академии пропали из расположения, — доложил Ричард.

— Похищение? — быстро спросил у него отец.

Я рухнула обратно в кресло — ноги у меня подогнулись. Ричард посмотрел на меня. Опустился рядом. И крепко обнял. Потом ответил отцу:

— Еще не ясно. Ведется расследование. Но периметр взломали изнутри.

— Ты думаешь — сами ушли?

— Стихии знают, как я на это надеюсь.

И медленно-медленно потекли минуты. Тягостные. Душащие. Сначала надеждой — сейчас распахнется дверь и ворвется офицер, доложит: «Нашлись!» Потом с отчаянием: «Захвачены».

Я сходила с ума. Цеплялась за теплые руки Ричарда, который меня обнимал, и изо всех сил старалась не выть в голос. В какой-то момент перевела взгляд на часы. Поняла, что прошло только девять минут с того момента, как я выскочила в гостиную.

— Пойду все-таки оденусь, — высвободилась я из рук Ричарда.

— Пожалуй, я тоже, — поднялся и он.

— Сколько твоим розыскникам надо, чтобы обнаружить человека?

— Прошлый раз Павла нашли за четверть часа, — на секунду задумавшись, ответил Ричард.

— Еще минут шесть... — прошептала я.

Мы пошли одеваться. Потом уселись рядом — и стали ждать вестей, как приговора.

Вскоре к нам присоединился император.

Раздался стук в дверь.

— Да! — хором сказали все.

Это Брэндон.

— Что у вас тут за сборище ночью? — недовольно протянул он. — Такие эмоции — спать невозможно.

Я всхлипнула. Как ни уговаривала, что надо держать себя в руках, все равно слезы полились.

— Вероника? — растерянно посмотрел на меня младший сын императора.

— Дети пропали, — проскрежетал Ричард.

— Рэм, Павел и Феликс, — пояснил император. — С ними младшие Кромер и Борнмут.

— Твоя защита обычно сбоя не дает? — посмотрел на старшего брата принц.

— На это только и надеюсь, — ответил тот.

— Дела... — сказал наследник, прошел в гостиную и уселся рядом с нами.

И снова минута. Потом еще одна. Еще. У меня так шумело в ушах, что гула открывающегося портала я не слышала. Только увидела, как из марева портала выходит офицер.

— Ваше императорское величество! Ваше высочество! Командующий Тигверд! Разрешите доложить!

— Ну! — рявкнул император.

Мужчины были уже на ногах.

— В соседней деревне. Танцы. Драка с местными.

— Что? — вырвалось у императора и командующего, а наследник понимающе хмыкнул.

— Давайте их сюда, — распорядился Фредерик. — Сейчас я им буду сам танцы устраивать.

Для встречи кадетов мы переместились в кабинет Фредерика. Я удивленно посмотрела на Ричарда.

— Не в твоих же покоях их встречать, — проворчал Ричард.

Я уже понюхала местного аналога нашатыря. Когда вскочила, чтобы следовать за остальными, у меня подкосились ноги. И на мгновение отключилось сознание. Может быть, и не отключилось, но за пляшущими мушками в глазах я его не заметила.

В кабинете императора нас встречал поднятый с постели Ирвин, который поспешил... не ко мне. К Фредерику. Им он занялся первым.

— Из всех четверых у вас давление самое высокое, — пояснил он в ответ на возмущенный вопль императора, что целителя вызвали вообще-то к миледи Веронике.

Потом настала моя очередь. Потом Ирвин недовольно осмотрел Ричарда.

— А вас, милорд, не грех бы и госпитализировать.

— У меня война, знаете ли, — проворчал Ричард. — Я несколько занят.

Ирвин уже осматривал наследника.

— Я оставлю вас, — сказал целитель. — Мне надо к себе. Вернусь как можно скорее. С лекарствами.

Он поклонился и вышел.

Еще спустя какое-то время в кабинет завели юных нарушителей ночного покоя.

По-моему, раскаивался один Феликс. Ну, еще юные Борнмут и Кромер выглядели смущенно. Герцог Рэймский — величественно и непокорно. А Паша же откровенно возмущался.

Пока не увидел меня.

— Мам... А ты что...

— Молчать! — рявкнул император. — Говорить будете, когда я позволю!

Военные, что конвоировали мальчишек, уловили настроение императора и поставили юных кадетов на колени.

Теперь все пятеро выглядели растерянно.

— Вы знаете, что на мою страну напали? — спросил император, буравя молодых людей тяжелым взглядом черных глаз, в которых бились алые всполохи.

— Так точно, — ответил Рэм, который единственный смог поднять голову.

— Тогда ответьте на следующий вопрос: кем являются военнослужащие, которые самовольно покидают расположение своих частей в военное время?

Пашка попытался возразить, но наткнулся на взгляд императора и опустил глаза.

— Дезертирами, — едва слышно проговорил Алан Кромер.

— Именно так, — кивнул, подтверждая это, император. — Следовательно, вы все — и сыновья командующего Тигверда...

Он вперился в наших сыновей.

— ...и сын преданной трону миледи Луизы, — перевел он взгляд на Алана, — и даже тот молодой человек, которого я лично взял под покровительство короны... — досталось и юному Борнмуту.

Мальчишки совсем сникли.

— Получается, что все вы — дезертиры! Стыдитесь, господа!

Император еще немного подержал их под своим тяжелым взглядом. Потом уставился на Ричарда. Мгновение — и тот был на ногах, вытянувшись в струнку.

— И что вы прикажете с ними делать, командующий Тигверд, с вашими людьми?

Кадеты, осознав, что за их проделки достанется еще и командующему, чуть слышно взвыли.

— Арест. На хлеб и воду, — между тем проговорил Ричард. — И тяжелая физическая работа.

— Вот так вот, господа, — довольно кивнул император. — Подземелья замка Олден ждут вас.

— Но... — вдруг осмелился поднять глаза на Фредерика маркиз Борнмут, — это же замок, где содержатся государственные преступники.

— Именно так, — кивнул император. — И ваше счастье, что в армии отменили телесные наказания. По десять плетей на брата вы точно заслужили!

— Но мы-то... — начал Рэм.

— Как это — десять плетей?! — попытался возмутиться Паша.

— На мать посмотри! — рыкнул Ричард.

Все пятеро посмотрели на меня. И сникли.

— Мам, прости, — протянул Пашка.

Я покачала головой.

Живые... Будь моя воля — я бы их расцеловала и повела бы кормить. Но где-то в глубине души я понимала, что мужчины правы. Потому что дурацкая выходка этих красавцев могла обернуться реальной трагедией. Их вполне могли захватить или убить.

— Пять ночей подземелий. А в дневное время я попрошу вас занять чем-нибудь очень и очень неприятным. Думаю, чистка конюшен и отхожих мест вполне подойдет, — подытожил император. — Надеюсь, этого хватит, чтобы осознать простую истину: приказы надо выполнять, а ночью надо спать.

— И понимать, в какое время можно чудачить, а в какое — нет! — внезапно произнес Брэндон, явно сочувствуя кадетам.

— Еще одно слово, ваше высочество, — недобро протянул император Фредерик, — и я подумаю, что в этой теплой компании не хватает шестого участника! Физическая работа и умеренное питание могут помочь вам разобраться, как надо реагировать на нарушение приказов в военное время.

На этом мальчишек увели.

— Простите, Вероника, — посмотрел на меня Фредерик, — но лучше они эти дни побудут под круглосуточным наблюдением. В самой охраняемой тюрьме.

— Я отдам приказ — пусть-ка в районе крепости несколько боевых групп усиления разместятся, — проговорил Ричард, опускаясь в кресло.

— А ты за здоровьем своим последи, — недовольно обратился к нему Фредерик.

— А Ирвин сказал, что из всех самое высокое давление было у вас,

ваше величество! — процедил Брэндон.

— Договоритесь вы, ваше высочество! — посмотрел на него недобро император.

Не знаю, до чего бы договорились эти двое, но тут пришел Ирвин, напоил всех лекарствами и отправил спать.

У меня не было сил ни на что, но я была абсолютно счастлива. Мальчишки живы. А еще... Еще сегодня что-то очень важное произошло между наследником и императором. Важное и... хорошее.

Глава 27

— Ричард! Ну посмотри! Это важно... Нам сегодня в печать номер сдавать!

— Ты у меня не только красавица, но и умница. У тебя все получится!

— Но... Ричард!!!

Командующего Тигверда уже не было. Он... удрал... через портал!

Вздохнула и потащилась к Крайому. У нас ведь сроки! И так из-за военных действий почти все менять пришлось! А тут — простая формальность — мы изначально договаривались с Фредериком, что содержание журнала будет согласовано. С кем именно — он не уточнил. А я не спросила. Вчера выяснилось, что зря. Имперцы отфутболивали меня один за другим. И никто ничего решать не хотел.

Начальник службы безопасности посмотрел на меня так, что я тихонько ретировалась. Крайом был настолько сильно не в духе, что мелькнула мысль о том, что он кликнет палача. Для меня.

Но это было вчера. А сегодня, подбадривая себя мыслью о том, что вряд ли он решится что-то предпринимать против невесты главнокомандующего в период войны, я зашла в приемную.

— Его светлости нет, — радостно поприветствовал меня ординарец. — И господин граф просил передать, что появится только завтра с утра. Служба, понимаете.

Понимала ли я?! Конечно! И Крайом, и Ричард изо всех сил намекали мне, что вопрос со статьями надо решать с наследником. А вот этого мне и не хотелось...

Так, еще одна попытка! Фредерика я застала у Наташи. Его взбунтовавшееся величество эти несколько дней либо музицировали, либо устраивали литературные вечера с Наташей.

Император читал вслух то, чем одарила муза молодую мамочку, а затем вместе они обсуждали особенно удавшиеся места. Идиллия временами прерывалась требовательным плачем малышки — духовной пищи младенцу было явно маловато.

Девочка, кстати, росла не по дням, а по часам, как в сказках! У малышки был хороший аппетит и крепкий, здоровый сон. Ирвин только и успевал улыбаться и одобрительно качать рыжими кудрями. После каждого визита к Наташе целитель спешил удалиться как можно скорее и незаметнее. Дело в том, что император каждый раз требовал подробнейший

отчет о здоровье обеих дам, что очень нервировало Ирвина. Бедняга и так ничего не успевал!

Слугам во дворце тоже досталось. Фредерик просто впал в бешенство, когда осознал, что к дочери нашей писательницы относятся брезгливо-неприязненно. Незаконнорожденная все-таки. Да еще и девочка. Те, кто шептались на эту тему по углам, были наказаны, и довольно строго. Во всяком случае, во дворце они служить больше не будут никогда. Но меня это только радовало. Что-что, а подобный чудовищный архаизм давно пора бы вымести из империи поганой метлой!

— Фредерик, мне необходимо разрешение на публикацию журнала, — сказала я, когда зашла к Наташе.

— Этим должна заниматься служба безопасности, — отмахнулся от меня император. — Все вопросы к Крайому.

— Он занят. И его нет во дворце.

— Так обратитесь к Брэндону.

— Фредерик! — взмолилась я.

Наташа смотрела на нас и улыбалась.

— Может быть, вы нам поможете? — попросила и она. — Если не подписать сегодня, то получается, я зря торопилась с романом.

— А я его читал? — засиял улыбкой император.

— А если вам его дать почитать — подпишите? — пошла в наступление Наташа, включив все свое обаяние.

Я вдруг посмотрела на нее внимательно. За эти дни она очень изменилась. Во-первых, стала совсем худенькой — малышка ела и поправлялась, а мама таяла на глазах. При этом у женщины был зверский аппетит. Все поверхности тумбочек и столиков были заставлены тарелочками, мисочками, чашечками и вазочками с кремом, джемом, а также соусами, что традиционно подают в империи к мясным блюдам. Красный, чем-то напоминающий кетчуп, — к мясу и белый — к рыбе. Между посудой жили и прекрасно себя чувствовали конфетные обертки, шкурки, косточки и... прочие огрызки. Говоря откровенно — настоящий свинарник, который обоих любителей литературы, похоже, не только не смущал, но и радовал!

Во-вторых, с писательницы исчезли очки. При этом Наташа не щурилась и не натыкалась на углы. Может, Ирвин постарался? В-третьих — куда-то исчезли ярко-желтый и розовый — цвета, в которые так любила наряжаться писательница! Теперь только белый, бежевый, иногда — кофе с молоком. Все это ей невероятно шло: она была прелестна и источала такое количество любви к дочке и всему миру, что через пять минут ты и сам

начинал светиться от счастья. Видимо, это состояние так понравилось Фредерику, что подобные визиты стали занимать почти... Да что уж там! Последние несколько дней все, абсолютно все его время!

— К Брэндону, — не поддался на наши умоляющие взгляды император.

И я удалилась, слыша, как Фредерик стал расспрашивать Наташу о ее новом романе.

С трагедии в Норверде прошла неделя. Брэндон и Джулиана пытались понять, что же с ними происходит, и научиться с этим жить. Получалось... плохо. Проще Флоризеля грандис научить танцевать... Детей было жалко. Но я понимала, что сделать ничего нельзя — им отчаянно мешала молодость. А этот недостаток проходит быстро и без внешнего вмешательства. Подождем.

На самом деле мне было жаль наследника. Брэндон был замученным и бледным. Он управлял империей. Хотелось покормить, потрепать его по голове — как Флоризеля. И пожалеть. С другой стороны, он так меня сегодня взбесил вместе с его отцом, императором, что очень хотелось этими листами, свернутыми в трубочку, надавать им по голове. И поставить представителей августейшего семейства в угол.

Характер у наследника, понимаешь ли... Личная драма... Устроить бунт самому, довести до бунта отца-императора — и все это во время уже откровенной войны. И получить отказ от любимой девушки. Джулиана отказалась выходить замуж.

Но сегодня Брэндон, чутко уловив мой настрой, просто подписал разрешение на выпуск журнала. Хотя и поморщился, рассматривая себя, любимого, на страницах.

— Спасибо, ваше высочество, — прижала я руки к груди.

Он только грустно улыбнулся.

Наконец номер журнала был полностью готов к печати, и я могла позволить себе немного отдохнуть, тем более что Ричард обещал освободиться пораньше.

— Наконец-то! — обнял он меня.

Все закружилось, настолько ярко я почувствовала его рядом...

— Ты можешь закрыть дверь, чтобы сюда никто не зашел?

Надо же, этот хриплый голос — мой.

— Ника... — Его руки привычно стали рвать шнуровку платья.

Я замурлыкала от предвкушения... Но тут он стал невозможно нежен. Аккуратен в каждом движении.

— Ричард! — возмутилась я. Мне хотелось сносящего сознания

взрыва — такого, какой был, когда мы в первый раз позволили себе забыть обо всем, кроме друг друга.

— Что? — Если бы в его глазах не плясало пламя, я бы даже поверила, что он ничего не понял. — Ай!

Это я его укусила за плечо. И для понятливости, и за то, что делал вид, что мои эмоции считать не умеет.

Ричард на мгновение задумался — это было настолько видно, что я даже хихикнула.

И все завертелось — как тогда, в первый раз...

Мы почти заснули, как вдруг Ричард вскочил с кровати и стал торопливо одеваться:

— Там же мальчишки шашлык затеяли в честь твоего визита! Нас ждут давно!

— Шашлык? — зевнула я.

— Пауль идею о маринованном и запеченном мясе в массы кадетов продвинул качественно. А еще они пекут картофель в углях. Тоже под его руководством.

— Пионеры... — покачала головой я. — Аристократы, а лица после ужина в золе?!

— Но вкусно как! Преподавателей тоже угощали.

— Побудешь моей камеристкой? — Я поднялась и отправилась в гардеробную.

— Это, безусловно, вызов... — Ричард мгновенно оказался на ногах и прижался к моей обнаженной спине, — но я смогу.

Мы быстро оделись, и ненаследный принц открыл портал.

Вечер. Теплый ветер с моря. Запах соли и счастья. Огромная кровавая планета, шипя, опускается в ультрамариновые волны, растекаясь причудливым пятном. Будто большая ложка варенья в манной каше.

Можно любоваться закатом или следить, как по небольшому пляжу носятся два щенка — Флоризель и Анук-Чи Рэма.

— Видишь, где Рэм? — восхищенно спросил Ричард.

— Вон там, у костра. — Я вопросительно посмотрела на любимого.

— Он стоит у костра, а его Анук-Чи играет с Флоризелем на пляже! Это очень большое расстояние. Рэм — очень сильный.

— А ты? Ты можешь сделать так, чтобы огненный конь ускакал от тебя далеко?

— На такое большое расстояние? Не знаю, не пробовал. Замерзла? — Ричард улыбнулся, и сзади меня возник огненный конь. Стало тепло, светло и... хорошо. Я оглянулась — очертания крепости завораживали...

Ричард улыбнулся.

— Что?

— Ничего... Просто я несколько не сомневался, что закату ты предпочтешь крепость!

— Ну... — Я улыбнулась.

— Пойдем. Нас ждут. — Ричард помог мне подняться, и мы двинулись к костру.

Мясо так вкусно пахло! Было даже легкое вино, которое мальчишки пригубили с таким снисхождением, что стало ясно — и что покрепче им уже давно не впервой...

Тихо шептались волны, где-то вдалеке лаял Флоризель, позвякивали шпаги: Рэм с Пашкой разминались, Ричард давал какие-то наставления. Я прикрыла глаза.

Наверное, я задремала, потому что голос Ричарда вдруг зазвучал совсем рядом:

— Ника, любимая... Дай руку — пойдем... Пойдем со мной!

Я открыла глаза, посмотрела в черные с алыми искорками глаза. Палец обожгло болью. Я привычно поморщилась, но уже вложила свою руку в руку Ричарда. Он рванул с такой силой, что я споткнулась о камень и упала, разбив коленку.

— Ричард! — Боль отрезвила, взгляд упал на пляж. Ричард фехтует с Рэмом и Пашкой. Двое на одного...

Как в замедленной съемке ко мне несется золотой песчаный щенок. Не успевает... Лай Флоризеля. Вспышка огня. Крик Пашки:

— Мама!

— Ника!

— Ричард!

* * *

Мне снился сон. И это была моя собственная свадьба.

Меня ведут в Храм Стихий — мрачный и величественный. Огромные витражи под самым куполом, сквозь которые с трудом просачивается свет, окрашиваясь в четыре цвета стихий: алый, синий, золотой и серебряный. Четыре жертвенника — по числу стихий. Алыми всполохами танцует огонь, отражаясь в зеркале огромной чаши, наполненной синей водой, золотом вспыхивает земля, мерцает серебром воздух.

Народу в храме собралось огромное количество. Я пытаюсь найти

взглядом близких мне людей. Вот мама — какая-то она потерянная. Рядом с ней император Фредерик. Он выглядит довольным и абсолютно счастливым. Они сидят в первом ряду — около алтарей. Рядом — Брэндон и Джулиана. Джулиана почему-то плачет и смотрит мне прямо в глаза...

Жених... глупо улыбается и от этого выглядит мальчишкой, несмотря на мощную фигуру, шрам на виске и седые, чуть выющиеся на затылке волосы.

Милорд Милфорд стоит у входа. Улыбается, глядя на меня.

И вдруг я вижу себя... со стороны. Глазами милорда Милфорда.

Я — беременна! Огромный живот, который не в состоянии скрыть свободный крой платья, туфель на мне нет вовсе, ноги замерзли... Отец тащит меня к алтарю, а я упираюсь точно так же, как Флоризель, когда его ведут мыть. Мальчишки почетным караулом идут сзади — Паша, Рэм и Феликс. Выглядят устало, однако парадные мундиры кадетов Императорской Военной Академии сидят на них идеально.

Кстати, а почему я без цветов?

Хлопок — Рэм исчезает. Хлопок — снова появляется с букетом подснежников.

Я беру букет, сжимаю папину руку и иду. Босиком холодно — пол в храме почему-то земляной, как в пещере.

Иду. Сквозь любопытные, презрительные, негодующие взгляды аристократов. Довольные — военных. Поймала несколько счастливых — зацепилась за взгляд Вилли — рядом с ним стоят мои друзья из поместья. Вон Оливия глаза вытирает.

Я рассмеялась. А потом я поймала шальной и довольный взгляд Ричарда, он, похоже, и не обратил внимания на то, что я босая. С трудом сдержалась, чтобы не побежать ему навстречу.

Шаг. Еще шаг.

Прячу счастливое лицо в подснежниках, взгляд падает на руки. Перстня рода Рэ на мне нет. И охранного браслета, подаренного морским владыкой... тоже... нет.

— Нет!

Я пугаюсь — сердце выбивает бешеную барабанную дробь... Распахиваю глаза... Поднимаюсь на локте, начинаю оглядываться. Темно. Только где-то высоко виднеется квадратик окна, забраный решеткой. Каменный мешок. Как здесь холодно...

Меня начинает бить дрожь. Я вспоминаю крик Паши, когда мы вошли в портал. Должно быть, меня похитили.

— А у вас очень сильные артефакты, — раздался рядом незнакомый

мужской голос.

Я отпрянула подальше от него — и, не поднимаясь с пола, отползла. Получилось не так, как хотелось. Всего несколько метров, пока спина не уткнулась в холодную стену.

— Да... Очень сильные. И я бы сказал, своенравные. Заглушить мы их заглушили, но снять с вас... Пока я не пригрозил вашему перстню и браслету, что отрежу вам руки, если они не снимутся, — ничего не получалось, представляете? Только после этого я смог их стянуть.

Меня колотило от звуков этого голоса. И то, что в нем было лишь благодушные пополам с любопытством, внушало даже больший страх, чем откровенная ругань.

— И одежда у вас примечательная, — продолжил мужчина. — Чего только не было в швах. И обереги, и следилки. А ваши туфли! Это просто произведение магического искусства. Ваши любовники — Фредерик и его сын — о вас хорошо заботятся. Явно боятся потерять.

Теперь в голосе появилась явная насмешка. И нескрываемое торжество.

— Вот мне только интересно, как они смирились с тем, что делают вас? Не думаю, чтобы вам удалось их водить за нос... Вы их принимаете по очереди, миледи? Или разом?

Голос зазвучал зло. Надо же — а его злят аспекты моей личной жизни...

— Я приказал, чтобы вас переодели, миледи Вероника. Надеюсь, вы не в обиде.

Обхватила себя руками. Действительно, на мне была какая-то дерюга. Натянута на голое тело. Ноги — босые. Твари...

— Вы вообще очень любопытная особа, моя госпожа... — продолжил мужчина. Теперь я не только его слышала, но и видела силуэт в черной мантии с капюшоном, практически сливающийся со стеной. — Слабая. Не обладающая раскрытыми магическими способностями. Но везучая. И потрясающе мешающая моим планам...

Я пыталась унять дрожь и успокоиться. Получалось плохо.

— Не буду утверждать, что у вас вовсе нет магии. Есть. Но она спит. И я ее не знаю. Хотя, возможно, это всего лишь результат ношения сильных артефактов. Так бывает. — Мужчина замолчал. Надолго. Потом снова заговорил:

— Вы даже не спросите — кто я?

Хотела спросить, но поняла, что у меня застучат зубы, если я скажу хоть слово. Не то чтобы меня волновало, что подумает обо мне мой

тюремщик, — он, скорее всего, умеет считывать эмоции и просто-напросто чувствует мой ужас... Нет. Я злилась, что не могу взять себя в руки.

— Вы даже не спросите — где вы?

Я молчала.

— С вами неинтересно. Я ожидал чего-то более... решительного. Что вы хоть дерзить начнете. Обычно у вас это хорошо получается.

— Вы — маг, который руководит нападением на империю? — прошептала я.

— Освободительным движением против тирании, — поправил он.

Против воли я насмешливо хмыкнула — ну да. Против тирании и императора зла, конечно, надо бороться. Особенно извне. И пытаюсь уничтожить мирное население целого города.

— О? — довольно отреагировал на насмешливые звуки, которые я издавала, маг. — У меня есть шанс поговорить с вами нормально?

— Оно вам зачем? — поинтересовалась я.

— Вы мне интересны.

— Чем же?

— Несоответствием. Вы — слишком обыкновенная.

— А что вы называете необыкновенным? Приговор целому городу? Женщинам и детям, которые в нем жили?

— Это была вынужденная мера.

Он резко поднялся, я вжалась в стену.

— Оставляю вас. Чуть позже навещу — поговорим. Заодно познакомлю вас с вашими соседями по замковым подземельям. У меня тут, знаете ли, прелюбопытная коллекция набралась.

Он подошел к двери, я увидела, что он приложил к ней руку. Дверь распахнулась, тут же в коридоре стало светло. Я зажмурила заслезившиеся глаза — от света стало больно. Через какое-то время свет погас. Я осталась в темноте.

Попробовала встать на четвереньки. К моему удивлению — получилось. Из коленки шла кровь. Попыталась сориентироваться в темноте.

Помещение, судя по всему, было совсем маленькое. Три на три шага. В одном углу, справа от двери, — дырка в полу. Хорошо еще, что я уже начала видеть в темноте. Запах.... Не наворачнулась туда, уже хорошо.

Наискосок от «удобств» — охапка чего-то прелого. Солома, наверное. Рядом стояло кресло, в котором только что восседал мой собеседник.

Дверь. Она не была цельная — четыре железных прута посередине. Скорее всего, чтобы можно было заглянуть в камеру и посмотреть, что там

выделяет пленный.

В коридоре была крошечная темнота. Как я уже поняла, свет зажигался на чье-нибудь движение.

Постояла, опираясь о стену и напряженно всматриваясь в темноту. Чьи-то мучительные вздохи. Стоны. Едва слышный перезвон цепей. Жутко.

Отошла от двери к тому месту, где была лежанка. Попробовала улечься и закопаться в солому — будем считать, что это она. Стало еще холоднее. Такое ощущение, что пол был сделан не из каменных плит, а из ледяных.

Поднялась, заставила себя присесть раз пятьдесят и быстро забралась с ногами в кресло. Как смогла, подоткнула дерюгу, в которую меня нарядили. Ничего не помогало — дрожь была все сильнее, до тех пор пока не отключилось сознание.

Не знаю, сколько прошло времени, как вдруг в коридоре загорелся свет. Разумом я понимала, что это пришли те, кто меня захватили, но отчего-то я слетела со своего наместа — и, дрожа, кинулась к прутьям решетки на двери.

— Ричард! — выдохнула я.

Глаза болели на свету, я щурилась, почти ничего не видела. Но знала, что это он. Чувствовала.

— Ричард! — у меня вырвался крик. — Я здесь!

Он неторопливо спускался по ступеням. Глаза привыкли — и я стала различать его силуэт. Дошел по коридору до двери, ведущей в мою камеру. Посмотрел на меня. В глазах было злое торжество.

— Как же приятно видеть тебя в камере, — пророкотал знакомый голос. — Там, где тебе самое место.

Я уже поняла, что это не он. Но видеть какую-то тварь, которая так легко копирует родного человека, до произвольного движения, с каким он большим пальцем крутит кольцо на указательном, было жутко.

Мне хотелось кричать. Хотелось попытаться просунуть руки через прутья решетки и выцарапать ему глаза. Но я молчала. Зачем радовать тварь бессильной истерикой и пустыми угрозами?

Я вздохнула и отошла от двери.

— Куда же ты, любимая?

Я только хмыкнула. В тишине камеры этот звук получился оглушительно громким.

Некто, изображающий старшего сына императора у моей двери, замер. Конечно, после российских перлов в нецензурных словах и выражениях, которыми блистала речь студентов — когда они думали, что их не слышат преподаватели, — и самих преподавателей — реже, но более образно —

меня сложно было чем-то удивить. Однако...

Если первый визитер меня напугал до дрожи, то второй развеселил и внушил хоть какую-то надежду на то, что мне удастся выкрутиться. Когда все в порядке и все идет по плану, не ходят в подвал к пленникам закатывать истерики. Даже если ненавидят. Такие вопли — это признак слабости. А это уже шанс на победу.

Эмоции у стоящего за дверью били через край. Я прислушалась и вдруг поняла. Несмотря на выверенность в движениях и абсолютную схожесть, за дверью стояла и поливала меня грязью женщина. Аристократка.

Короткие паузы перед словами «шлюха» и «тварь». Словно все же было неловко. Легкий флер смущения и дикой радости оттого, что все это можно не только подумать... произнести. И самое главное, я расслышала напевность интонации. Даже грязно ругаясь, аристократка выпевала последние слоги. И было странно слышать, как они примешиваются в рокошующие интонации Ричарда. Стало совсем не похоже на него. И поэтому не так жутко.

И... Я же говорила Тигвердам — всем вместе и каждому по отдельности, — что во главе заговора женщина. Что кровь на родство с правящей фамилией надо проверять и у них тоже. А они мне: «Женщина магией настолько владеть не может!» Вот тебе и пожалуйста!!!

Наконец дама закончила свою обличительную речь. И удалилась. Я подошла к двери, чтобы с сожалением понаблюдать, как гаснет свет и все вновь погружается в изматывающую тьму.

Прошел час. Может, больше. Я потеряла счет времени. Глаза были влажными — я боролась изо всех сил, но слезы все равно лились. Воздух дрожал, у меня начались галлюцинации: песок в моей камере ожил, стал золотым, превратился в огромную змею, которая обвилась вокруг ног. Огромная змея из золотистого песка. Пусть она меня задушит и съест — так будет лучше... Змея, будто услышав мои мысли, превратилась в огромную птицу галстук. Очень хорошо. Пусть птица меня заклюет. До смерти. Сначала выклюет глаза. Потом... Снова огромная змея обвивает мои ноги. Неожиданно стало теплее. И я будто очнулась: змея, галстук, золотой песок....

— Герцогиня Рэймская! Дарина!

— Тише...

Глава 28

Голос герцогини звучал в сознании, придавая сил, согревая и даря надежду. Уходил холод, уходила боль. Как тогда, в машине. Все-таки она удивительная женщина. И что было бы, если бы не она? Ничего. Ничего бы не было...

— Возьми себя в руки! Посмотри перед собой...

Я очнулась, посмотрела на золотистый песок, который из огромного питона превратился в маленькую юркую змейку. Змейка быстро поползла к противоположной стене и просочилась сквозь нее. Как бы мне хотелось сделать то же самое! От отчаяния я прильнула к стене и вдруг услышала голос:

— Вероника?

— Вы... Это вы! Как вы? Где мы? Вы знаете? — Я заплакала.

— Рэм... — простонала Дарина.

— Живой! Дарина, Рэм жив! Ричард наплевал на всю дипломатию и вытащил его.

— Слава Стихиям! Слава.... — теперь плакала и она.

— Все обошлось.

— Дассары... Их магия высасывает мою. Они... мстят. Когда-то именно чкори победили их. И если бы я не была полукровкой — смогла бы противостоять. Такое чувство, будто тебя пришили булавкой крепко, но только с одной стороны. Они знают и изматывают физически. Не дают ни есть, ни пить... Почти. Но не убивают. Я нужна им. Живой.

Я вздрогнула.

— Зачем?

— Лучше вам не знать... Добро пожаловать в мой замок, Вероника. К сожалению, — в голосе Дарины послышалась грустная улыбка, — я принимаю вас не так, как мне бы хотелось принимать спасительницу моего сына.

— Сколько тут еще народу, вы не знаете? — Маленькая горстка золотого песка осталась в трещине стены. Я соскребла его в ладонь и изо всех сил сжала в кулаке....

— Мой придворный маг. Они держат Гирра в магическом сне. Боятся. Еще какой-то граф, из имперских. Напал на них в моем замке.

— Граф Тробрэдж, — выдохнула я. — И он здесь.

— Его принесли сильно израненным. Он не говорит. Только стонет. Я

пытаюсь ему помочь, но... Слишком слаба.

— Он пытался освободить свою дочь... Глупец...

— ...Что пытался освободить?

— Нет, — скривилась я. — Что не обратился за помощью.

— Тогда не только он глупец... В этом подвале сидит еще один, — горько сказала герцогиня.

— Дарина, у вас не было его возможностей. Он — ученик Ричарда!

— Перед самым нападением я что-то почувствовала... Нежданное, тревожное... И вроде бы все было в порядке. Я вернула престол, сделала это сама. Подданные ликуют. Я расслабилась. Но Рэм тоже что-то чувствовал. Он предложил мне обратиться за помощью с командующему Тигверду. Неофициально. Никаких обязательств. Никаких уступок. В частном порядке.

— И что вы?

— Я отказалась.

— Почему?! Ну почему... — Я сползла на пол по стене, обхватила руками колени.

— Гордыня. И я за нее наказана.

Я ничего не сказала в ответ. Думаю, все что можно герцогиня Рэймская уже себе высказала. Я только спросила:

— А сейчас? Что вы думаете сейчас?

— Что можно было победить. И не подвергать опасности сына.

— Кинжал Ричарда. Он зачарован, и от дассаров в том числе. Это фамильное оружие времен той войны...

— Вероника, как вы здесь оказались?

— Если постараться, то захватить можно кого угодно. Император, опасаясь за мою безопасность, приказал запереть нас всех. Всех, кого можно было посчитать близкими ему людьми. Мне, как видите, это не очень помогло. С третьего или четвертого раза у дассаров получилось. Только я не понимаю: зачем я им?

— Шантаж?

— Дарина, это же имперцы. И речь идет о безопасности и целостности страны. И Фредерик, и Ричард — в этом я не сомневаюсь — уничтожат всех, кто принимал участие в моем похищении. Но на переговоры не пойдут. Это знают дассары, которые пытаются окопаться в этом мире. Это знают имперские заговорщики, которые им помогают. Это знаете вы, и это знаю я.

— Значит, ловушка.

— Скорее всего, — согласилась я. — Женщина, за которую пойдут

убивать и император, и его старший сын, — лучшая приманка... Есть, конечно, еще и Брэндон. Но с наследником может не так повезти, как со мной. Он маг такого уровня, что можно и попасть под раздачу. — Мы рассуждали, раскладывали сложившуюся ситуацию с разных сторон. Это помогало. Помогало не сойти с ума...

— Молодой граф — маг какой стихии? — раздался неожиданный вопрос.

— Тр oubридж? Водной.

— Так... Моя стихия — земля.

— Так же как у Рэма? — Я услышала тихий звук и поняла, что герцогиня... Смеется?

— Рэм — мой сын. У него не может быть другой стихии.

Я разжала пальцы — маленький золотой смерч вился над центром ладони. Было тепло и немного щекотно. Я снова сжала песчинки и прижала к себе. Герцогиня продолжала. Казалось, она уже говорила сама с собой:

— Мой придворный маг, которому почему-то оставили жизнь, хотя он как пленник весьма и весьма неудобен, — воздушник. Если предположить, что они захватят четвертого пленника — мага огня, то получается совсем уж невеселая картина.

— Почему?

— Маги четырех стихий нужны им для ритуала. Очень сильного ритуала.

— Бабахнет? — равнодушно спросила я, сидя на корточках и пересыпая песок из одной ладони в другую.

— Если хорошо подготовиться, подгадать время... Герцогство Рэймское исчезнет из этого мира... Это страшный, запрещенный ритуал. Только тот, кому нечего терять, может решиться на такое!

— Или если Милфорд уже уничтожил весь род... И осталась только месть... Что же нам делать?

— Меня заблокировали — я не могу связаться и предупредить.

— У меня забрали и перстень, и браслет.

— Но вас не считают магом, поэтому не блокировали.

— И что нам это дает?

— Практически ничего, но.... Можно попробовать дозваться до вашего мужчины. С учетом того, что он наверняка предпринимает отчаянные попытки узнать, что с вами, может получиться.

— Тогда я пошла звать. — Я отошла от двери и забралась на кресло с ногами.

Холод, словно дождавшись, чтобы я опять оказалась в его власти,

вцепился в меня, как голодный обозленный пес. Вот ведь странность какая — пока я стояла за приятной беседой босыми ногами да на ледяном полу, я его не чувствовала...

Я стала дышать ровно, попыталась расслабить заочневшие мышцы. Представила себе последнюю ночь с Ричардом — выражение его глаз, когда он склоняется надо мной, жесткость его волос на затылке, в которые я люблю запускать руки, когда его целую. Его рык, что раздается, когда наши тела сливаются в одно... Почувствовала его здесь, в этой ледяной темноте. Рядом.

Поняла, что не хочу оставаться в этом холоде. Даже с ним... И рванулась прочь. Туда, где тепло и свет...

— Ричард! — кричала я, свободная и ликующая.

И поняла вдруг, что победила, что он сейчас отзовется....

Вдруг меня вырвали из этого ликующего состояния — только в ушах остался горестный вопль Ричарда: «Ника!!!»

Я очнулась на полу. Меня швырнули вместе с креслом. Свет из коридора бил по глазам. А маг, который еще утром сидел в этом кресле с видом победителя, бил меня — по ребрам, животу... Везде, куда дотягивались его ноги.

— Тварь! — орал он. — Я уничтожу тебя. И твоих любовников. И всю эту проклятую империю...

Я жалела только о том, что не теряю сознание...

— Откуда они узнали, кто я такой? — из-под плаща вырвалось шипение. — Откуда они узнали про мою семью?

Я сжалась и вдруг поняла, что не могу пошевелиться. Рядом с магом стояло клыкастое существо... Оно было не из огня и не из песка — оно было похоже на плотную тень. И именно это чудовище держало меня в таком состоянии. И оно не отпустит, пока маг не захочет этого сам...

— Как они смогли захватить их? Доставить в империю? Как?!!

«Милфорд постарался — не иначе...» — и темнота...

Вот того, что произошло потом, в моей жизни точно не было, хотя она стала неоправданно насыщенной в последний год... Излишне.

В тот момент, когда я отключилась, я поняла, что вижу и слышу все происходящее вокруг. Но со стороны.

Мою камеру — причем в мельчайших деталях. Теперь тьма не была преградой.

Мага, который склонился надо мной с перекошенным лицом. Какой он молодой, оказывается. Мужчина — как я поняла — пытался меня то ли реанимировать, то ли оживить. Клыкастая тень смотрела мне прямо в глаза

— сар меня видел. Это чудовище точно знало, что произошло, но я тоже теперь кое-что знала! Я знала, что оно не может ни сообщить об этом своему дасу, ни причинить мне какой-либо вред! Я его победила. Мы смотрели друг на друга и оба понимали это...

Я слышала крики Дарины из соседней камеры. Полетела сквозь стену — теперь это легко! — увидела ее лицо. Сильное, упрямое, измученное. Она сжала кулаки и крикнула:

— Что ты наделал! Зверь...

Я так поняла, что ничем хорошим это не окончится... И решила попрощаться. Должна же я увидеть мальчишек — в последний раз... Ричард...

Проскользнула между прутьями решетки.

Ветер. Небо. Воля...

Немножко запуталась в порывах ветра... Здравствуй, ветер! Сильный, свободный, родной. Помоги мне. Мне надо... Очень.

И я взмыла в небо. Ближе к облакам. И от счастья, захлебываясь свободой, на мгновение забыла обо всем — даже о сыновьях. Хорошо, что ветер помнил — и аккуратно приземлил меня на какую-то поляну меж вековых сосен.

Кто-то плакал. Мне стало жаль человека, который так горько, так по-детски — захлеб — рыдал.

Мальчишка-подросток. Надо же — никогда не думала, что они умеют так плакать. Сидит, уткнувшись головой в колени, и рыдает.

Еще двое, такого же возраста, у одного в глазах тоже стоят слезы, но он пытается сдерживаться. Другой — сжимает и разжимает кулаки. В глазах лед и ненависть.

— Феликс, — говорит этот третий. — Возьми себя в руки. Будем надеяться, что мама жива. Что она выберется.

— Рэм, — отвечает тот. — Ты же самый сильный маг из нас всех. Ты же чувствуешь то же, что и я. Ее боль. Потом вскрик. И пустота. Я ее не чувствую больше. Не чувствую!

— Вы хотите сказать, что мама... — опускается на землю третий мальчишка.

И я замечаю, что чем-то они похожи. Светловолосые, сероглазые.

— Паша... — говорит тот, кого называли Рэмом. — Я верю в то, что все обойдется. Вопреки всему...

«Паша», — повторяю я вслед за ним... И понимаю, кто эти мальчишки.

— Сынок! — опускаюсь я рядом с ним, пытаюсь его обнять. Мне удастся только взъерошить его волосы и подсушить слезы в глазах. Как же

хочется забрать боль, пустоту и ненависть из его сердца.

Потом я метнулась к Феликсу, попыталась утешить его. Он перестал всхлипывать.

— Странно, — прошептал он. — Теплом повеяло. Как будто мама рядом.

«Ты ж моя умница!» — ветер погладил по голове моего приемного сына — самого нежного, самого трепетного. Того, кто после всех жизненных перипетий ценил семью и возможность называть меня мамой больше всех.

— Слушайте, надо проникнуть в замок, — говорит Рэм. — Это мой замок, и я знаю там все. Я почувствовал, что маму Веронику перенесли туда. Я им сразу сказал. Вот почему командующий Тигверд отказался от нашей помощи?! Меня бесит, что нас считают за детей, выслали сюда...

— «Вы будете там, где безопасно... — похоже передразнил Ричарда Паша. — И разговор окончен!»

— Кто еще может быть полезен? — между тем продолжал размышлять юный полководец наследный герцог Рэймский. — Наших возьмем? Или к старшему курсу обратиться за помощью?

— К десятому, выпускному. К друзьям графа Трuebasиджа. Его тоже захватили.

— Кто порталы будет строить? — Из глаз Паши ушла обреченность. Появился огонь. Злость. И азарт. В какой-то момент мне показалось даже, что там замелькали алые искры...

— Алана Кромера возьмем, — предложил Рэм. — Он уже сбегал, когда мать освобождал, — у него опыт. И Борнмута на подкачку энергии. У него огненной — море просто. Почти как у Ричарда.

— Ты же понимаешь, что из этой долины так просто не уйти, — хмыкнул Паша. — Преподаватели просто помешались на безопасности. Любая возможность прийти и уйти — что порталом, что ногами — и фиксируется, и блокируется.

— Я с вами, — распрямился Феликс.

— Слушай, — начал Рэм, без слов, одним взглядом посоветовавшись с Пашей. — Не думаю, что это хорошая идея.

— Ага. А когда ты маму найдешь, лечить ее ты будешь, полководец? Или кто-нибудь из ваших боевиков?

— Блин, — проговорил Паша, — Феликс, ты — мозг. Я об этом и не подумал.

— Пошли готовиться, — приказал Рэм. — Дел много.

Тут до поляны долетел звук голоса, явно усиленного магически:

— Внимание! Кадетам Рэ срочно подойти к палатке командира. Повторяю. Внимание!

— Так... Главное — не палимся! — рявкнул Паша.

— Главное, чтобы нам не сказали сейчас, что наша ночная вылазка уже бесполезна, — едва слышно прошептал Феликс.

— Прекрати, — покачал головой Рэм.

И они припустили бегом. Туда, где за деревьями виднелись ярко-оранжевые палатки.

Понятное дело, я полетела за ними.

Мальчиков ждал Ричард. Ричард... Выглядел он... жутко. Как огромная глыба льда. Только глаза горели нестерпимо алым пламенем.

— Есть новости? — бросился к нему Паша.

— Мы знаем, где Веронику держат, — раздался скрежет, в котором почти не было ничего человеческого. — Мы выставили им условия, и похитители пошли на переговоры. Через час они начнутся. Если сорвутся — идем на штурм немедленно.

— Какие переговоры могут быть с этими нелюдями! — взвился Рэм. — Их уничтожать надо, как бешеных псов. Я проведу вас в родовой замок такими переходами, о которых никто не знает!

— Вы останетесь в расположении Академии. Здесь безопасно.

— Ну уж нет! — подскочил к нему Паша. — Вы ведь тоже почувствовали, что с мамой что-то не так! Почему же вы здесь, а не штурмуете замок? Чего вы ждете? Время уходит!

На мгновение Ричард полыхнул — как большой костер. Мальчишки отшатнулись. Но сын императора злобно зарычал — и пламя, подчинившись, потухло.

— Я пришел сюда не за тем, чтобы объясняться с вами, — проскрипел Ричард. — Мне нужно лишь ваше слово, что вы не попытаетесь сбежать и затеять какую-нибудь самоубийственную авантюру.

— Нет, — отрезал Рэм.

— Мы будем хоть что-то делать! — крикнул Феликс.

— Раз вы только выжидаете. — Сын сжал кулаки.

— Могу вас уверить, что делается уже и невозможное, и противозаконное для того, чтобы ее вытащить... Я готов казнить ребенка... И беременную женщину.

Он сделал шаг назад и закрыл глаза.

Мальчишки, словно и не понимая, в каком он состоянии, качнулись вперед, чтобы выплеснуть на него свой страх, свою боль...

— Хватит, — приказала я. — А ну прекратите немедленно!!!

Как ни странно, меня услышали. И судя потому, как ко мне кинулись со счастливыми возгласами и попытались обнять — даже увидели. Но не более того. Их руки прошли сквозь меня.

— Ника... — выдохнул Ричард.

— Мама! — На глазах у Феликса опять показались слезы.

— Ты выбралась? — спросил Паша.

— А почему вы в таком состоянии? — Это был Рэм.

— Не знаю, — ответила я ему, потом перевела взгляд на Ричарда. И быстро заговорила, боясь не успеть: — В замок меня приволокли, чтобы организовать ловушку во время спасательной операции. Они планируют принести в жертву магов четырех стихий. Дарина сказала, что...

— Вы видели маму? — поднял на меня глаза, в которых засверкала надежда, Рэм. — Она жива?!

— Насколько маги сильны? — перебил его Ричард.

— Придворный маг герцогини, Трубрижд, сама герцогиня — прости, Рэм. Дарина думает, что дассары будут искать сильного огненного.

— А с тобой что? — продолжил спокойным голосом Ричард, но я понимала, чего это ему стоит.

— Не знаю, — честно призналась я. — Я каким-то образом выскользнула из тела... И захотела увидеть мальчиков...

Чуть не сказала — напоследок, но сумела прикусить язык. Судя по взглядам, которыми обменялись мужчины, — они это поняли.

— И вообще, Ричард, тебе надо к целителю, посмотри на себя...

— Ника, — тихо сказал он — и в его голосе смогли появиться человеческие нотки, — если я тебя не спасу, мне уже никакой целитель будет не нужен... Я просто не буду с этим жить.

— Да что ты! — зарычала я. — А сыновей наших куда? В ваши приюты? Или в наши детские дома? Или на шею моим родителям, которым и так несладко. Нет, Ричард, если со мной что-нибудь случится — ты должен жить!

Настала такая тишина, что слышен был только ветер, который играл с вершинами высоченных сосен и уже звал меня за собой.

— А вы... Не смейте в таком тоне с отцом разговаривать! — перевела я взгляд на мальчишек. — И ваши идеи о ночной вылазке оставьте. Я вас люблю...

Меня захлестнуло воздушным потоком и потащило прочь.

— Вернись в тело! — раздался крик Ричарда. — Просто пожелай!!! Ника, сделай это — иначе все напрасно!!! Ты нужна мне! Ты должна жить!

Возвращаясь обратно, я чувствовала себя шариком на веревочке,

который тащит за собой ребенок. Опять высота, горы, башни уже знакомого замка. И — можно сказать — родной подвал.

Кто тут у нас? Кроме уже известного мне мага, в камере находился пожилой мужчина в балахоне. Он склонился надо мной, совершая замысловатые пассы над моей бесчувственной тушкой.

— Что с ней? — В раздражении мага я услышала нотки паники.

— Не знаю пока, — отвечал пожилой. — Травм, не совместимых с жизнью, я не обнаружил. Под заклятие разделения души и тела ваша пленница не попадала?

— Конечно, нет.

— Я так и думал... Может, она просто возвращаться в сознание не желает?

— Желаю! — пискнула я, вспомнив слова Ричарда.

И очнулась.

Так... Что тут у нас говорили про травмы, совместимые с жизнью? Тело как катком переехали — видно, что маг постарался. Но острой боли нет — уже хорошо.

— Как вы? — спросил у меня пожилой.

— Вы — целитель?

— На редкость проницательно, — улыбнулся он мне. — Как вы себя чувствуете?

— Как видите...

— Очень хорошо. Господин целитель, покиньте нас.

— Но, мой господин...

— Я уже взял себя в руки. А вы! Поднимайтесь! И пойдемте — у нас мало времени.

Он вытащил меня из камеры и поволок. Сначала по коридорам, потом — вверх, по ступеням. В какой-то момент рыкнул:

— Медленно! — и, подхватив меня на руки, понес уже так.

Он вошел в какой-то зал. Света было много, и после темноты глаза ничего не видели. Маг бросил меня в кресло, обошел вокруг, склонился над письменным столом и достал сферу тонкого стекла.

— Моя жена ждет второго ребенка, — хрипло проговорил он, ни к кому, собственно, не обращаясь. — Запрещено. У нас ведь перенаселение... Следовательно, и она, и наше не рожденное еще дитя подлежат ликвидации. Но я могу все изменить...

Он на секунду закрыл глаза. Я наблюдала за ним из-под полуприкрытых ресниц.

Огромн. Силен. И физически, и магически. Его силу чувствовала

даже я. И его... сара тоже чувствовала. Сочувствовала ли я ему? Или... им? Как человеку? Как животному? Возможно. Как гениальному магу, который провернул попытку захвата империи, положил тьму народу... Не могла. Сил не хватало. Норверд. Три зверски убитые женщины с цветом волос как у меня — отдельным списком...

Я знала, чувствовала, что убивает не он, убивает зверь, в его душе живущий. Кто же тогда пошел на все ради того, чтобы спасти семью? Зверь?

А Ричард? Фредерик? Ведь они... Они же не причинят вреда женщине и детям? Я вспомнила, с какой нежностью Фредерик относился к Наташе, когда та была беременна. К ее дочке. И как выглядят женщины дассаров?

— Готовы? — посмотрел он на меня. Я ответила недоуменным взглядом.

— Ваши освободители желают убедиться, что с вами все в порядке.

— Готова.

Повинуясь его жесту, сфера замерцала. Маг подошел ко мне.

Перед нами возник экран размером с дверь. С каждым мгновением экран становился все более и более прозрачным. Пока я не увидела кабинет императора Фредерика. Его лично, сидящего за столом. Ричарда, который, судя по обычному черному цвету глаз, сумел взять себя в руки. Еще в кресле, стоящем чуть поодаль, сидела белая как снег беременная женщина на приличном сроке, к которой прижималась перепуганная девочка лет пяти.

Я рассматривала ее торопливо, боясь увидеть что-нибудь жуткое и страшное. Но это была обычная женщина. Некрасивая, с бесцветными волосами, очень худая, высокая, со смертельно испуганным и бледным лицом.

— Ну что ж, — проговорил император, внимательно посмотрев на меня. — Вроде бы все заинтересованные лица в сборе. Начнем.

Глава 29

— Для начала, — продолжил император, — давайте удостоверимся, что дамы... здесь присутствующие, именно те, за кого себя выдают.

Маг криво усмехнулся.

— Не будем же мы утверждать, что доверяем друг другу, — спокойно ответил Фредерик.

— Не будем, — склонил голову маг. — Кто в каком порядке?

— Прошу вас, — в голосе повелителя было только радушие.

Маг медленно встал и отошел от стола шагов на десять. Двигался он при этом тяжело, грузно. Это было странно — до этого момента движения мужчины были быстры и легки. Плащ полностью скрывал фигуру дассара, капюшон был опущен так, чтобы не было видно лица.

Вдруг стало страшно — паника заставила меня оцепенеть. Била дрожь, ручейки холодного, липкого пота хлынули по спине. Фигура мага пошла рябью, в комнате стало жарко, и вот из дрожащего воздуха появился дикий зверь. Грация совершенного хищника, огромные клыки, короткая жесткая шерсть цвета красной глины и холодные голубые глаза. Глаза мага, которые, казалось, светились изнутри. Сар медленно двигался к сфере. Фигура же в плаще осталась стоять неподвижно.

Зверь встал на задние лапы и уставился в экран. По ту сторону на него смотрела женщина. Ничем не примечательная, вся укутанная в серый плащ, от чего лицо тоже казалось серым. Девочка на ее коленях улыбалась, показывая пальчиком на сферу:

— Папин-Сар, папин-Сар, папин-Сар!!!

Голубые глаза с вертикальным зрачком сузились. Женщина побледнела. Было видно, что испытывают эти двое: боль, безысходность... любовь. Они прощались. Навсегда.

Через несколько секунд он вернулся к хозяину, и все повторилось: паника, раскаленный воздух... Через мгновение все исчезло. Туман рассеялся, открывая то место, где эти двое снова соединились в одно целое. Мужчина резким движением откинул капюшон и, быстро подойдя к столу, снова сел в кресло:

— Ваша очередь. — Лицо мага было спокойно, но я сидела слишком близко и видела, как он вцепился в подлокотники.

— Вы позволите? — доброжелательностью голос Ричарда мог поспорить с императором.

— Без сомнения, — любезнейшим образом кивнул Фредерик.

— Ника, как зовут мою собаку?

— Твою? — возмутилась я. — Флоризель — мой пес!

И тут я не выдержала. Против моей воли слезы полились и не желали останавливаться. Руки, плечи, ноги стали очень холодными и тряслись мелкой дрожью, которую ничем было не унять. Я очень хотела взять себя в руки, но ничего не получалось. Ричард смотрел мне в глаза и зло сжимал кулаки. Я поняла, что он меня читает, чтобы убедиться в том, что я — это не искусно разыгранный спектакль.

Я его понимала: здесь ходит копия ненаследного принца — не отличишь. Но почувствовать любимого человека сознанием, вспомнить маму, мальчишек, увидеть на мгновение золотую шкурку и огромные уши... Окунуться в страх и боль Ричарда... Это было выше моих сил. Сквозь слезы я видела, как за мутным экраном сферы мой жених лишь коротко кивнул императору и облегченно выдохнул:

— Живая...

Чьи-то большие и сильные руки до боли сжали плечи. Вдруг стало тепло и... как-то безразлично. Дыхание выровнялось, слезы высохли. Я почувствовала прилив сил и с ужасом поняла, кто мне помог...

— Вам лучше? — сухо спросил маг, вернувшись на свое место.

— Да. Спасибо.

— Почему на миледи Веронике нет помолвочного перстня и жемчужного браслета? — спросил Ричард.

— Потому что я решил, что мне необходимо общество вашей невесты, — усмехнулся маг. — А с такими артефактами я процесс ее перемещения контролировать не могу. По этой же причине ей выдали и другую одежду.

— Давайте все-таки ближе к делу, — обратился ко всем присутствующим император Фредерик. — Итак. Я предлагаю обменяться нашими родными и осознать, что не стоит их впутывать в наши мужские игры. Заметьте, уважаемый, я не требую, чтобы вы сдались или каким-то еще образом поменяли свои планы нападения на мою страну. Нет. Хотите воевать — будем воевать. Но я требую, чтобы вы оставили в покое мирное население и — тем более — моих близких. Вы уже убедились, что в ответ на попытки нанести вред им я буду действовать... точно таким же образом.

— Честно говоря, не ожидал, — презрительно проронил маг.

— Чего именно вы не ожидали? Что я пойду на захват заложников в ответ на похищение невесты моего сына? — нахмурился Фредерик. — Не я это начал, но имперцы как раз отличаются тем, что никогда никому не

оставались должны. Ни друзьям. Ни врагам. Хотя на вашем месте я бы озадачился несколько другим вопросом.

— Каким же?

— Почему ваша семья находится в моем дворце? Каким образом я так быстро организовал их доставку? И почему за них не вступились ваши спецслужбы? Как я понимаю, именно они обещали вам гарантировать их безопасность.

— Просто ваш начальник контрразведки — исчадье ада, — с ненавистью выдохнул маг. — Он затерроризировал мою родину. Его подручные убивают — без жалости.

— Он верный подданный империи — не больше и не меньше. Такой же, кстати, как и вы... Мой подданный выполняет мой приказ. А он вполне конкретен. Все, кто явился в наш мир убивать, должны знать: их родственники в безопасности не будут. И уверяю вас: то, что начальник контрразведки делает, — его не радует, — отрезал Фредерик. — Но плохо делать он не умеет.

— Да что вы говорите! — Выдержка стала изменять магу.

— Я заключил договор с вашим правительством. Мы передаем им координаты точки перехода мира, который подойдет вам под заселение, — мне выдают вашу семью. И, можете мне поверить, ваше личное дело мне тоже передали. Как и тех, кто стоит за уничтожением людей в Норверде.

— Я польщен, что так много стою. Подумать только — целый мир!

— Не хочу вас огорчать, но так дорого стоите не вы, — усмехнулся Фредерик. — Это цена за жизнь и безопасность миледи Вероники.

— Вот как.

— Теперь по поводу обмена. Сегодня у нас с вами — перемирие. С этого момента и на сутки. Встретимся около ближайшего к территории империи пограничного поста. Он называется Белые скалы. Я считаю, там место, вполне подходящее для наших планов. За час до заката.

— Идет, — кивнул маг.

— И... я бы хотел предостеречь вас.

— Вы? — горько усмехнулся маг.

— Не отправляйте жену и ребенка на родину. В Дассарии вы и ваши подчиненные объявлены вне закона. Вы же понимаете — победы и новых территорий хотели бы все. А вот поражение надо на кого-то списать. Пока у вас есть время — найдите для них мир, где они будут вне опасности.

— Вам известно, что магия постройки порталов нам не подчиняется. И никто из Дассарии между мирами перемещаться не умеет. Когда-то к нам пробили единственный портал — но это были опять же имперцы.

— Можно было бы просто купить артефакты... Или заплатить за то, чтобы мы пробили вам портал в подходящий мир... Почему такие простые решения не приходили в голову вашему правительству? — покачал головой Фредерик.

— Мне отдали приказ — я его выполнил. Как мог хорошо, — посмотрел ему прямо в глаза враг.

— Я передам артефакт перемещения, — после долгой паузы сказал Фредерик. — Но учтите: он для вашей семьи. Что же касается вас... то за Норверд и убийства женщин с золотыми волосами ответить придется.

— А мои люди?

— От пяти до десяти лет рудников — в зависимости от тяжести содеянного. И при добровольной сдаче. Но это не касается тех, кто участвовал в распространении моровой язвы в Норверде и в убийстве несчастных женщин. Они заплатят за все, что натворили, жизнью.

Жена мага коротко вскрикнула и прижала к себе дочь.

— Я понимаю, — склонил голову маг, не смотря на них.

— На этом все, — стал прощаться с нами император. — До вечера.

— Последний вопрос, — прохрипел дассар.

Император лишь удивленно вскинул бровь, но дал собеседнику понять, что готов выслушать и ответить. Маг не отрывал от экрана глаз, которые вдруг стали холодно-голубыми:

— Почему?

— Что — почему? — резко переспросил император.

— Почему вы готовы помочь моей семье?

— Ах, это... Потому что вы — солдат. И правительство вас предало. Отдать приказ и тут же отречься — поступок... мягко говоря, недостойный. Ваша семья ни в чем не виновата. Но не обольщайтесь на свой счет. Несправедливость правительства по отношению к вам ни в коей мере не отменяет ответственности за злодеяния, которые вы совершили...

Прозрачная рамка стала тускнеть. Пока вся не исчезла в сфере, лежащей на столе.

— Вот и все... — проговорил маг. — Как вы думаете, ваш... император действительно отпустит моих?

— Он не имеет привычки бросать слов на ветер. И всегда выполняет то, что обещал, — не задумываясь ответила я.

— Это хорошо...

Дассар погрузился в свои мысли, периодически о чем-то вздыхая.

— Предлагаю вам пообедать, — заговорил он наконец. — А потом будем выдвигаться.

Мы перешли в другую комнату. Там уже был накрыт стол: каша, мясо, кувшин с вином. Я заставила себя поесть и была благодарна дассару за то, что он тоже уткнулся в тарелку и не разглядывал меня. Лишь спустя какое-то время мужчина разлил вино по бокалам, откинулся в кресле и жестом предложил мне выпить. Я решилась спросить:

— Как вы определили, что перед вами — ваша семья?

— Вы же видели все своими глазами — выпустил Сара. Сар обладает удивительными способностями. Его невозможно обмануть: он сканирует энергию, которую выделяет живой организм. И никогда не ошибается. Кстати, простите меня. Ваше эмоциональное состояние было отнюдь не следствием того, что вы увидели близких вам людей либо боялись за свою жизнь. Просто ни один человек или даже маг не выдерживает Сара так близко. Его появление — огромный выброс энергии. Вы очень сильная и смелая женщина... — И он молча отсалютовал мне бокалом.

— Скажите... Герцогиня Рэймская, она...

— Она не присоединится к нам, нет! — Маг захохотал. — Герцогиня, в отличие от вас, сильнейший маг, и обедать с ней опасно. Чкори — народ, сопоставимый с нами по магической силе. Не знаю, что бы было, если бы мы пошли друг на друга войной. Но чкори ни с кем не воюют. Они помогли Тигвердам и осели в империи. Но это не значит, что они стали подчиняться законам империи и стали их подданными. Они независимы. И, к сожалению, появились полукровки. Сильные и преданные... Рэймская — одна из них...

— Что будет с пленниками?

— Вы имеете в виду трех магов, что находятся в подземелье замка?

— И их тоже.

— Мои люди массово сдаются в плен, а война проиграна. Я не вижу смысла приносить их в жертву. Я распоряжусь...

Он не успел договорить — рухнул на пол, скорчившись, не в силах произнести ни слова. Воздух снова нагрелся, пошел рябью — Сар бросился вперед, но взвыл и рухнул на хозяина. В тот же миг оба вспыхнули белым огнем...

— Помогите! — попыталась закричать я, но только смогла распахнуть рот. Звуков не было. Двигаться я тоже не могла.

Огонь окружил меня плотным кольцом. Он не жег, не причинял вреда. Я почувствовала, что оцепенение проходит, но очень медленно. А еще я почему-то знала, что стоит мне дернуться — я вспыхну точно так же, как дассар, от которого не осталось даже тени...

— Жаль, конечно, — раздался над моей головой голос Ричарда,

полный неподдельной грусти, — столько силы. И ее ведь можно было забрать себе. Но... слишком силен. Слишком рискованно.

Хотелось вопить, забиться в угол, исчезнуть — только бы не видеть это чудовище, что изображало любимого мною человека. Это было страшнее всего.

Его голос. Его глаза... Ричард Фредерик Рэ Тигверд...

Я понимала, что это не он. Я знала это. Но... все равно. Жутко.

Этот... кто-то подошел и тяжело опустился в кресло напротив. Нестерпимо захотелось узнать, кто это. Сорвать маску этого чудовища с родного лица, посмотреть этой твари в глаза. И...

— Эльза! — выдохнула я, отказываясь верить своим глазам. Может, под одной маской была вторая?

— Что-то я устала, — пробормотала герцогиня Борнмут.

— Как же так...

— Занятно, но ни одна имперская служба, включая хваленого Милфорда и вашего новоявленного батюшку, так и не поняли, что их противник — женщина.

— Я им это говорила, — мне не удалось сдержаться, — но они меня не слышали.

— Особенности имперцев. Женщина — это такая... птичка с яркими перышками. Веселая, щебечущая. Рожаящая детей. Не более того. Хотя Швангау... надо же, какое нелепое прозвище выбрал себе Раймон... Так вот, он — как лучшая ищейка Фредерика, — по-моему, догадался. Кстати, о чем вы говорили при последней беседе с ним?

— О белом огне в редакции, — растерянно отвечала я.

— Понятно. Он посидел с хрониками. И выяснил, что если высший маг огня — женщина, то огонь у нее не алый, а ярко-белый. Вот ведь дотошный! И знаете, что забавно?

— Что? — спросила я, чтобы продолжить интересную беседу, вспомнив прочитанное: «Пока с вами говорят — вас не убивают».

— По логике, маг должен ненавидеть Фредерика Тигверда... Ну приблизительно как я. А ведь он ему служит!

— А вам за что ненавидеть императора?

— Вы знаете, зачем я появилась на свет?

— Нет, откуда?

— Я появилась на свет потому, что Максимилиан разочаровался в наследнике. И решил заменить его.

— И что же?

— Появилась девочка, — насмешливо улыбнулась герцогиня. —

Представляете, беда! Никому не нужна огненная девочка Тигвердов.

— А ваша матушка?

— Ее, как и мать Фредерика, очень быстро... Она не пережила родов.

Я вздрогнула. Но спросила:

— А как вы об этом узнали?

— После рождения первого ребенка у меня полыхнула магия. Максимилиан, несмотря на все свои недостатки, сжалился и приказал Либреверу присмотреть за мной. Верховный маг меня спас. Он был вынужден помочь мне подчинить силу. А потом... Потом я договорилась с ним. И меня учили. В отличие от остальных женщин империи, которые гибли только потому, что не могли подчинить свою силу, а семьи не считали нужным их чему-то учить.

— И вы предали своего учителя? Не спасли его? Ведь он был вам верен. Верен до конца. Кентерберийская змейка... Это он! Он, рискуя жизнью... Он ведь был вам как отец?

— Отец?!

Ледяной смех отразился от стен дворца и разбился на тысячи осколков... Каждый — как дротик невысказанной никому боли...

— Чем я ему платила — не догадываетесь?!!

— Но я все равно не понимаю... Зачем?!

— Вероника-Вероника, — грустно улыбнулась герцогиня, — мой личный злой гений. И вот что вам стоило появиться в империи с вашими идеями лет, скажем, пять назад? Тогда бы я просто делала с вами журнал, строила бы газетную империю. И все сделала бы по-другому. Без крови. Без дассаров.

— Без крови власть не захватывают.

— Это точно, — вздохнула герцогиня. — Власть. Месть. Желание доказать всем, что женщина имеет право... на жизнь. На магию. На себя...

— Не понимаю.

— Вы считаете меня сумасшедшей?

— Да. Нет... Не знаю. А вы сами?

— И я не знаю. Наверное, победительницей.

— А цена?

— Моя жизнь?

— Что же такого было в вашей жизни, что перевесило всех погибших в Норверде?

— Наверное, внешне — ничего. Жизнь как жизнь. Супруг, правда... Но у той же Луизы Кромер — не лучше. Наверное, огненная кровь Тигвердов вызвала. Мой отец — император Максимилиан.

— Вот всегда, когда мне говорили о его внеземной любви к супруге... Мне казалось, что преувеличивают.

— Нет. Все было именно так... Но — только одно... Императрица была бесплодна.

— Что?

— Бес-плод-на. Вам объяснить, что это значит?

— Значит, — сообразила я, — Фредерик...

— Да-да-да!!! — захлопала в ладоши герцогиня. — Такой же бастард, как и я, — забавно, не правда ли?

— Я никогда не пойму ваших действий, Эльза. Не пойму и не приму. История вашего рождения объясняет многое, но только не это. Вы обезумели! Да, я считаю вас сумасшедшей! И это единственное объяснение...

— Тихо-тихо, — безупречное кукольное личико капризно поморщилось, — что вы так разволновались? Вы имеете в виду Норверд?

— Норверд, женщин в синем, Веронику...

— Не стоит переживать за эту маленькую дрянь. Вот она такую судьбу точно заслужила.

— Чем же? Тем, что полюбила аристократа?

Герцогиня поморщилась, но ничего не ответила. Мы помолчали. Я обдумывала все, что узнала... Не знаю, сколько прошло времени... Раздался стук в дверь, от которого я вздрогнула.

— Мы отыскиали огненного нужной силы! — раздался голос Карла. Секретаря его величества.

Увидев мою реакцию, Эльза расхохоталась — так, наверное, хохотала злая колдунья из Белоснежки, вытаскивая смертельное яблоко из котла:

— Да не переживайте вы так! На самом деле секретарь его величества мертв. После ареста Либривера и допроса всех его родственников пришлось пойти на эти меры. Один из племянников Удо нужен мне был на свободе. И чем ближе ко дворцу, тем лучше.

— Не хотелось бы вас отвлекать, но... время... — осторожно вставил Карл. То есть племянник Удо Либривера...

— Кто он?

— Декан огненного факультета столичного университета, дядюшкин приятель.

— Прекрасно! Начнем ритуал как можно быстрее.

— Вы уверены, что нас не накроет откатом? — Личина рассеялась, и маг предстал в своем истинном обличье. Высокий, худощавый. Бледная кожа, правильные черты лица, только нос длинноват. Трус...

— Не накроет ли ВАС, мой дорогой... Уж не думаете ли вы, что ритуал буду проводить я?

— Я боюсь, что мне не хватит силы.

— Вот и проверим.

— Слушаюсь.

— И сделайте это хорошо, — недовольно скривилась Эльза. — А то подстилку эту... вы и то выманить из дворца не могли. Она вас переиграла — наши люди попались в засаду. Вы были арестованы.

— Спасибо, что вытащили.

— Вы служите мне — а я верных людей на произвол судьбы не бросаю. До определенного момента.

— Я не понимаю, как произошла моя оплошность... — Сколько раскаяния было в голосе этого предателя!

— Вы недооценили талантов... миледи Вероники. И не просчитали ее реакции. Она побежала за помощью — а не поторопилась выполнить приказ. И поэтому мне сначала пришлось спасти вас, а потом рисковать собой — и идти лично за ней.

Секретарь поклонился.

— В башню ее! Для этого ритуала необходимо открытое пространство. И чем выше к небу — тем лучше.

— Тогда северная башня, моя госпожа, — то что надо. Она самая высокая.

— Действуйте!

Глава 30

Небо... Синее-синее. Бескрайнее. Безбрежное.

Как жаль, что не получается улететь, как тогда, из подвала... Раствориться в чистой, прозрачной синеве, забыть обо всем. Забыть обо всем не дает холодное железо, больно впившееся в запястья и лодыжки. Приподняться не получается, можно только смотреть вверх. И это хорошо, потому что там — небо. Синее-синее. Бескрайнее. Безбрежное.

Я повторяюсь... Надо взять себя в руки. Попробовала повернуть голову и посмотреть вокруг. Нас приковали за руки и за ноги тонкими цепями к каменным плитам башни. Мы лежали навзничь на блестящих, отполированных черных плитах морскими звездами. Если бы не цепи, можно было бы подумать, что мы загораем...

В центре круглой площадки самой высокой башни замка был воткнут кол, тень от которого пролегла между мной и пожилым магом. Старик лежал неподвижно — бледный, худой, глаза закрыты, длинная белоснежная борода подрагивает на ветру, багровая струйка запекшейся крови на виске. Ветер стих. Птиц тоже не слышно, только любопытствующее небо склонялось над нами...

Принесли герцогиню Рэймскую — всю в крови и синяках. Она так и не пришла в себя. Удивительно, но даже в таком состоянии ее лицо выражало гордость, независимость, достоинство и... силу! Золотая птица галстук летала над неподвижным телом, отчаянно била крыльями, то исчезая, превращаясь в еле заметное облачко, то появляясь вновь, обвивая ноги хозяйки золотистой змейкой...

Наверное, мне не удалось скрыть надежду во взгляде, потому что маг, переодетый в белоснежный балахон ради жертвоприношения, издевательски посмотрел на меня и с явным удовольствием сказал:

— Это специальные кандалы, заговоренные лучшими имперскими артефакторами. Отсекают магические силы. Так что можете не надеяться. К тому же они так успешно вытягивают магию, что эффект держится еще часа два даже после того, как маг освобожден. Так... На всякий случай. Хорошая разработка. Швангау разрабатывал. По заказу Фредерика Тигверда.

И такая смесь зависти, ненависти и восхищения была в голосе у мальчишки.

Я опять посмотрела на небо: неужели это конец? Неужели Ричард

просто ждет нас у точки randevu, считая, что все и всех просчитал?

— Мы все успеем, — словно прочитав мои мысли, сказал племянник Либривера. — Ведь вас ждут в месте встречи за час до заката? А сейчас еще четыре часа пополудни. Так что...

Он зло улыбнулся, предвкушая бурное развитие событий, и отошел.

— Зачем вам все это? — окликнула я его.

— Скажем так, вы мне неприятны.

— Вздор. Вся эта история с заговором началась как минимум за полгода до того, как я появилась в империи. Дело тут не во мне. Так... зачем?

— Ты права. Дело не в тебе, хотя ты... действительно внушаешь отвращение. Особенно своим умением сношаться с нужными людьми. Знаешь, для всех загадка: почему и Ричард, и Фредерик допускают подобное... Они ведь оба — собственники. И почему они никак не отреагировали на то, что тебя отымел еще и наследник. Должно быть, они просто зарезервировали тебя для императорской фамилии.

— А если оставить в покое мои моральные устои? Вам настолько по душе путь предательства?

— Просто я умею чувствовать то, что тебе не дано. Я люблю. И я предан той, что вызвала эти чувства.

— Я очень надеюсь, что вы — сирота.

— Почему это?

— Вы не хуже меня знаете Фредерика. Будет уничтожен не только предатель, но и все имеющие отношение к его роду. И если император пощадил семью бывшего верховного мага... То теперь, когда он узнает, что и племянник Либривера замешан...

Молодой человек, столь успешно прикидывавшийся секретарем императора, содрогнулся — видимо, родные все-таки у него были. Отвернулся от меня. Посмотрел на небо. И уже спокойно проговорил:

— Значит, нам надо поторопиться, чтобы этого не произошло, вы не находите? — и отправился руководить работами.

— И зачем было его злить? — раздался справа от меня голос герцогини. Еле слышный, но совершенно спокойный.

— Кто его знает... — ответила я. — Приятно.

— Может, вы и правы, — усмехнулась хозяйка этого прекрасного замка. — Больше ничего и не остается...

В этот момент на площадку солдаты втащили графа Трубриджа. Молодой человек также был без сознания. Избит. До полусмерти...

«Узнать бы — удалось ли ему спасти дочь?» Это мне казалось

важным. Успеть спросить... Узнать.

— Вероника... Вы знаете, на что направлен ритуал? — голос Дарины звучал в голове отчетливо. Еле заметная золотистая змейка обвила запястье — наверное, это помогало общаться мысленно.

— На уничтожение правящей династии, — подумала я, надеясь, что этого достаточно, чтобы меня услышали. — Только я не понимаю...

— Чего? — тут же ответили мне. Значит, слышит! Я обрадовалась этому так, как будто от этого что-то зависело...

— Во главе заговора стоит родственница императора Фредерика. Она-то и собирается взойти на престол.

— И что?

— Как же она будет уничтожать династию? Она же по крови принадлежит к ней. А как же она сама? И потом... у нее есть дети. Мальчик и девочка!

— О чем бы вы еще беспокоились перед тем, как вас собираются принести в жертву грандиозным планам... О детях заговорщиков!

Смех Дарины прошелестел в голове еле слышно, но заразительно. Я улыбнулась. Засохшая ранка у рта лопнула, оттуда потекла струйка крови. Стало щекотно, рука инстинктивно дернулась, боль обожгла кисть.

— Рад видеть вас, ваше сиятельство, пусть и не в добром здравии, но в хорошем настроении, — прохрипел очнувшийся старик.

— А что нам еще остается, — проговорила Рэймская, смотря собеседнику прямо в глаза. — Миледи Вероника. Позвольте представить вам моего советника по делам магии и хорошего друга магистра Гирра.

— Очень приятно, — одними губами ответила я. Говорить было больно.

— Миледи Вероника, спасительница юного герцога! — выдохнул магистр. — Как мы вам благодарны!

— Рэм стал сыном мне и братом моим детям.

— У вас их теперь трое, — вспомнила герцогиня последний визит к нам. Мы посмотрели друг на друга, и в дрожащем от зноя воздухе появились мальчишки, прогулка по поместью, песчаный щенок Рэма...

Солдаты между тем втаскивали четвертого мага.

— Последний, — обратился почему-то ко мне племянник Либревера. — Огненный. Вы не представляете, как тяжело найти сильного мага огня.

— Вы бы к Фредерику обратились — или к его сыновьям. — Я старалась четко выговаривать каждое слово, несмотря на боль. — И маги огня, сильнейшие в этом мире, и на вашу просьбу обязательно

откликнулись бы.

— Это был бы самый удачный вариант, — насмешливо поклонился предатель. — Только слишком рискованный. Поэтому пришлось обходиться тем, кого нашли.

Он отошел и проговорил в кулон:

— Эльза, все готово.

Потом вернулся и склонился надо мной:

— Итак, скоро финал. Как вам эти последние минуты?

— Небо... Красота. Приятная компания, не считая вас, разумеется.

Мной овладела странная веселая злость. Дерзости и гадости вырывались сами собой. Я чувствовала поддержку седобородого Гирра, который, я знала это, одобрительно улыбался про себя. Герцогини Рэймской. И даже огненного мага. Последний мне подмигнул... Или показалось?

Как ни странно — страха не было. Я не могла поверить, что это конец. Что на вершине старинной башни Рэймского замка, в котором когда-то родился мой названный сын, закончится мой путь. Что моя смерть послужит уничтожению близких мне людей. Я готова отдать жизнь за любого из них не задумываясь, но только во имя жизни. Жизни, а не смерти!

— Ричард! Ричард, ты слышишь? Этого... Этого просто не может быть... Ты должен, слышишь? Должен услышать меня! Ричард, Ричард, Ричард!

Я очнулась, боль вернулась с новой силой, солнце било в глаза, а небо разливалось такой яркой, такой жизнерадостной синевой! Будто издевалось, честное слово... Сколько времени прошло с того момента, как я отключилась, я не знала. Наверное, несколько минут — не больше. Все это время я отчаянно звала Ричарда. Пыталась предупредить. Но с каждым мгновением понимала, что это бесполезно. Ничего не получается из-за магических кандалов, которые так расхваливал секретарь в начале нашей беседы.

— Жаль, не удастся сразу уничтожить и ваших выроdkов, — вновь услышала я его голос. — Ведь по крови они не принадлежат к императорскому роду. Но мы объявим на них охоту. И можете мне поверить, они будут убиты.

Сердце болезненно сжалось.

— Что? Настроение иронизировать исчезло? — Теперь мерзавец улыбался.

А вот герцогиня закрыла глаза. Ее черты заострились.

— Надеетесь на предсмертное проклятие? Не получится. Моя госпожа

просчитала все!

— Успокойтесь, Карл, — раздался голос ненаследного принца...

Дикая глупая надежда болью вспыхнула во мне. Вспыхнула и погасла. Такой кривой усмешки у Ричарда никогда не было.

— Вы не представляете, как приятно видеть вас вот такой. Беспомощной, с тоской в глазах. Приятнее будет только видеть мертвых в августейшей семье.

— Время! — заметил племянник Либревера, которого тоже звали Карл. Как и молодого человека, которого они убили, чтобы подобраться к императору...

— Начнем, — согласно кивнула Эльза, по-прежнему не принимая своего истинного облика. — Вы готовы?

Еще один человек выступил вперед. И кивнул.

— Только... — тихо проговорил он, — я провожу ритуал и отдаю себе отчет, что мне его не пережить. Но это не важно. Я хочу, чтобы вы подтвердили клятву, данную мне накануне. Вы поклялись, что начальнику контрразведки империи, этому исчадью ада... Что ему не жить. Что смерть моей семьи не останется неотомщенной.

— Силой клянусь, — торжественно провозгласила женщина.

— Вы же понимаете, что этого недостаточно, — проговорил маг решительно и скорбно. — Я требую клятвы силой истинного имени и истинного рода.

— Да что вы себе позволяете! — вскинулся влюбленный в Эльзу молодой маг.

— Все в порядке, друг мой, — сказала Борнмут и тут же отдала приказ солдатам: — Оставьте нас.

Те поклонились и стали исчезать в узком проходе, что вел крутыми ступенями вниз.

— Я, дочь императора Максимилиана, наследница империи по праву сильнейшей, клянусь уничтожить убийцу семей моих союзников — Милфорда.

Голос герцогини звучал ровно и торжественно. По мере того как она говорила, она становилась сама собой.

— Давайте начинать, — распорядилась женщина, с которой я сдружилась в последнее время.

Маг, который хотел отомстить за смерть своей семьи, коротко кивнул:

— Давайте. Но... — Он вдруг замялся.

— Что? — недовольно посмотрела на него герцогиня.

— Вы уверены? Там заклинание уничтожения мужчин императорского

рода. По крови.

— И? — в глазах сестры императора Фредерика горело пламя. Белое пламя...

— Ваш сын....

— Он испорчен Военной Академией и имперским воспитанием. Чем его переламявать — проще убрать. Приступайте!

Над башней поплыл речитатив на неизвестном мне языке. Мужчина достал изогнутый нож с черной рукоятью и поднял над головой.

Ужас сковал меня. Я не могла кричать и биться. Сил хватало только на то, чтобы дышать. Часто, прерывисто. Воздуха не хватало, я стала задыхаться.

Маг стал медленно обходить всех прикованных по кругу, останавливаясь по очереди над каждым, склоняясь и разрезая кожу на лбу.

Герцогиня и вновь появившийся Карл отошли к выходу из башни и наблюдали за ритуалом. Лица их выражали полнейшее удовлетворение.

Маг между тем подошел ко мне. Я закрыла глаза, чтобы хотя бы не видеть ножа... Потом я вдруг поняла, что ничего не происходит — чтение заклинания прекратилось, вместо этого я услышала какой-то перезвон, сдавленные ругательства.

Когда я наконец уговорила себя открыть глаза, над башней раздался довольный голос императора Фредерика:

— Мое восхищение. Мальчики мои — это идеальное задержание!

Я повернула голову, чтобы увидеть его. И тут поняла, что с плит башни поднимается огненный маг, превращаясь в его величество императора Тигверда! Ничего не понимая, перевела взгляд на мага, нависшего с ножом надо мной, — это был Ричард.

«Герцогиня Борнмут там, а Ричард — здесь... Как так?»

Это была последняя связная мысль. И сознание меня наконец покинуло...

Глава 31

— Все-таки надо было предупредить Веронику, — раздался надо мной голос Ричарда.

Я вскрикнула, почему-то зажмурилась и попыталась отскочить подальше... Но мне не дали.

— Тише, тише. Это я — не бойся. Ника, успокойся. Это я.

Меня крепко обняли и стали гладить по голове. Я почувствовала, что руки свободны от наручников и цепей. И только тогда поверила, что все закончилось, что врагов действительно победили. Что рядом — любимый человек. А я осталась жива...

Вот тут эмоции и вырвались наружу...

Вот ведь странность какая. Пока меня собирались приносить в жертву и вокруг были враги, я держалась и даже зубоскалила. А теперь, когда мне сказали, что все — вот вам хеппи-энд... На тебе. Истерика.

— Все-таки зря... Надо было, — в голосе Ричарда было недовольство.

— И как бы ты ее предупредил? Прочитать ее по-прежнему ничего не стоит. А рисковать жизнью, чтобы побережь нервы... Это глупо! — В голосе императора чувствовались злость и раздражение.

Тут я решилась. И очень-очень аккуратно раскрыла глаза.

Незнакомые, роскошно обставленные покои. Я — уже переодетая в приличную ночную рубашку — лежу на кровати. Меня обнимает Ричард. Хвала всему — без балахона, и ножа в руке нет. Можно выдохнуть. Вот только дрожь не унималась.

— Где Ирвин? — рычит Ричард.

— С теми, кому досталось сильнее, — пожимает плечами Фредерик. — Там Троубридж при смерти. Магу герцогини сильно досталось. Он ведь очень и очень стар. Что касается самой герцогини — угрозы для жизни нет, но помощь ей необходима. А вы... Вот — велели выпить успокоительных. И расслабляться.

Фредерик подал нам по колбочке со знакомой уже жидкостью цвета и консистенции болотной тины. Проследил, чтобы мы выпили. И уселся обратно в кресло, которое стояло возле кровати.

Никогда не думала, что с удовольствием почувствую знакомую отвратительную горечь во рту. Может, как только я пью это успокоительное имени нашего любимого главного целителя, то понимаю, что все в порядке?

— А как вы тут вообще оказались? — сообразила я.

— Не думаете же вы, что мы могли оставить вас в руках у мятежников? — как-то обиженно спросил император.

— Как только мы поняли, куда тебя занесло, страховать тебя сразу отправился Швангау, — кивнул Ричард, — в личине одного из дассаров.

— Погодите, — пожаловалась я, — запуталась совсем! Личины. Эльза в виде Ричарда... Племянник Либривера в виде несчастного Карла... Фредерик, вы знаете, что Карла убили?

Император кивнул:

— Теперь знаю.

— Потом Швангау... — продолжила я. — Так любой может прикинуться кем угодно. И как теперь понимать, кто рядом? Хоть систему паролей разрабатывай. Стой, кто идет... пароль, отзыв...

— Вероника, успокойся, — взял меня за руку Ричард. — Среди стихийников личины — дар крайне редкий.

— Не такой уж и редкий, — проворчала я, но развивать тему дальше не стала. Вспоминать наши с императором личины в том злополучном кристалле не хотелось.

— А вот дассары этим искусством научились владеть. У них неплохие предпосылки — двойственная природа, поэтому магия трансформаций им близка. Кто-то их явно обучал — все это Ричард произнес скорее для себя.

— М-да, те дассары, что явились захватить наш мир давным-давно, и эти, нынешние... — вздохнул Фредерик, — очень разнятся. Те были — если посмотреть хроники — скорее как тени. Ничего похожего на людей. А эти... как-то очеловечились. Семьи. Дети... Сильная, развитая магия. Как мы.

— Погодите. Если вы не умеете менять личины, то как вы... — И я беспомощно посмотрела на императора.

— А для всего этого у нас есть Жба... Бга...

— Швангау, — поправил отца Ричард.

— Раймон, он... очень силен. И восприимчив к чужой магии, в отличие от застывших нас. Он и контролировал наши с Ричардом личины.

— Мы — стихийники, — добавил Ричард. — И так делать... просто не умеем.

Тут я сообразила и посмотрела на императора:

— И вы рисковали жизнью... ради меня?

— Я прежде всего воин, — отрезал Фредерик. Мне показалось или он обиделся на мой удивленный тон?

— Мы контролировали замок, — добавил Ричард и привлек меня к себе.

— Получилось именно так, как мы хотели, — недобро улыбнулся император. — В замке герцогини Рэймской и в его окрестностях собрались остатки тех, кто нам противостоял. Мы чуть подыграли — заговорщики поверили, что победили. Мы и взяли почти всех. Остались, конечно, аристократы среди имперцев, кто симпатизировал моей... родственнице. Но их мы будем вычищать после сегодняшних допросов.

— Так договор с магом-дассаром — это только ловушка? — спросила я. — Для него...

— Отчего же? — недовольно посмотрел император. — Это только один из вариантов развития событий. Заговорщики могли ведь просто передать вас нам. Но это был слишком простой и благоприятный вариант. Мы не очень на него надеялись, потому что знали: у наших противников два руководителя. И если пришлого мага можно продать с помощью его семьи, то нашего, родного... вряд ли.

— К тому же для наших заговорщиков нашествие было изначально только лишь отвлекающим маневром, — покачал головой Ричард. — Им-то нужно было совсем другое.

— Для того чтобы захватить престол, надо сначала расчистить к нему дорогу, — вздохнула я.

— Именно так, — согласился император. — Только вот уж на кого я не думал... Так это на герцогиню Борнмут.

— Так это все она... — закрыла я глаза. — А я с ней даже сдружилась за эти недели. Думала, что и она со мной тоже. Статьи писала для газеты... Чай с нами пила. Вино. Мы все ей сочувствовали, что у нее такой невозможно противный муж. Жутко.

— Я одно время был уверен, что глава заговора — герцог Борнмут, — признался Ричард. — После того как на меня покушались с помощью кентерберийской змейки. Когда ты спасла мне жизнь.

И он нежно погладил меня по щеке.

— Я тоже так считал, — кивнул Фредерик. — Там все сходилось один к одному. И покушение. И то, что под приговор подводили именно Луизу. И нападение на первый курс Академии — в том числе и для того, чтобы заставить собственного сына молчать. И последующая гибель барона Кромера — а это доверенное лицо прежде всего самого герцога Борнмута. По крайней мере, мы так думали.

— Я снял с него подозрения после того, как проверили его кровь, — покачал головой император. — Он не обладал такой силой, чтобы

подчинить змейку или трансформировать внешность с такой точностью. Кроме того, мы узнали, что он мне не родственник.

— А вот герцогиню никто и не заподозрил, — покачала я головой.

— Никто, — согласился император. — К тому же герцогиня не могла натравить змейку на Ричарда. Ее действительно в тот день не было во дворце.

— А вот Либревер мог, — сказала я.

— Допросить Либревера уже не получится, — с сожалением заметил Фредерик. — Его племянник успел до нас. За прошлые заслуги старый маг будет содержаться в лечебнице до конца своих дней. А вот его племянник... С ним разговор состоится.

— Его допрашивают с особым старанием, — заметил Ричард. — С завтрашнего дня будем проверять аристократов, имена которых он продиктует.

— А герцогиня? — все же вздрогнула я.

— Она погибла при задержании, — резко ответил Фредерик. — Я принял решение, что арестовывать ее не стоит.

— Удивительная сила. Удивительные возможности, — с неким восхищением произнес Ричард. — Подумать только: сколько лет она водила нас за нос. И как все придумано. Какая подготовка. Предложить дассарам напасть — и пообещать им за это целый мир. Как правительница она вполне могла это сделать.

— А потом, — подхватил Фредерик, — нападение на страну. Раскол из-за того, что власть не справляется. Потом и вовсе — гибель императора и его семьи. А тут — пожалуйста, новая династия. Все ликуют!

Резкий стук в дверь, от которого я вздрогнула. Ричард напрягся. На пороге появился милорд Швангау. Выглядел верховный маг империи... как-то не очень.

— Что там? — недовольно спросил император.

— Миледи Вероника, простите меня, — не обращая внимания на Фредерика и Ричарда, тяжело роняя слова, сказал маг.

Я удивленно уставилась на него.

— Мы совершили подмену сразу же, как только вас похитили. Мы же знали, где базируются мятежники. И я — в виде дассара — был в замке все это время.

— И что же?

— Я ничего не сделал, чтобы вас защитить. Я ничего не сделал, когда вас избивали. Я должен был что-то сделать, но...

— Перестаньте, — попросила я. Мне не понравился цвет лица Ричарда

— он побелел весь, а глаза опять запылали.

— Вы правы. Этому нет прощения.

— Прекратите, — приказала я. — Это не ваша вина. И потом — задачей было не столько уничтожить пришлых, сколько выманить нашего загадочного противника, умеющего менять личины.

— Раймон! — рявкнул император. — Прекратите истерику! У вас был приказ, и вы его выполнили!

— Я всегда выполняю приказ, — потерянно сказал маг. И вышел так же стремительно, как и появился.

— Подумать только, — сказал император, — всего этого можно было бы избежать... Ко мне пришел Раймон с сообщением, что вычислил герцогиню Борнмут. По магии белого огня, которого нет у дассаров, но который есть у женщин-стихийниц с сильной огненной магией. И в тот момент, когда я пытался доказать ему, что все это — бред, мы узнали о вашем похищении...

— Фредерик, а как вы освободились от кандалов, блокирующих магию? — спросила я, чтобы отвлечь мужчин. В первую очередь Ричарда.

— Антимагические кандалы — если они имперского производства — зачарованы так, что не действуют на членов императорского рода, — признался Фредерик. — Как вы понимаете, это было сделано на всякий случай. Мало ли что.

— А Карл-Либревер... — догадалась я.

— Разжился браслетами именно имперскими, — кивнул Ричард.

— Так что я отправился к мятежникам.

— А если бы они употребили что-нибудь дассарского производства? Швангау упоминал, что дассары производят хорошие артефакты.

— И на этот случай у меня были сюрпризы для наших врагов.

— Ричард, — обняла я любимого, который никак не мог успокоиться. — Все закончилось, слышишь?

— Вот что мы не просчитали, — заметил император, — так это припадок бешенства вашего похитителя, когда он узнал о том, что мы захватили его семью.

— Значит... у сыновей... Это все-таки была ты? — едва слышно проговорил Ричард.

— Ну не мой призрак, — усмехнулась я.

— Не шути так...

— Успокойся!

— Какое счастье, что тебе удалось вернуться... Потому что это была твоя душа...

— Фредерик, — решила я обратиться к императору, — а как Брэндон?

— Он по-прежнему выполняет мои обязанности — вот пусть и трудится! — Император внимательно посмотрел на нас и стал пояснять, будто мы с ним спорили: — Да. Я все еще гневаюсь. И собираюсь гневаться еще как минимум эту неделю! Так что первичное дознание — на нем!

Я посмотрела на Ричарда. Тот вроде бы взял себя в руки. По крайней мере, как обычно, поднял глаза к потолку, всем своим видом показывая, насколько разлад между наследником и его августейшим папенькой его утомил.

— Пусть на личном опыте убедится, каково это — быть императором! — торжественно провозгласил Фредерик.

— Теперь в подчинении Брэндона и следователи тоже, — привычно вертел кольцо на пальце Ричард. — Кстати, мой младший брат прибыл в замок герцогини Рэймской. Думаю, что будет грандиозный...

— Вот как, вы посмели это сделать!

Тут дверь распахнулась, и на пороге показался наследник престола.

— Меня во дворце заблокировали! — возмутился он.

И наследник обиженно посмотрел на отца и старшего брата, которые смущенно отвели глаза.

— И, по вашему мнению, я даже слов не понимаю!

— Брэндон! — скривился император. — Прекрати! Ты — наследник. И если бы что-нибудь случилось с нами...

— Не верь им, мальчик... — проскрежетал от входа голос.

Вся троица Тигвердов слаженно развернулась ко входу в комнату, на пороге которой стоял... еще один Тигверд. Те же черты лица, те же черные, с алыми всполохами глаза. Те же серебристо-белые волосы. Только коротко стриженные. Да и так презрительно поджатых губ у членов августейшего семейства я не наблюдала.

— Они убили Эльзу — они убьют и тебя, — продолжил вновь прибывший.

— Насколько я понял, герцогиня Борнмут так или иначе была приговорена бы к казни. Ее — да и нас всех — просто избавили от позора, — равнодушно протянул наследник.

— И ты веришь, что доживешь до того момента, как взойдешь на трон?

— Если от кого-то и исходит опасность, то не от отца, — отрезал Брэндон. — И не от старшего брата.

Несколько мгновений они бодались взглядами одинаковых глаз с алыми всполохами.

— Ты испорчен воспитанием Военной Академии, — презрительно проговорил прежний император.

Я вздрогнула, услышав те же слова, что небрежно обронила Эльза Борнмут, говоря о своем сыне.

— А позвольте полюбопытствовать, Максимилиан, — любезно сказал Фредерик, — каким образом вы сохранили магию, появившись здесь? Неужели мое заклятие дало сбой?

Я вспомнила, что Фредерик применил к отцу заклинание — если тот появится на территории империи, то лишится магии.

— Нет, — скривился его отец, окинув недовольным взглядом сына. — Смерть твоей сестры высвободила огромное количество энергии. Мне хватило, чтобы поставить защиту. Но у меня мало... Очень мало времени...

— Вам не кажется странным, что я и знать не знал, что у меня есть сестра? И даже своеобразие моего собственного рождения было от меня скрыто.

— Это ты наконец узнал, что ты — ублюдок? — равнодушно откликнулся Максимилиан.

— А вы знаете, что я испытал, когда узнал?

— Стыд?

— Облегчение. Мне многое стало ясно. А главное, я понял, что дело не во мне.

Прежний император только фыркнул.

— Мне вот только любопытно, афера с несчастной Эльзой — это была ваша идея?

— Нет... Я не имел отношения к ее бунту.

— Но Либревера после того, как у нее взбунтовалась магия, вы к ней отправили. С нужной информацией.

— Я проявил великодушие, — усмехнулся Максимилиан. — А уж то, что девочка бездарно использовала свой шанс и свою силу... Это был ее выбор.

— Мне бы не хотелось становиться отцеубийцей, — проскрежетал Фредерик. — Однако...

— Тебе не хочется лишиться силы, — отрезал прежний император. — Как и мне.

— Возможно. В таком случае я вас больше не задерживаю.

— Я хочу забрать детей Эльзы.

В первый раз в тоне Максимилиана мелькнуло хоть что-то человеческое.

— И вы будете воспитывать новых заговорщиков?

— Нет. Я просто хочу, чтобы дети моей крови выжили. Ты же все равно умертвишь их.

— Маркиза Борнмута не отдам! — зарычал Ричард.

— А если император прикажет убить его?

— Юный маркиз — кадет Академии, — жестко сказал Ричард. — И его жизнь в безопасности.

— И ты готов с оружием в руках это доказывать? — рассмеялся прежний император.

— Довольно, — обронил Фредерик. — В любом случае дети герцогини — это моя ответственность.

И мы все замерли, понимая, что император решает: жить или умирать двум детям... Император тяжело вздохнул, побледнел — и мы вздрогнули, осознав, что сейчас будут произнесены слова приговора.

— Фредерик, — вдруг тихо сказал его отец, — пожалуйста... Мать просит. Она так одинока. И просто хочет забрать своих внуков.

— Девочку забирайте, — решил император. — Что же касается мальчика... Ричард. Под твою ответственность. И... я расскажу обоим правду. И потребую клятвы: они оба живут, пока не замышляют ничего против империи и рода Тигвердов.

— Мне нужно уходить, — тихо сказал Максимилиан. — Защита истончается.

— Швангау доставит вам девочку.

Когда прежний император исчез, Фредерик отошел к окну и застыл там, отвернувшись от нас. Ричард переглянулся с Брэндонем и негромко произнес:

— Вот никогда бы не подумал, что у Максимилиана могут быть дети вне брака...

— М-да, — откликнулся наследник. — Такая гордость... Такая жажда чистоты рода...

— Как он презирал меня и никогда не забывал упрекнуть меня моим происхождением...

— И герцогиня... Вот бы не подумал, — продолжил Брэндон.

— Мне она нравилась... Как все нелепо...

Брэндон между тем посмотрел на напряженную спину отца. Подумал. Подошел к нему — и положил руку на плечо.

— Отец, ну ладно тебе. Все ведь обошлось...

У наследника это получилось как-то смущенно. Император развернулся и обнял сына.

В этот момент дверь грохнула.

«Да что ж за проходной двор!» — мелькнула у меня мысль, а мужчины уже поставили защиту.

В покои ворвался Ирвин. Губы у нашего целителя были недовольно поджаты. Он сжимал и разжимал кулаки. Глаза метали молнии. Словом, наш флегматичнейший спаситель был в гневе. И даже не собирался этого скрывать.

Мы с Фредериком переглянулись, поймали удивленный взгляд наследника — таким Ирвина еще никто не видел. Потом посмотрели на Ричарда. Судя по крайне незаинтересованному выражению лица, тот как раз был в курсе, что вызвало такую реакцию невозмутимого, в общем-то, человека.

— И как прикажете понимать все происходящее? — зарычал целитель.

— Все же обошлось, — смущенно ответил ему Ричард Фредерик Рэ, ненаследный принц Тигверд, главнокомандующий имперскими вооруженными силами и бастард императора.

— Когда я видел вас в прошлый раз, у вас был микроинфаркт. Мы около часа боролись за вашу жизнь! Я прописал вам постельный режим. Никакой магии и никаких нагрузок на сердце. И что?! В течение суток вы выстроили несколько порталов, а потом совершали подвиги на башне замка, захватывая мятежников!

— У них была миледи Вероника, — тихо сказал Ричард. — Я должен был или вытащить ее, или погибнуть.

— Ваше величество! — укоризненно посмотрел на императора целитель.

— Честное слово, я не знал, — недобро посмотрел на сына император.

— А где все ваши лекарства, которые я оставлял? — взревел Ирвин.

— В покоях Вероники во дворце.

Ирвин вышел, громко хлопнув дверью.

— Что? — поежился Ричард под нашими недобрыми взглядами. — Мне уже лучше. И Феликс меня подлечил после того, как ты исчезла с той поляны. А целителю нашему... Успокоительные пить пора...

— А ты помнишь, что я сказала тебе на той поляне про ответственность за наших сыновей? — тихо спросила я.

— Милая, на меня нельзя ругаться. Ирвин же прописал мне покой. К тому же... Мне так нравится, как это звучит — «наших сыновей»!

— И что теперь будет? — спросила я.

— Казни, — проскрежетал император.

Тут дверь снова распахнулась — и на пороге появились мои мальчишки. Все трое.

— Мама! Мама! Ты жива! — закричали они. И я поняла, насколько я счастлива.

Глава 32

Настроение было... из рук вон. Блины не переворачивались — слипались. Это у меня! Сильнейшего мага блинов, пирожков и пышек обоих миров. А все из-за свадьбы. Как подумаю о предстоящих торжествах в честь нашего с Ричардом бракосочетания — настроение портится.

Во-первых — платье. Наряд, который сшила Мари на средства, собранные сослуживцами Ричарда, был настолько прекрасен, что ничего другого не хотелось. А надеть платье снова...

Во-вторых, вернулся страх, смешался с предсвадебной лихорадкой и поселился в душе, напоминая о себе раз по сто на день. Пятый блин скукожился на сковородке бесформенным комком... Нет — не выпекаются.

Набросила жакет, насыпала в кружку лимарры и пошла к любимому камню — гулять и успокаивать расшалившиеся нервы. Я невеста, у меня скоро свадьба, мне положено нервничать. Так что переживут без блинов. Яичницу съедят. С бутербродами.

— Ника... Что? — Знакомая загребущая рука сцапала горсть лимарры, отправила в рот, испачкалась густым липким соком и обняла меня за талию. Я вздохнула. Ричард, Ричард... Вот что за день такой, а? Малиновое пятно на платье, скорее всего, не отстирается. Душистых ягод в кружке почти не осталось — пусть уж доедает...

Я улыбнулась, глядя, как щурятся черные глаза от удовольствия. Ричард любил лимарру, любил этот камень и вот такую погоду — солнечную, ясную. Я, в муке и соке от ягод, наверняка была обворожительна и сексуальна. Все складывалось как нельзя лучше — сейчас или никогда, сказала я себе и осторожно начала разговор:

— Любимый?..

— Да?

— Расскажи про обряд венчания. Как это происходит в империи?

— Смотря кто женится, — облизнулся жених. — Бракосочетание представителей знатных фамилий — это одно. Простых людей — совсем другое. У чкори — свой обряд.

— Расскажи про все!

— Знать совершает обряд в Храме Стихий — туда мы с тобой и отправимся. Обряд несложный, но красивый.

— А кто проводит обряд? Жрец?

— Да. На обряд венчания служитель храма надевает белоснежные

одежды с золотой вышивкой символа каждой стихии. Тебе понравится. — Я сделала вид, что не заметила, как мне подмигнули. Держись, Вероника, спокойно! Иначе все дело провалишь...

— То есть после обряда в Храме Стихий, который проводит местный служитель, брак считается законным?

— Да. Ника, что ты задумала? Не ходи вокруг да около — я слишком хорошо тебя знаю...

— Я боюсь. По-прежнему боюсь нашей свадьбы. Я знаю, что враги повержены и все такое... Но все равно боюсь, что что-то случится. Давай обманем судьбу, а? Сбежим и повенчаемся в Храме Стихий на рассвете? Пожалуйста... А потом пусть делают что хотят: торжества, обеды, приемы — мне уже будет все равно.

— На закате.

— Что?

— Обряд в Храме Стихий совершают на закате!

— Так значит... да?

— Нас с тобой просто убьют за такие выходки, Ника! Но... ради тебя я готов на все. — Ричард обнял и поцеловал меня. Долго. Нежно.

И была в этом поцелуе такая... искренняя солидарность предложенному мной плану, что я не выдержала и спросила:

— Ты ведь боишься, Ричард. Ты тоже боишься, что что-то случится перед нашей свадьбой, так?

— Так. Раскусила, сдаюсь! Сегодня. На закате.

— На закате. Сегодня...

Будто гора с плеч! Вечера все еще стоят прохладные, оденусь потеплее, в любимое пальто, и все будет кончено! Ричард тоже повеселел. Мы возвращались, болтая о том о сем, иногда останавливаясь, чтобы поцеловаться. Пару раз мне показалось, что под камнем что-то блеснуло. Наверное, солнечный луч отразился в росе...

Вернулась на кухню, к блинам — и все пошло как по маслу! Мы с Оливией смешали деревенский творог с сахаром и лимаррой, завернув все это в тонкие блинчики. Получилось... вкусно получилось!

Пока мы доделывали завтрак, я выяснила у служанки, как женятся в деревне. Оказалось, что сыграть свадьбу можно, пока цветет «огонек надежды». Жених и невеста собирают цветы накануне и плетут друг другу венки, причем приглашенные на свадьбу гости делают то же самое. Чем больше среди гостей влюбленных — тем красочнее обряд, потому что венки будут гореть огнем в закатных лучах...

После хороводов молодожены и приглашенные влюбленные пары идут

в рощу зеленых цапель. Под веткой, на которой сидят красногрудые птички, обязательно нужно поцеловаться — это приносит счастье. Потом гуляют всю ночь, жгут костры.

Словом, что-то между рождественскими поцелуями под омелой и славянской традицией праздника Ивана Купалы. Символизм, друидизм, язычество... Главное — про любовь!

— Жаль, что Ричард — хоть ненаследный, но принц. Мне такая свадьба была бы по душе, — пожаловалась я Оливии.

— Ах, что вы, миледи, вот уж глупости! — Моя преданная Оливия от возмущения даже ножкой топнула. — У вас будет самая красивая, самая пышная свадьба в империи! Через две недели! Мы с вами с самого утра сядем делать локоны, а то к закату не успеем!

Я улыбнулась. Как хорошо, что этого не будет! Прости, Оливия, но все уже решено! Что-то блеснуло между кастрюлями. Я поморгала. Что-то в последнее время мне... мерещится. Надо на ночь выпить настойку Ирвина. Успокоительную. И укрепляющую попить недельку. Так, на всякий случай. Это все стресс. И блинов надо меньше есть — сбросить пару килограммов. Тоже на всякий случай...

День тянулся мучительно долго. Все куда-то исчезли по своим делам, включая моего жениха. Я слонялась по дому одна и не знала, чем себя занять. Оливия еще утром настояла на том, чтобы сделать мне прическу. Хотя это хорошо. Я выбрала лавандовое платье, надела пальто в тон. Шляпку. Перчатки.

Наконец открылся портал. Ричард протянул мне руку:

— Готова?

— Да...

— Пойдем!

Мы решили, что пойдем в Храм, который находился за деревней. Я ни разу его не видела, но уже издалека поняла, что это он — Храм Стихий из моего сна! Стекланный купол в ярких узорах был врезан в скалу. Сам же Храм находился прямо в пещере — маленькая черная точка, выделяющаяся на фоне серой скалы. И сразу стало легче — значит, все правильно! Все так, как и должно быть.

Мы поднимались в гору, к пещере. Над куполом Храма то вспыхивал огонь, то поднималась песчаная буря, то лил дождь, то воздух мерцал серебристыми нитями... Это было очень, очень красиво! И очень, очень... далеко.

— Устала?

— Немного... А нельзя ли...

— Построить портал до пещеры?

— Читаешь мои мысли.

— Нет, любимая. Этот путь — часть ритуала. — Ричард говорил как-то странно, стараясь не смотреть мне в глаза. Что-то блеснуло среди камней...

— Тогда пойдем! — Я решительно встала, но покачнулась и очутилась в объятиях своего жениха.

И меня понесли. А я... я не сопротивлялась. Я всю свадьбу не сопротивлялась — это было бесполезно, потому что, когда Ричард принес меня к Храму Стихий, там стояли все! Огромное количество смуглых людей с блестящими каштановыми волосами до пояса — причем и у мужчин, и у женщин. Хитрые карие глаза смотрели на нас с искренней теплотой и любопытством. Среди них я узнала герцогиню Рэймскую, одетую в простое платье с широким поясом в причудливых узорах и с распущенными волосами, перехваченными тонким ремешком вокруг лба.

Рядом с ними улыбались жители деревни, где я покупала продукты. Я узнала торговцев молоком и сыром, женщину, что продавала лимарру, Вилли с мамой. У каждого из них в руках была охапка полыхающих огнем цветов! В этой же толпе стояли император, Наташа, Луиза с Денисом, Брэндон с Джулианой, мама и папа. Пашка, Феликс и Рэм. Рядом с ними — двое членов их боевой пятерки: Алан Кромер и Макс Борнмут.

Отдельно выстроились сослуживцы Ричарда... При параде! С факелами. Как в ту ночь, когда Ричарда признали принцем империи Тигвердов.

— Бра! Бра! Бр-р-ра!!! — раздалось раскатистое, как только они увидели нас.

Я не успела опомниться, как меня уже затащили в стоящую рядом закрытую карету, где Оливия и портниха в четыре руки переодели меня... в то самое, мое свадебное платье!

Снова облака волшебной, невесомой ткани, которая струилась и переливалась — то сияя золотом солнца, то мерцая серебром луны. Только фасон Мари сделала по фигуре — получилось даже лучше, чем в прошлый раз! Рукава расшиты жемчугом — на счастье. Я вспомнила, как мерила это платье первый раз, вспомнила, как Ричард порвал его, представила, сколько сил пришлось приложить, чтобы сшить мне такое же, новое, еще лучше прежнего. И ведь я не просила. Не просила, но как же мне хотелось выйти замуж именно в нем! Я не выдержала, обняла Мари и расплакалась.

Оливия и Мари, вытирая слезы, вылезли из кареты, и ко мне присоединилась мама Рэма. Дарина села напротив, взяла мои руки в свои и быстро, горячо заговорила, будто боялась, что я сейчас закачу истерику:

— Вероника, простите... Простите меня, это я, я все устроила. Я подслушала ваш с Ричардом разговор...

— Золотистая змейка! Ваш Ану-Чи... — выдохнула я. Ну что сказать? У меня не галлюцинации — уже хорошо.

— Простите... Чкори верят, что, если во время обряда соединения люди одни, они останутся без поддержки тех, кто их любит. Мы верим в то, что рядом должны быть только самые близкие, иначе недоброжелатели злыми мыслями спугнут Любовь или даже убьют ее. Поэтому я подговорила всех. Здесь только свои — те, кто вас любит. Еще я взяла на себя смелость и пригласила Гирра...

— Спасибо. — Я пожала руки Дарины в ответ. Больше мы не говорили — просто обнялись. Столько всего произошло, а мы так и не смогли поблагодарить друг друга. За сыновей. За наши жизни. Кончилось все это тем, что из кареты вышли еще две заплаканные дамы, одна из них, между прочим, невеста, в умопомрачительном платье...

Сыновья вручили мне букет подснежников, отец подвел к Ричарду, и все вошли в пещеру, в которой было все как в моем сне: четыре большие чаши по углам огромной залы с земляным полом. Жрец, как и обещал Ричард, в белых одеждах и с белой бородой, что-то напевал.

Я украдкой подсматривала за присутствующими. Мама, Наташа и Луиза, не стесняясь, вытирали слезы. Гостям из деревни повезло больше — они прятали лица в охапках полыхающих огнем цветов. Вилли держал такой огромный букет, что его самого из-за него почти не было видно. Мальчишки, так же как мой жених и остальные представители правящей династии, были в парадных мундирах. Черных, идеально подогнанных по фигуре, расшитых серебром. Знаки принадлежности к стихии сверкали на рукавах. Только Рэм, несмотря на то что являлся кадетом имперской Академии, был в мундире Рэймского герцогства, расшитом драгоценными камнями цвета запекшейся крови, похожими на гранат.

Как же моим мужчинам форма к лицу!..

— Милая, не хочу тебя отвлекать, но вообще-то мы женимся... Обряд идет, — шепот Ричарда был таким счастливым...

— Спасибо, что напомнил, — шепнула я в ответ.

— Возьми горсть земли и брось в чашу.

Ричард в освещении факелов, в мундире с серебром. Хорош! Серебро волос, серебро вышивки. Интересно, а где он взял мундир? Его тоже в карету затащили и переодели? Я вспомнила, как мы шли к храму. Ричард был... в наглухо застегнутом плаще. Обычно он носит его нараспашку.

— Ника, любимая... Пожалуйста, возьми горсть земли и брось ее в

чашу! Я прошу тебя, на нас все смотрят!

Я очнулась...

Жрец подсовывал мне серебряный кубок, доверху наполненный землей. Надо было взять горсть и бросить на алтарь, символизирующий стихию Земли. Да не вопрос! Я схватила побольше и с силой швырнула куда требовалось.

— Да что с тобой? — прошептал Ричард в самое ухо.

— Ты знал! — зашипела я. — Знал, что все придут, ты даже мундир надел заранее!

Жрец, с крайне недовольным выражением на лице, сунул мне в руку хрустальный кубок и налил в него воды. Точно такой же был у Ричарда. Под какое-то заклинание мы вылили воду в чашу.

— Что мне сделать, чтобы ты меня простила и сосредоточилась на обряде? — Ричард едва сдерживал смех. — Мы просим Стихии освятить наш брак, и, если ты не успокоишься, они нас покарают!

— Пять желаний!

— Три!

— Ты обманул меня!

— Я всего лишь сделал тебе сюрприз!

— Что?! Сюрприз?!

— Але-ре, реир, денетиз, ветрум — амеа! — К лицу поднесли плоский, совершенно пустой кубок. И что с ним делать?

— Стихия воздуха. Смотри на меня и делай то же самое! — раздался в сознании голос Ричарда.

Ричард подул над кубком, и серебряные нити заплясали над огромной хрустальной чашей. Я тоже подула. Осталась стихия огня. В чаше из алого прозрачного камня полыхал огонь.

— Агир! Бланетерро-ари! Агир! — Жрец поднял руки к небу, огонь вырвался из чаши и вспыхнул, зажав нас с Ричардом в кольцо. Я испугалась, бросилась к этому... предателю в объятия. Я, конечно, обиделась. Очень. Но мне страшно!

— Тише, — обнял меня жених. — Мы попросили у Стихий разрешения, но только Огонь повенчает нас. Я же маг огня. Осталось совсем чуть-чуть, Ника, потерпи.

— Пять! — решительно сказала я.

— Три! — покачал головой огненный маг.

— Энеро! Энеро — Анаэль — Мирrrrrра! — завопил жрец, и все стихло.

В полной тишине Ричард повел меня в середину пещеры. Только

сейчас я заметила еще одну чашу в самом центре. Мы встали с одной стороны, жрец — с другой. Тишина была такой, что слышно было, как шипит масло в факелах.

— Анаэль — Мирrrrrра! — пронеслось в тишине, приглашенные гости встали полукругом вокруг нас. Снова тишина. Казалось, все чего-то напряженно ждут... Я посмотрела на Ричарда — он был серьезен. Оглядела гостей, встретила глазами с родителями и Наташей, поняла, что они тоже ничего не понимают, стало немного легче.

Наконец произошло то, чего все так напряженно ждали, — огонь вспыхнул в центре Храма! Жрец прослезился, обнял меня и Ричарда, соединил наши руки. И под бурные аплодисменты присутствующих мы поцеловались. Ну прям как в загсе. Кстати, а не затащить ли туда ненаследного принца....

— Ника, я счастлив, — прошептал мой... муж? Или еще нет?

— Все? Ты — мой муж?

— Да, любимая...

— Так как насчет пяти?

— Три, и не больше!

Из храма мы высыпали шумной, радостной толпой. Потом плели венки из огоньков надежды, надевали друг на друга, гуляли в роще зеленых цапель, ели лимарру, пили вино, пели и танцевали.

Мама Вилли решила поведать всем желающим легенду о трагической любви одного молодого огненного мага к девушке, отец которой был стихийником земли. История была похожа на «Ромео и Джульетту» и рассказывала о том времени, когда дети магов, принадлежащих к разным стихиям, не могли пожениться. Юные влюбленные выбрали смерть, и там, где они пролили кровь во имя любви, выросли удивительные цветы, которые полыхали огнем, если рядом оказывались двое, чьи чувства взаимны и искренни.

Брэндон и Джулиана, оба в полыхающих венках, постоянно попадали под ветки, на которых пели красногрудые цапельки. Луиза с Денисом не отставали от молодых, а придворный маг Рэймского герцогства не отходил от мамы Вилли, помогая женщине раздавать пирожки и стаканчики с вином и ягодами. Фредерик с Наташей обсуждали в стороне новый роман писательницы, старательно игнорируя всеобщую затею с венками. Все было хорошо. Слишком хорошо.

Ричард с герцогиней отошли к небольшому шатру, в котором устроились чкори, приглашая передохнуть всех желающих. Рэм с Пашкой и юные Кромер с Борнмутом уже дрались на шпагах. Феликс снисходительно

за ними наблюдал. А мы с Флоризелем решили прогуляться. Щенок рванул вперед, и я поспешила за ним, боясь потерять его ушастое высочество из виду. Мы вышли из рощи на песчаный берег реки. Я уселась на камень, солнце уже зашло, спустились сумерки. Слышно было, как толстые лапы шлепают по мокрому песку. Ветерок охлаждал кожу, только перстень... Перстень! Кольцо не просто нагрелось — оно нестерпимо жгло палец, я с трудом сняла его и бросила на песок.

— Ричард! — позвала... мужа.

— Ника! — Ричард и Фредерик выскочили на пляж почти одновременно. Все смотрели на перстень на мокром песке. Флоризель по ту сторону жалобно заскулил, перстень полыхнул голубым светом, разгораясь все ярче и ярче. Марево медленно таяло, а на его месте появился полупрозрачный образ женщины.

— Милена... — прохрипел император и, пошатываясь, пошел вперед.

— Мама. — Ричард тоже сделал несколько шагов вперед, не выпуская моей руки.

— Сынок. Дочка, — голос Милены Рэ просто раздавался в сознании каждого из нас. Тихий. Нежный. Очень красивый. Прозрачные руки погладили нас с Ричардом по голове — приятное тепло защекотало затылок, почти так же, как делал все это время перстень на моей руке. Несколько минут спустя Ричард потащил меня прочь, оставив отца наедине с призраком.

— Ричард, Ричард! Почему мы уходим? Это же Милена! Я хочу...

— Мама — очень сильный маг. Не знаю как, но она заключила себя в перстень и все это время была с нами. Ты же говорила мне, что перстень — живой, что ты с ним разговариваешь. Ты была права. — Ричард погладил меня по щеке, как будто извиняясь.

— Тогда почему мы ушли, Ричард? Там же... Там же твоя мама!

— У призраков очень мало времени, Ника. Маме с отцом надо... побыть вдвоем. Отец должен ее отпустить — иначе он никогда не будет счастлив, а мама должна уйти — мертвым не место среди живых в нашем мире. Заточить себя в перстень на такой долгий срок — очень мучительно. Мама сделала это для того, чтобы помочь в трудную минуту тем, кого она любила. Давай не будем мешать им. Согласна?

— Да... — И мы пошли вдоль реки, крикнув Флоризеля. Снова зашлепали лапы по мокрому песку, вторя плеску волн. Странно... Речушка вроде бы небольшая, а волны... Волны накатили огромные, и вскоре над пляжем раздалось:

— Свадьба! Свадьба, а меня не пригласили?! Как это понимать, принц

Ричард?!

— Владыка Ир! — обрадовалась я и бросилась целовать зеленого повелителя морских глубин.

— Здравствуй, девочка. Так почему не пригласили?!

— Владыка Ир, — поклонился Ричард, — тут... небольшая заварушка была, вы уж простите.

— Знаю-знаю, наслышан уже. Мы с твоим отцом беседовали. Девочка, дай руку. — Зеленая ладонь раскрылась, и к моему браслету присоединились еще по три жемчужины с каждой стороны. — Не забудьте пригласить на рождение первенца! Я уж и жемчужину принцессе приготовил.

— Принцессе? — Я улыбнулась.

— Принцессе, принцессе. — Синие глаза сверкали, зеленые пальцы гладили белоснежную бороду. Владыка с Ричардом обнялись.

— Пойдемте с нами, там еще остались ягоды, пирожки и вино, — пригласила я владыку.

— Спасибо, но мне пора.

Ричард прощался с владыкой, а я гладила мокрую шерсть Флоризеля и думала... Когда Ричард подошел, я решительно сказала:

— Мне нужно поговорить с Миленой. Одно мгновение, пожалуйста! Это очень важно...

— Ника... Ника, что ты задумала? — вздохнул Ричард.

Я набрала в легкие воздуха побольше, чтобы объяснить ему, но тут в голове зазвучало:

— Это все? Уверена, что больше ничего не хочешь? Что-нибудь для себя? Я многое могу...

— Нет. Это все, — мысленно ответила я.

— Хорошо. Через час приходи сюда, к реке.

— Ну хорошо. Пойдем найдем отца. — Ричард взял меня за руку и потащил. Я затормозила, зарывшись пятками в мокрый песок. Флоризель обрадовался и с громким лаем стал прыгать вокруг нас.

— Ника? — Ричард вопросительно вскинул брови над черными глазами, в которых отражались лунные зайчики. Закат давно прошел, взошла луна, над рекой горели звезды. Мы упали на мокрый песок, и, если бы Флоризель нас оставил, вечер мог бы закончиться очень романтично. Но слюнявая морда втиснулась между нами и все испортила...

— Мама! Мама! — К нам бежали Павел, Феликс и Рэм. Флоризель с громким лаем бросился к ним.

— Мам! Иди, ну иди же! Брэндон сейчас запустит фейерверк в вашу

честь! И вообще — вас все ищут! Куда вы пропали? Ну пойдем же, пойдем скорее!

— Мальчики правы — надо поторопиться, — кивнул Ричард. — Фейерверк Брэндона пропустить нельзя! Тебе понравится.

И муж, крепко схватив меня за руку, потащил к толпе, что выходила на пляж.

Во главе процессии шел принц, обвешанный какими-то продолговатыми блестящими трубками. Часть из них гордо несла сияющая от счастья Джулиана. Я заметила Фредерика рядом с Наташей, улыбающегося грустно и светло...

Если когда-нибудь будете в мире стихийников и какой-нибудь молодой маг огня, увлекающийся фейерверками, предложит вам посмотреть — не отказывайтесь!

Предраассветное небо взорвалось огненными цветами. Алые кони пронеслись вдоль реки, дамы и кавалеры танцевали менуэт, а в самом конце вырос прекрасный замок со стрельчатыми окнами, башенками и разноцветными звездами над ними. Звезды падали с неба прямо в руки и тут же исчезали, не обжигая и не причиняя вреда...

Это было прекрасно! Восторженные возгласы, открытые рты и горящие глаза были лучшим признанием — Брэндон краснел и довольно улыбался, скромно отойдя в сторону. Джулиана, наоборот, стояла в самом центре, то и дело кидая на принца счастливые взгляды.

Усталые, но довольные, зацелованные и немного пьяные от вина, свежего воздуха и фейерверка, мы встречали рассвет.

Солнце вставало над кронами деревьев, заливая все вокруг золотым светом. В ярких солнечных лучах медленно таяли Анук-Чи чкори, гасли огни венков, исчезали алые перышки цапель, таяли в небе удивительные образы волшебника Брэндона. Сказка тихо уходила, не прощаясь, едва коснувшись щеки легким дуновением ветра.

Мы вернулись на поляну. Чкори сворачивали шатры, мальчишки подбирали разбросанные шпаги, Флоризель носился между гостями, которые скармливали ему остатки пирожков.

— Я люблю тебя, — тихо сказал Ричард и привлек меня к себе.

— Ричард... я... Я сейчас приду, хорошо? Мне... мне надо к реке, ненадолго.

— Хорошо, дорогая, я тебя жду.

Я облегченно вздохнула и поспешила к воде. Солнце торжественно вставало над рекой. Мой первый день в законном браке. Самое прекрасное в этом было то, что счастлива не только я, но и те, кого я люблю. Брэндон и

Джулиана, Луиза и Денис, Фредерик и Наташа... Родители. Мальчишки. Маг Рэймского герцогства Гирр весь вечер не отходил от мамы Вилли. Было бы хорошо, если бы у них что-нибудь получилось...

— Вероника... — нежный, прохладный голос раздался сзади. А я-то не отрываясь смотрела на волны!

— Ия! — обернулась я.

Прекрасная зеленокожая красавица смотрела на меня влажными синими глазами.

— Милена открыла портал в мир мертвых и забрала всех змей. Змеек... Они не плохие, и я... Я к ним привыкла. Но... Все равно спасибо. Я и сама не представляла, насколько мне хотелось вернуться. Вот только возвращаться — некуда...

— Как это некуда? Почему?

— Брат никогда меня не простит...

— Хватит нести чепуху, Ия! Прощайся с миледи Вероникой. Ты и так доставила ей кучу хлопот. — Владыка Ир не смог спрятать довольной и счастливой улыбки, хотя изо всех сил пытался выглядеть суровым. — Спасибо. Спасибо за сестру. Я ваш должник, миледи. Так же как и должник Ричарда. Теперь мы с Ией у вашей семьи в вечном услужении — можете располагать нашими возможностями в любое время. И это очень неплохо, девочка, поверь мне.

Ир подмигнул, и они исчезли, слегка забрызгав на прощание подол моего подвенечного платья водой.

— Миледи Вероника... — Мой муж склонился передо мной в глубоком поклоне. Как же изящно это у него получается. И... какой он... красивый.

— Не выдержал? Подслушивал... Следил? — покачала головой я.

— Просто беспокоился, — приосанился мой ректор Военной Академии.

— Ну-ну... Я так и подумала.

— Всех несчастных спасла? — Ричард взял мою голову в свои большие, теплые ладони.

— Всех! — радостно улыбнулась я. — Теперь — всех! Можем идти домой!

— Слушаюсь, ваше высочество.

— Что? — не поняла я.

— Ваше высочество Вероника Рэ Тигверд, — пояснил мой муж.

— С ума сойти, — выдохнула я и поцеловала того, кого любила больше всего на свете...

Эпилог

Итак... Какой там у нас день со времени нашей свадьбы? Пятый... А сколько раз мы виделись за это время? Три... Нет, четыре раза... Встречаемся вечером, ложимся в кровать и... засыпаем, едва головы коснутся подушек. Вот такой вот бурный медовый месяц. Жаль, конечно, но так уж сложились обстоятельства. У него — война, пленные и расследование, у меня — газета, журнал, дом, мальчишки... и Флоризель!

Однако всегда найдутся добрые люди, которые скажут тебе что-то теплое... И этих самых людей с их трепетными порывами игнорировать не получается, потому что это мои любимые мама и папа. Как всегда, родители очень переживают, что у единственной дочери все не так, как у людей.

— Ника, а что со свадебным путешествием? — поинтересовался... папа. А матушка изо всех сил сделала незаинтересованное лицо. Ага, я даже и поверю, что отец самостоятельно явился в редакцию, чтобы задать этот самый вопрос.

— А вот у Ричарда и спроси, — нежно улыбнулась я. — Как только мой супруг прикажет мне паковать чемоданы — так я ж... С дорогой душой!

Отец тут же сник. Ричард был его начальником, и папенька прекрасно понимал, какой объем работы у всех силовиков, включая его самого, после раскрытия заговора герцогини Борнмут.

— Ника, — строго сказала мама, — это все-таки не дело.

— Ладно, — рассмеялась я. — Поговорю с мужем. Попробую.

В чем-то родители были правы: вырваться куда-то очень хотелось. Думаю, Ричарду тоже. Однако...

Я закончила рабочий день — составила несколько кроссвордов. Хорошо еще, что императорские юристы оформили патент на использование этого вида развлечения. Теперь право вставлять в газеты и журналы кроссворды имели только мы. А имперский народ... «подсел», как выражается Пашка, массово! Дело дошло до отдельной брошюры, дополненной рецептами и забавными историями.

Все было хорошо, но все же одна мысль не давала покоя. Она жила в моей голове и иногда причиняла боль. Будто перстень нагрелся и жег кожу...

Я вспомнила Милену. После нашей свадьбы кольцо больше не

разговаривало со мной синими всполохами. Искры по-прежнему жили в камне, но общение азбукой Морзе прекратилось. Нет, я, конечно, была рада, что душа мамы Ричарда обрела свободу. Рада, что Фредерик и Милена... попрощались. Но все же скучала по живому перстню, с которым можно поговорить в трудную минуту. Такую, как сейчас...

Вот сейчас я не знала, что делать. В голове не укладывалось, что Милфорда не было на нашей свадьбе! На все вопросы о нем Ричард молчал, как пленный партизан. Я не знала, что произошло с милордом, зато своего мужа я изучила хорошо. И судя по выражению его лица — случилось что-то очень, очень плохое...

Переделав дела, я решила прогуляться, чтобы все хорошенько обдумать. Весенний Роттервик — это... это чудо! Шапки цветущих деревьев, источающих дивный аромат. Даже если смешать ваниль, корицу, апельсины и мармелад — так не получится! Я шла медленно, чтобы не расплескать что-то такое, что скопилось где-то в районе солнечного сплетения и щекотало изнутри. Счастье, наверное...

Затем сделала глубокий вдох и все-таки нашла в себе силы задуматься о том, к кому обратиться, чтобы узнать о Милфорде...

Сразу к Фредерику? Или попробовать узнать что-то у Брэндона? Хотя если Ричард промолчал — а промолчал он, скорее всего, чтобы меня не расстраивать — то и эта августейшая парочка информацией не поделится.

И что делать? Ирвин? Нет. Целитель будет чувствовать себя виноватым, если я через него узнаю что-нибудь, что желали бы скрыть Тигверды.

Поручить журналистское расследование Джулиане? Нет, не стоит. У девушки сейчас с наследником отношения — шаг вперед и два назад... Лучше не трогать.

— Мама? — удивленный голос Феликса прервал так и не родившийся план, достойный Макиавелли. А был бы достоин, если бы родился. Наверняка.

— Мам, а что ты тут делаешь?

Я огляделась и поняла, что забрела достаточно далеко и от дома, и от редакции. На площадь Цветов.

Площадь Цветов была местом, безусловно, красивым, особенно весной, но, на мой взгляд, чересчур помпезным. Золотистые киреи — цветы, которые Ричард любил дарить маме, — красовались в белоснежных каменных вазах и на солнце слепили глаза. Стриженный газон. Скамеечки. Оградки с грифонами, даже фонтаны! Но самое удивительное — это огромная клумба в самом центре. Здесь золотые цветы были посажены так

плотно друг к другу, что сливались в один блестящий диск — будто солнце упало в траву. А по краям... По краям росли черные тюльпаны. Самые настоящие тюльпаны — черные, как... глаза Тигвердов!

— Привет. — Я оторвалась от пейзажа. — Гуляю. А ты?

— Ма-а-ам, здесь же университет рядом. — И сын махнул рукой в сторону мощной высокой стены. — Меня скоро переводят на медицинский факультет, чтобы преподавателей не гонять зря в Академию.

— А нас с отцом в известность поставить?! — проворчала я.

— Так я просто познакомиться. Мне госпожа Агриппа экскурсию по университету обещала...

— А госпожа Агриппа — это?..

— Преподаватель молодого человека, — негромко, но четко произнесли рядом.

Я обернулась и увидела молодую девушку.

Если бы у Джулианы глаза были светлее, а волосы ярко-рыжие, они, наверное, были бы чем-то похожи. «Преподаватель молодого человека» была высокая, стройная и одета была как-то не по-имперски. Просторный плащ. Волосы уложены в гладкую прическу — никаких локонов. Может, у целителей другая мода?

— Рене Элия Агриппа, — представилась девушка. — Я курирую первый курс.

— А я мама Феликса, миледи Вероника. Я вам не помешаю?

— Конечно, нет.

Феликс укоризненно посмотрел на меня — и я поняла, что забыла упомянуть фамилию мужа. Ну да ладно, зато общение будет менее официальным.

Чем ближе мы подходили к университету, тем больше мне становилось не по себе. Даже в Военной Академии как-то... уютнее, что ли. А здесь... Серые холодные стены, низкие арки, величественные колонны, узкие высокие окна. Ни рельефов, ни завитушек, ни клумб с цветами. Правда, везде были теплицы, от которых шел дивный аромат.

— Это лекарственные травы, — пояснила девушка, заметив, что я разглядываю и принимаюсь.

Внутри, за стенами, был спрятан целый город. Корпуса, дома, домики. Все — серое. Чистое. Аккуратное... Снова стало не по себе. Почему-то захотелось напечь блинов, посадить Феликса рядом и кормить, кормить... А главное — никуда не отпускать!

— А вот и корпус целителей, — улыбнулась госпожа Агриппа.

Я вдруг вспомнила герцогиню Борнмут и ее слова о том, что женщина

не может доказать никому, на что она способна.

— Поправьте меня, если я ошибусь, — проговорила я, — но ведь женщин в империи обучают только на дому?

— Если это не целители, — кивнула преподавательница. — Один из первых указов его величества Фредерика был о том, что если у имперца и приравненного к ним человека откроется дар, то его будут обучать. Вне зависимости от пола и сословия. По окончании обучения целительница получит такой знак...

Госпожа Агриппа развернула к нам ладонь. Там была изображена змея, свивающаяся кольцами.

— Если целительница показывает ее любому имперцу, — продолжил Феликс, глаза которого сверкали от восторга, — то она может отдать любой приказ. И его обязаны будут исполнить.

— Любой, ведущий к выздоровлению больного, — поправила его госпожа Агриппа.

Сын смущенно кивнул.

— Понятно. А что такое — человек, приравненный к имперцу?

— Тот, кто оказался в нашем мире.

— Я знаю целителя Ирвина, но...

— Целителя Ирвина знают все, — улыбнулась рыжеволосая целительница.

— Уверена: у него такого знака нет. Я бы заметила.

— Конечно, нет! — удивилась девушка. — Зачем мужчине доказывать свою принадлежность к касте целителей? Ему достаточно просто сказать, что он целитель... Пойдемте, я покажу вам, как все устроено внутри.

Я вздохнула. Нет, я уже привыкла к тому, как относятся к женщинам в империи, но... Надо поговорить с Фредериком. Скоро наш журнал посещают в кудрявых головках правильные мысли, и если параллельно не принять несколько своевременных мер, то будет... Революция будет! Безжалостная и беспощадная...

Я так задумалась, что почти не слушала, о чем рассказывала девушка. Внутри здания каждый шаг долго звучал гулким эхом, отражаясь от каменных стен. Эхо возвращалось хриплым знакомым голосом, который бормотал что-то... Что-то знакомое:

«Караулили сны-вампиры...»

— Милфорд! — вырвалось у меня.

— Да, — грустно кивнула госпожа Агриппа. — Он у нас. Но надежды...

— Что с ним?

— Магия вышла из-под контроля. Но это еще можно исправить. Гораздо хуже то, что он... Он не хочет жить.

— Почему?

— Видимо, те приказы, которые он получил и выполнил, сломили его. Физически он здоров, но...

— Мне надо его увидеть.

— Миледи... — грустно покачала головой девушка. — Его звал учитель Ирвин. Его пытался спасти его величество император Фредерик. Командующий Тигверд. Даже наш ректор, милорд Швангау...

— И что?

— Такое иной раз случается, — вздохнула целительница. — В подобных случаях единственный выход — найти человека, который дозволится и заставит вернуться...

— Как в магической метели, — вырвалось у меня.

— Именно. — Девушка внимательно посмотрела на меня. Видимо, мои познания в этой области ее впечатлили.

— Но... Как же так... Швангау... Он ведь его брат?!

— Когда милорд Милфорд слышит голос милорда Швангау, то... все становится еще хуже.

Я беспомощно посмотрела на Феликса, он на меня. Целительница печально сказала:

— К сожалению, мы не всемогущи. И если графа Тробриджа мы вытащили — он отозвался на лепет своей дочери...

— Девочку спасли?! — обрадовалась я.

— Да. Мать графа скрывала ее у своих вассалов. Никто и предположить не мог, что...

— Хотя что-то хорошее, — пробормотала я.

— Это еще не все. Нам удалось спасти полковника Гилмора.

— Что? А с ним...

— После гибели жены в Норверде... Что с вами, миледи?

Феликс подставил мне плечо. Пара шагов — и я опустилась на каменные плиты. Вспомнила счастливую, нежную женщину, которую видела в своем доме. Беременную женщину.

Закрыла лицо руками.

— Мам, может, ты домой пойдешь? — осторожно спросил сын.

— Сейчас. — И девушка вернула меня в нормальное состояние практически мгновенно. Я была потрясена: ни настоек, ни прикосновений... Просто внимательный, пристальный взгляд меняющих цвет глаз. За эти несколько секунд ее глаза успели стать серо-голубыми, как

у Феликса, черными, как у Ричарда, карими, как у Рэймской... Будто все, кого я любила, были рядом. Удивительные ощущения. И я вдруг почувствовала такой прилив сил, такую жажду деятельности, а главное — такую... злость!!!

Милфорда надо вытащить. В нашей семье существует закон: мы своих не бросаем!

— Миледи. Я могу договориться, чтобы вас пустили попрощаться. Это все, что я могу для вас сделать.

— Что?! — Я замотала головой.

— С каждым часом его страдания и боль лишь усиливаются. Нет смысла длить агонию. Его величество уже прибыл.

— Император?! Мне надо с ним поговорить!

— Милорд Милфорд давал клятву верности его величеству лично. Император может отпустить своего слугу. И даровать ему покой без боли.

— Нет, — вскочила я. — Так не должно закончиться! Только не так!!!

— Мы никого не нашли, кто мог бы послужить якорем, — с сожалением сказала девушка.

— Якорь, — задумалась я. Вспомнила строчки, которые бормотал несчастный.... Строчки... стихов, которые... И неожиданно поняла, что делать.

— Феликс, — приказала я. — Вызывай Пашку. Госпожа Агриппа, мне срочно надо увидеть мужа.

По удивленному взгляду девушки я поняла, что целительница так и не поняла, кто мы. И с сожалением раскрыла инкогнито:

— Ричарда Тигверда.

Девушка неловко поклонилась. В какой-то момент мне показалось, что ее придется ловить. Но ничего — на ногах она удержалась.

В палате у Милфорда было многолюдно. Император, Швангау, Ирвин, мой муж.

— Ричард, — воскликнула я. — Не смейте!!!

— Ника, — поморщился император.

— Как хорошо, что ты почувствовала и пришла попрощаться, — тихо проговорил Ричард. — Я так и не смог тебе сказать.

Когда много крови,
Появляется чувство,
Как будто ты зверь...

— Он читает стихи Таи!
— Миледи Вероника, — тяжело посмотрел на меня Ирвин. — Он молчит.

Ты видишь, слышишь
Острей в десятки

— Ничего подобного!
— Кто такая Тая? — быстро спросил Швангау.
— Моя студентка. Однажды девушка забыла в аудитории тетрадку — там были стихи. Я их слышу! Слышу, как он их читает! Он их знает! Не знаю, правда, как это может быть, но...
— Может. — Швангау обернулся к императору. — Я считаю, попробовать стоит. Видимо, девушка входила в состояние между сном и явью, в котором люди мира Вероники способны путешествовать по иным мирам. Скорее всего, она это делала бесконтрольно, хотя в вашем мире, безусловно, существуют также маги, способные управлять этим процессом.
— Попробовать стоит, — кивнул император. — Ричард?
— Пауль знает эту девушку? — Муж посмотрел на меня.
— Да. Я Феликса просила его вызвать.
За дверью уже были слышны голоса мальчишек.
— Как ее зовут?
— Тая. Она занимается фехтованием вместе с Пашкой.
Ричард вышел, а я обратилась к императору:
— Можно я попробую? Я же слышу, как он читает стихи! У меня получится.
— Нельзя, ваше величество, — резко ответил бледный до серо-зеленого Ирвин. — Милфорд может отреагировать... Совсем не так, как мы планируем.

И будем вместе болтать ногами,
Чудовищ в бездне кормя плодами...

Я подошла к милорду, присела на край кровати, взяла его холодную руку в свои. Ирвин попытался вмешаться, но Фредерик жестом остановил целителя. Ладонь Милфорда была холодная, как камень.
— Эдвард... Откуда ты знаешь эти стихи?

— Она их везде пишет... На песке... Любит писать на песке.
— А где вы с ней были? В империи?
— Нет, не здесь. Другой... мир. Берег, белый от соли. Скалы. Ветер. Сидит на камне, слушает море. Целуется с ветром. Чертит своей тонкой шпагой-ниточкой на песке. Волны смывают слова. Что успел прочесть — запомнил:

Смерть шепчет, шепчет,
Почти ласкает. Почти целует.
И не пугает...

— Если она позовет... Ты вернешься?
— Она не позовет...
— А если позовет?! Вернешься? Вернешься или нет? Отвечай!
Меня почему-то трясло от злости. Я с кем-то вступила в сделку... Или с чем-то. Я это чувствовала, ощущала почти физически. Или я, или оно! Я не отдам тебе его, слышишь? Не отдам! Он вернется... Вернется...

— Пари, Вероника? — И бледные губы на неподвижном лице медленно скривились в ухмылку. Я вспомнила Пашин крик на заднем сиденье нашей машины. Вспомнила первые несмелые шаги Феликса. Песчаного Анук-Чи Рэма, его счастливое лицо. Теперь, наверное, буду вспоминать и эту ухмылку.

В этот момент вспыхнуло марево портала, и появились Павел с Ричардом. Муж держал на руках девушку в костюме для фехтования — белом, как ее лицо. Длинные темные волосы касались каменного пола, голова безжизненно повисла. Пашка держал маску и рапиру.

— Что с ней? Что случилось? — Я старалась говорить спокойно, не отвлекаясь и не теряя связи с Эдвардом.

— Ей стало плохо, — растерянно сказал Пашка. — Мы ее из медкабинета забрали, с тренировки. Она в обморок упала. С ней раньше никогда такого не было.

— Сейчас все будет в порядке, — успокоил всех император и посмотрел на целителя, приказывая заняться девушкой. — Для жителей вашего мира, наверное, это в порядке вещей. Там такой отвратительный воздух!

— Нет. Удивительно, но между ними существует связь. — Ирвин покачал головой и склонился над девушкой.

Всего пару минут спустя она заговорила. Тая говорила сама с собой.

Было видно, что с ней это не в первый раз, что девушка не удивлена и абсолютно уверена, что просто спит и ее никто не слышит:

— Пашка!.. Надо же... Ты мне никогда раньше не снился... Ой, тут твоя мама! Она тоже мне никогда не снилась...

— Тая, мы не спим. Понимаешь, это... — Павел хотел объяснить, но не успел. Тая увидела Милфорда.

— Что с ним?! — Девушка вскочила и бросилась к кровати. — Что с вами? Что с вами? Пожалуйста, очнитесь! Пожалуйста!!!

Я даже не успела ничего понять... Девушка так по-женски взяла лицо мужчины в свои ладошки... Стала гладить. Звать. Уговаривать вернуться. Она сделала все что нужно, хотя никто ей ничего не объяснял, никто ни о чем не просил. Мы просто... не успели.

— Пожалуйста, очнитесь! Пожалуйста, вернитесь! Пожалуйста...

Я попрошу, чтоб позвала
Тебя над синим морем чайка.
У чайки крик такой отчаянный,
Сама бы я так не смогла...
Я попрошу тебя позвать
Седой прибой о скалы грохотом,
Закат кровавым алым хохотом
Я попрошу тебя позвать...
Бездонной пустоте назло
Твое я имя повторяю,
Жаль только... я его... не знаю,
Но повторяю все равно!

Последние строчки растворились в пустоте. Мне казалось, я слышу стук сердец стоящих рядом со мной мужчин. Но самое страшное было то, что я больше не слышала милорда Милфорда. Не чувствовала его...

— Это... самое... самое... красивое из всех... — хриплый, свистящий шепот заполнил помещение целиком. И на этот раз его слышала не только я, слова, произнесенные начальником контрразведки, слышали все.

— Отойдите! Выйдите! Все! Вон! Феликс — помогаешь мне! Рене! Тоже сюда — нужна! — Ирвин отдавал приказы голосом, усиленным магически. Мы все вышли, дверь за целителями захлопнулась.

Я буду звать тебя по имени,

Наверное, оно похоже
На скалы с ледяными спинами,
Морскую соль на смуглой коже...

Тая сидела на каменном полу, опираясь на стену и прижимая к себе маску с рапирой. Павел стоял над ней, до побелевших костяшек сжимая рукоять своей шпаги. Наши глаза встретились:

— Мам... Мам, и что теперь? Что с ней теперь будет? Что мне делать?

Ричард положил руку сыну на плечо:

— Давай вернем ее назад. — Не дожидаясь ответа, Ричард подхватил девушку, которая продолжала что-то бормотать, и исчез в мареве радужного портала.

— А я? — Пашка беспомощно уставился на меня.

Я даже не успела ничего ответить — Ричард вернулся. Муж с императором молча обменялись взглядами и снова исчезли в портале.

Мы с сыном остались одни в мрачном каменном коридоре. И вдруг оба одновременно поняли, как давно не оставались наедине друг с другом. Раньше... Раньше мы все время были вдвоем. А последнее время... не получалось. Мы посмотрели друг на друга и одновременно, не сговариваясь, кинулись обниматься!

Мы так и стояли, обнявшись, когда вернулись Ричард и Фредерик.

— Что с Таей? — Сын сорвал с губ мой вопрос.

— Я зачаровал девушку. Через пять минут в медкабинете спортивной школы она придет в себя. Никто ничего не заметит. Сама же Таисия будет уверена, что ей снился сон. К сожалению, я не смог сделать так, чтобы она его забыла. Девочка очень сильная... Ее кровь... это магическая кровь. — Фредерик уже разговаривал скорее сам с собой.

— Что ты об этом думаешь? — шепнула я сыну.

— Ну... она говорила, будто в ее роду были цыгане. Нет, не так... У нее отец вроде как настоящий цыган. Из какого-то рода очень уважаемого... Не знаю, мам!

Неожиданно огромная тяжелая дверь распахнулась, и мы все застыли. Все молча смотрели на то, как блестят и переливаются капельки пота на бледном лбу целителя Ирвина. Я почему-то думала, как же Феликс, такой маленький и худенький, будет открывать эти дубовые университетские двери... Или не дубовые? Словно в ответ на мои мысли, за Ирвином показалась мордашка Феликса. Он улыбался, глаза горели от восторга. Затем показалась Агриппа. Девушка кивнула мне и улыбнулась.

— Милорд Милфорд стабилен. Стабилен, но очень, очень слаб. Ни о какой работе не может быть и речи! Год как минимум! — Ирвин гневно сверкнул глазами в сторону его величества.

— Можно к нему? — тихо спросил Ричард. Я посмотрела на мужа и испугалась. Таким бледным я не видела его никогда.

— Полминуты. Вы и вы, ваше величество. Одновременно, чтобы не утомлять. Больше никому нельзя. Простите, Вероника. Но... Встреча с вами вызовет, возможно, больше эмоций, а сейчас это очень опасно. Я хотел бы вас поблагодарить. Ваша помощь неоценима! Если бы не вы...

— Не будем сейчас об этом. Главное — мы его вытащили! Все вместе! — И я крепко обняла целителя. Давно надо было это сделать!

Ричард и Фредерик исчезли за массивной дверью, которую я уже ненавидела, честное слово!

Наверное, я устала. Переволновалась. Но с меня хватит! И я решительно шагнула следом за Тигвердами.

Солнечный свет падал в узкое окно яркой полосой, будто шпагой рассекающей воздух между двумя Тигвердами — сыном и отцом. Две серебристые головы склонились над маленьким клочком бумаги, который император держал в руках, будто редкое насекомое. И что-то в этой композиции было... не так... Как будто чего-то не хватало. Или кого-то? Милфорд!

— Господа... Простите, что беспокою... А... где Милфорд?!

В ответ Фредерик протянул мне то, что эти двое столько времени разглядывали в полном молчании, будто оцепенели! Я быстро взяла мятый листок и пробежала глазами...

Ушел в отпуск.

Милфорд

Первым все-таки пришел в себя император:

— А кстати... Хорошая идея, между прочим! Давненько я не был...

— Э... нет! — назидательно поднял палец перед самым носом уважаемого отца старший сын. — В отпуск едем мы! У нас — медовый месяц!

— Сдаюсь, — расплылся в улыбке Фредерик. — Если бы ты был один — не видать бы тебе отпуска! Но ради Вероники... Хорошо, я подумаю.

— Не успеешь! — Черные глаза сверкнули алым пламенем, меня схватили за талию, и... мы исчезли в мареве портала.

---

notes

Примечания

Из песни «Марш энтузиастов» И. Дунаевский, слова А. Д'Актила.

Стихотворение Ю. Левитанского.